

Дороти Ли Сэйерс
Идеальное убийство
М.: Мир книги, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я открыла для себя удивительные детективные рассказы довольно необычным образом, который, вероятно, вызвал бы у выдающейся писательницы невероятное возмущение, доведись ей об этом узнать. Много лет назад актер Ян Кармигел блистательно исполнил главную роль в фильмах, снятых по ее детективным рассказам. Я посмотрела их все на некоммерческом канале TV в Хантингтон-Бич, Калифорния. Помню, как ведущий шоу рассказывал о необыкновенно ярких эпизодах жизни и карьеры этой писательницы, довольно рано получившей степень в Оксфорде. Причиной же, по которой я стала повсюду искать ее рассказы, явился созданный ею персонаж – детектив-аристократ лорд Питер Уимзи.

Я никогда не была поклонницей детективного жанра, но после фильмов с блистательной игрой Яна Кармигела стала живо интересоваться детективами Дороти Сэйерс и вскоре знала все, что имело хоть малейшее отношение к лорду Питеру Уимзи: от его щегольской манеры речи до подробностей его семейных отношений. За относительно небольшой срок я крепко привязалась к нему, к его спокойному и вездесущему слуге Бантеру, вдовствующей герцогине Денверской (существовал ли когда-нибудь еще более восхитительный по аллитерации титул?), сердитому и нудному герцогу Денверу, Чарльзу Паркеру, леди Мэри... В рассказах Дороти Сэйерс я открыла для себя новый тип главного героя, которого сразу же полюбила: он живет проблемами реальной жизни, органично вплетен в повествование, а не вносит путаницу в сюжет. За его размышлениями интересно не только следить, но и включаться вместе с героем в процесс раскрытия преступления.

Необходимо отметить, что в отличие от других писателей таинственного «золотого века», загонявших себя в рамки детективного жанра, где непременно присутствовали трупы, огромное количество подозреваемых и отвлекающие внимание читателя приемы, Сэйерс в создании сюжетного полотна не признавала никаких ограничений. Преступление и его расследование были лишь основой, это был «скелет в шкафу» (как говорят англичане, он есть в каждой семье), к которому писательница затем прикрепляла мускулы, органы, кровеносные сосуды. Скелет оживал, обретал неповторимые характерные черты, и начиналась новая история рассказа. Сэйерс создавала свои произведения так, как ткнут гобелен: читатель не может не чувствовать обстановку, окружающую героев, каждый персонаж по-своему интересен и неповторим. В ее книгах всегда есть глубокий смысл, разрабатывая основную тему, она виртуозно использует литературные символы. Иными словами, в своем подходе к детективному жанру Сэйерс делает то, что я называю «пленных не брать». Она не опускается до уровня своих читателей, напротив, она верит, что ее читатели умны и смогут соответствовать ее представлению о них.

Я обнаружила в ее рассказах изобилие, многообразие приемов, которых мне не доводилось встречать в детективах ранее. Я была поражена удивительно точным использованием деталей: рассказывает ли она о том, как звонит колокольчик в «Девяти портных», или о необычном использовании мышьяка в «Силе яда». Автор прекрасно разбирается во всем, о чем пишет, – начиная от криптографии до виноделия; описание периода между войнами – полного безрассудства, отмеченного смертью одной и рождением другой, более коварной и лживой системы, – становится незабываемым.

Стремление раскрывать сущность человеческих отношений – вот что и по сей день продолжает удивлять в произведениях Д. Сэйерс. Страсти, которые владеют персонажами, созданными восемьдесят лет назад, столь же сильны, как сегодня, и так же волнуют читателей. Хотя Англия времен во многом изменилась, но и ныне одним из истинных удовольствий, заставляющих брать в руки ее книги, является желание постичь суть человеческой природы, которую никакое время изменить не может, хотя наши представления и восприятие мира волею обстоятельств становятся иными. Да и преступления – более жестокими...

В начале своей карьеры писателя криминального жанра я заявила, что буду удовлетворена, если когда-либо мое имя будет упомянуто в том же контексте, что и имя Дороти Сэйерс. Я счастлива, что после выхода в свет моего первого произведения это произошло. Но если мне когда-либо удастся

подарить читателям столько же удовольствия, сколько дарит Д. Сэйерс своими рассказами с участием детектива Уимзи, тогда я буду считать, что по-настоящему добилась успеха.

Несомненно, переиздание ее рассказов – всегда событие. Каждое следующее поколение читателей приветствует ее. Они отправляются в увлекательное путешествие в компании незабываемого попутчика. Во времена сомнений и тревог кто-то, возможно, вспомнит и Шерлока Холмса, и Эркюля Пуаро, и мисс Марпл благодаря их умению распутывать клубки хитроумных интриг и преступлений. Но если кому-то захочется успокоиться и достойно вынести все превратности судьбы, он не найдет ничего лучше, чем бросить якорь в гавани лорда Питера Уимзи.

Хантингтон-Бич,

Элизабет Джордж

Калифорния

Май 27, 2003

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

*Но где я грусть поймал, нашел иль добыл,
Что составляет, что родит ее, –
Хотел бы знать!*¹

У. Шекспир. «Венецианский купец»

1

Краем уха

«Смерть, вне всякого сомнения, была внезапной, непредвиденной и, на мой взгляд, загадочной».

Письмо от доктора Патерсона в службу регистрации актов гражданского состояния, подшито к делу Причарда.

– Но если он предполагал, что женщину убили...

– Мой дорогой Чарльз, – сказал молодой человек с моноклем, – из всех людей докторам в первую очередь не стоит распространяться о своих предположениях. Иначе они могут попасть в весьма затруднительную ситуацию. Что касается случая Причарда, то, на мой взгляд, доктор Патерсон сделал максимум возможного, когда отказался подписывать свидетельство о смерти миссис Тейлор и отправил это весьма настораживающее письмо в службу регистрации. Он никак не мог помешать этому человеку. Если бы по делу миссис Тейлор началось расследование, Причард, скорее всего, испугался бы и оставил свою жену в покое. Однако у Патерсона не было ни единого доказательства. И только представьте, что случилось бы, окажись он не прав – вот был бы переполох!

– И все-таки, – торопливо заметил неприметный молодой человек, нерешительно выковыривая горячую устрицу из ракушки и нервно оглядывая содержимое, прежде чем отправить его в рот, – в данном случае общественный долг подсказал бы каждому, что дело нужно придать огласке.

– Ваш – действительно подсказал бы, – ответил его собеседник. – Кстати, общественный долг отнюдь не обязывает вас есть устриц, если вы их не любите. Похоже, так оно и есть. Стоит ли продлевать мучения? Официант, заберите у этого джентльмена устрицы и принесите вместо них что-либо удобоваримое.

Итак, как я и говорил, ваш общественный долг заключается в том, чтобы строить предположения, инициировать расследования и поднимать шум, и если вы ошибетесь, люди не будут возмущаться по этому поводу, а скажут лишь, что вы сообразительный и усердный полицейский, который немного перестарался. Однако доктора – бедняги! – вынуждены вечно балансировать на тонкой проволоке, натянутой для них обществом. Никто не станет приглашать к пациенту врача, который при малейшем подозрении начинает выдвигать обвинения в убийстве.

– Прошу прощения! – Молодой человек с тонкими чертами лица, сидевший в одиночестве за соседним столиком, живо повернулся к ним. – Ужасно невежливо с моей стороны вторгаться в разговор, однако все, что вы сказали, верно до последнего слова, и я – живое тому подтверждение. Вы не можете себе представить, до чего мы, врачи, зависим от иллюзий и предубеждений наших

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник

пациентов и их близких. Самые элементарные предосторожности приводят их в негодование. Если патологоанатом осмеливается предложить родственникам вскрытие, они с ужасом отвергают его, говоря, что не позволят «резать нашего милого старенького мистера Такого-то», а если диагност просит разрешения в научных целях провести исследование по поводу загадочного заболевания, они решают, что вы намекаете на что-то неприличное. Если же вы предоставляете всему идти своим чередом, а потом оказывается, что там не обошлось без постороннего вмешательства, коронар впивается вам в глотку, а газеты делают из вас отбивную, поэтому в любом случае врач жалеет о том, что появился на свет.

– Похоже, вы знаете об этом не понаслышке, – сказал человек с моноклем, при этом его лицо выражало искреннюю заинтересованность.

– Это правда, – согласился врач. – Веди я себя как рядовой член общества, а не как пламенный гражданин, мне сейчас не пришлось бы рыскать по городу в поисках новой работы.

Человек с моноклем слабо улыбнулся и окинул взглядом зал небольшого ресторанчика в Сохо. За столиком справа толстяк развлекал двух девушек-хористок; рядом с ним двое пожилых завсегдатаев демонстрировали близкое знакомство с меню «Доброго буржуа», поглощая рубцы по-кански, которые так восхитительно тут готовят, и запивая их шабли-мутонн 1916 года; на другом конце обеденного зала какой-то провинциал и его жена затеяли неприличный скандал с метрдотелем из-за того, что им отказывались подать жареное мясо, к которому они хотели заказать лимонад – для дамы и виски с содовой – для джентльмена; за соседним же столиком статный седовласый землевладелец, утомленный выбором салатов для семейного обеда, рассуждал о правильном соотношении различных пряностей и чеснока.

Старший официант принес блюдо с речной форелью, переложил рыбу на тарелки человека с моноклем и его спутника и удалился, оставив их в уединении, которого неискушенные люди всегда ищут в модных заведениях и никогда не находят здесь.

– Я чувствую себя, – сказал человек с моноклем, – в точности как принц Флоризель из Богемии. Уверен, сэр, что за вашими словами кроется интереснейшая история, и я буду весьма обязан вам, если вы расскажете ее нам. Насколько я могу судить, вы уже закончили ваш ужин, и поэтому, быть может, не станете возражать против того, чтобы пересесть за наш стол и развлечь нас этой историей, пока мы будем есть. Простите мне эту стивенсоновскую манеру – моя заинтересованность происходит совсем из другого источника.

– Да ладно вам, Питер, – улыбнулся его визави. – Мой друг – человек гораздо более рациональный, чем можно судить по его изысканной речи, – добавил он, оборачиваясь к незнакомцу, – и если вы хотите рассказать нам, что лежит у вас на сердце, то можете быть совершенно уверены, что дальше нас эта информация не пойдет.

На лице молодого врача, человека с тонкими чертами лица, появилась улыбка – слегка зловещая.

– Я с удовольствием расскажу вам эту историю, если она не утомит вас. Просто случай из моей практики, не более того.

– Замечательно! – торжествующе воскликнул человек по имени Питер. – Начинайте же! Выпейте чего-нибудь. Горе тому, кто не позволяет себе маленьких слабостей. И, прошу вас, с самого начала. Ум у меня самый тривиальный. Я обожаю мелочи. Детали приводят меня в восторг. Я хочу знать подробности, пусть даже незначительные. Не откажусь ни от одной.

– Что ж, – произнес врач, – если рассказывать с самого начала, то я – врач, и сферой моих научных интересов является такое заболевание, как рак. Как и многие мои коллеги, я хотел заняться этой темой, однако, когда я сдал экзамены, у меня еще не было достаточных средств, чтобы посвятить себя исследовательской работе. Мне пришлось подыскать практику в провинции, но я поддерживал связи с некоторыми медицинскими светилами и надеялся все же вернуться к научной деятельности. Признаюсь, я надеялся получить наследство от своего дядюшки – но пока же решил, что будет полезно приобрести опыт практикующего врача. Расширить кругозор и все такое...

Поэтому, когда я приобрел небольшую практику в – не буду упоминать название, скажем, в городке N, в графстве Хемпшир, населением около пяти тысяч человек, – я узнал, что среди моих пациентов есть одна больная раком. Пожилая дама...

– Как давно это было? – перебил его Питер.

– Три года назад. Правда, я мало чем мог помочь пациентке. Старушке было семьдесят два, и она

уже перенесла одну операцию. Хотя, надо сказать, она не сдавалась на милость смертельной болезни, сражалась с ней изо всех сил, да и организм у нее был крепкий. Интеллектом больная не обладала, однако в некоторых вопросах была довольно хорошо осведомлена, упряма и положительно не собиралась умирать.

Жила она со своей племянницей, молоденькой женщиной лет двадцати пяти или около того. Раньше с ней жила компаньонка, пожилая дама была ее преданной подругой еще со школьной скамьи. Когда эта компаньонка скончалась, девушка, единственная родственница, оставила должность медсестры в Королевском госпитале, чтобы присматривать за своей тетушкой. Они обосновались в N примерно за год до того, как я начал там практику. Надеюсь, я пока ясно излагаю?

– Абсолютно. А другая сиделка у нее была?

– Появилась, но не сразу. Поначалу моя пациентка вполне справлялась с повседневными делами: навещала знакомых, делала легкую работу по дому, ухаживала в садике за цветами, вязала, читала, ездила на прогулки – в общем, занималась обычными делами, которыми пожилые дамы заполняют свой досуг. Конечно, временами у нее случались боли, однако квалификации племянницы-медсестры вполне хватало для того, чтобы сделать все необходимое.

– А что собой представляла эта племянница?

– О, очаровательная, образованная, способная девушка, умница, в отличие от своей тетки. Уверенная в себе, хладнокровная и все такое. Современная, одним словом. На такую помощницу всегда можно положиться. Но вот спустя некоторое время опухоль снова стала расти, как это бывает, если ее не обнаружить в самом начале процесса, и больной потребовалась новая операция. К тому времени я жил в N уже около восьми месяцев. Я отвез ее в Лондон, к своему старому профессору сэру Уорбертону Джайлзу, и он сделал ей операцию, которая с технической стороны, прошла успешно. Однако профессор предупредил меня, что опухоль уже захватила один из жизненно важных органов и кончина моей пациентки – только вопрос времени. Сейчас не имеет смысла вдаваться в детали.

Было сделано все, что положено. Я хотел оставить пожилую леди в городе под наблюдением сэра Уорбертона, однако она категорически воспротивилась этому. Она привыкла к сельской жизни и не могла жить нигде, кроме как в своем доме. Мы вернулись в N, и я периодически возил ее на процедуры в близлежащий город, где был превосходный госпиталь. Старушка на удивление быстро оправилась после операции и вполне могла уволить сиделку и продолжать жить, как и раньше, под присмотром племянницы.

– Одну минутку, доктор, – перебил человек по имени Чарльз, – вы сказали, что возили ее в Лондон к сэру Уорбертону Джайлзу и так далее. Полагаю, она была весьма обеспеченной особой?

– О да, довольно богатая дама.

– А вы случайно не знаете, оставила ли она завещание?

– Нет. Кажется, я упомянул ее крайнее отвращение к самой идее смерти. Она всегда отказывалась составлять какое-либо завещание, потому что мысли о нем нагоняли на нее тоску. Как-то раз я попытался заговорить с ней на эту тему – самым невинным образом, это было вскоре после операции, – однако она пришла в такое возбуждение, что было весьма нежелательно для ее состояния. Кроме того, она заявила, и это было вполне справедливо, что в завещании нет нужды. «Ты, моя дорогая, – сказала она племяннице, – моя единственная наследница, и все, чем я владею, однажды перейдет к тебе. Я знаю, что ты не забудешь о моих слугах и моих маленьких благотворительных пожертвованиях». Поэтому я, безусловно, не стал настаивать. – Врач замялся и потер рукой лоб. – Хотя, подождите... припоминаю, кстати – хотя это случилось гораздо позже и не имеет прямого отношения к моей истории...

– Пожалуйста, – попросил Питер, – все детали!

– Что ж, в один из дней я пришел к моей пациентке и нашел ее отнюдь не в том состоянии, в котором ожидал увидеть, а именно – в крайней агитации. Племянница сказала, что причиной тому был визит ее нотариуса – их семейного, из ее родного города, а не из N.

Он настоял на том, чтобы побеседовать с пожилой леди наедине. После этой беседы тетушка ужасно взволновалась, разгневалась, стала обвинять всех в том, что они строят заговор, пытаясь раньше срока свести ее в могилу. Нотариус перед своим уходом ничего толком не объяснил племяннице, однако постарался внушить ей, что, как только ее тетка изъявит желание повидаться с

ним, она должна послать за ним в любое время дня или ночи, и он немедленно прибудет.

– И что же? За ним посылали?

– Нет. Моя пациентка была глубоко оскорблена его словами и потребовала привести нашего местного нотариуса, которому и передала какие-то бумаги. Это последнее, что она успела сделать. Вскоре после этого потребовалась третья операция, после которой ее состояние стало ухудшаться. Ум ее слабел, постепенно она переставала воспринимать более или менее сложные вещи, да и боли усилились и не давали ей возможности заниматься своими делами. На имя племянницы была выписана доверенность, и она полностью контролировала финансы своей тетки.

– Когда это случилось?

– В апреле 1925 года. Должен заметить, что, хотя моя пациентка и стала слегка слабоумной, – в конце концов, лет ей было немало, – тело ее по-прежнему сопротивлялось болезни. Я решил испытать новый метод лечения, и результаты оказались интересными. Тем большим было мое удивление, когда случилась одна странная вещь.

К тому времени нам пришлось нанять для нее другую сиделку, поскольку племянница не могла находиться при тетушке сутки напролет. Эта сиделка была профессиональной медсестрой, она появилась в доме в апреле. Поистине очаровательная и способная девушка пользовалась моим полным доверием. Ее нам порекомендовал сам сэр Уорбертон Джайлз, и хотя ей было не больше двадцати восьми, скромности и рассудительности в ней было не меньше, чем у женщины вдвое старше.

Должен признаться, что я стал испытывать сердечную привязанность к этой девушке, а она – ко мне. Мы обручились и надеялись пожениться в том году – так и было бы, если бы не моя чертова добросовестность и чувство гражданской ответственности.

Питер при этих словах соорудил Чарльзу многозначительную гримасу, тот же в ответ покачал головой, осудив своего приятеля за предвзятое мнение.

Врач между тем продолжал свой рассказ:

– Моя невеста, как и я сам, проявляла особое внимание к этому случаю: отчасти потому, что я был лечащим врачом, отчасти из-за ее собственного интереса к раковым опухолям. Она рассчитывает помогать мне в деле моей жизни, если мне вообще когда-нибудь предстоит к нему вернуться. Впрочем, я отвлекся.

До сентября все шло без изменений, как вдруг – по какой-то причине – моя пациентка прониклась необъяснимой антипатией к этой сиделке, что иногда случается у людей, страдающих слабоумием. Она вбила себе в голову, что медсестра, присланная из Лондона, хочет убить ее – то же самое она, если вы помните, говорила и нотариусу, – и уверяла племянницу, что ее травят, что ее еда и питье горчит. Приступы ужасных болей она приписывала тоже этой причине. Убеждать ее было бесполезно – пациентка начинала рыдать и не позволяла сиделке даже приближаться к себе. Конечно, когда такое происходит, ничего не остается, как отказаться от услуг сиделки, поскольку она не может принести пациенту никакой пользы. Я отправил свою невесту назад в Лондон и телеграфировал в клинику сэру Уорбертону, чтобы он предоставил другую сиделку.

На следующий день приехала опытная медсестра, и все вроде бы наладилось, пациентка моя успокоилась, стала нормально есть и пить. Но что вы думаете? Теперь у меня начались проблемы с бедняжкой племянницей. Капризы тетки, ее затянувшаяся болезнь сильно расшатали нервы молодой женщины, и она вдруг решила, что ее тете стало гораздо хуже. Я сказал, что, вне всякого сомнения, ее состояние постепенно ухудшается, однако организм борется, сердце у тетушки крепкое и что причин для тревоги пока нет. Тем не менее, мои слова не убедили девушку, она продолжала нервничать. В начале ноября она спешно вызвала меня среди ночи, заявив, что ее тетушка умирает.

Я приехал, осмотрел пациентку, у которой снова начались боли, и сказал племяннице, что пока непосредственная опасность летального исхода ей не угрожает. Я попросил новую сиделку ввести пациентке обезболивающую дозу морфина, а племяннице дал бром, посоветовав ей отправиться в постель, отдохнуть и несколько дней не подходить к тете: новая сиделка прекрасно справляется со своими обязанностями. На другой день я еще раз тщательно обследовал больную и установил, что ее состояние даже лучше, чем я предполагал. Сердце у нее было сильное, она отлично переносила лечение, и развитие метастазов на время приостановилось.

Девушка извинилась за то, что подняла переполох, по ее словам, она действительно решила, что

ее тетка умирает. Я же был уверен, что моя пациентка еще протянет месяцев пять или шесть, о чем и сказал племяннице, хотя, как вы понимаете, в подобных случаях сложно давать прогнозы.

«Ах, – вздохнула она, – бедная тетушка. Боюсь показаться эгоистичной, но она – единственный родной человек, который есть у меня на целом свете».

А через три дня, как раз когда я собрался обедать, раздался телефонный звонок: «Скорее приходите! Больная только что скончалась».

– Боже милосердный! – вскричал Чарльз. – Да ведь совершенно ясно...

– Помолчите, Шерлок Холмс, – перебил Питер, – в этой истории отнюдь не все так ясно. «Далеко от этого», – как сказал рядовой, целившийся в яблочко и попавший в инструктора по стрельбе. Однако я вижу, что наш официант застыл в нерешительности, а его коллеги поднимают стулья и убирают со столов графинчики с уксусом.

Почему бы вам не пойти с нами и не закончить вашу историю у меня дома? Я угощу вас стаканчиком очень неплохого портвейна. Пойдете? Отлично. Официант, выведите такси... 110А, Пиккадилли.

2

Причина и следствие

У меня заныли кости. Значит, жди дурного гостя.

У. Шекспир. «Макбет»

Апрельский вечер был ясным и прохладным, в камине уютно горел рыжий огонь. Вдоль стен гостиной высились книжные шкафы, заполненные томами в переплетах из гладкой телячьей кожи – в свете ламп она словно отсвечивала.

Был там и большой рояль с поднятой крышкой, и невероятных размеров диван «честерфильд», заваленный подушками, и два кресла, которые так и манили погрузиться в них. Портвейн подавал импозантный дворецкий: он поставил его на маленький столик в стиле «чиппендейл». В массивных вазах алые и желтые тюльпаны, словно флаги, полыхали в темных углах гостиной.

Врач решил было, что хозяин дома – эстет с литературными наклонностями в поисках новых сюжетов, но тут в комнату снова вошел дворецкий.

– Милорд, звонил инспектор Снагг. Он просил вас, когда вы вернетесь, перезвонить ему как можно скорее.

– Правда? Что ж, соедините меня с ним, будьте любезны. Это по делу Уорплешема, Чарльз, – пояснил Питер своему другу. – Снагг снова оскандалился. У булочника оказалось алиби – естественно, оно должно было у него быть. О, спасибо... Хелло! Это вы, инспектор? Ну, что я вам говорил?.. Да нет, ничего страшного, научитесь.

Теперь слушайте меня. Задержите лесника, и пусть он расскажет вам, что он видел в карьере... Я знаю-знаю... Но если вы допросите его по всей строгости, он наверняка расколется. Ну конечно, если вы спросите, был ли он там, он ответит «нет». Скажите так: вам доподлинно известно, что он был там и все видел... Да слушайте же! Если он будет ходить вокруг да около, скажите, что пошлете специальную команду, и они спустят оттуда воду... Хорошо. Не за что. Сообщите, когда узнаете что-нибудь новое.

Он положил трубку:

– Извините меня, доктор. Деловые переговоры. Прошу вас, продолжайте вашу историю. Итак, пожилая леди скончалась. Наверняка во сне. Самым что ни на есть невинным образом. Все шито-крыто, в бристольском духе. Никаких следов борьбы, ни царапин, ни синяков, только естественные симптомы, так?

– Точно. В шесть часов она немного поела – бульон и кусочек молочного пудинга. В восемь сиделка сделала ей укол морфина и на ночь стала выносить из комнаты живые цветы. Она всегда

ставила их на маленький столик в холле. Служанка подошла к ней, чтобы узнать о распоряжениях на следующий день, и, пока они говорили, племянница поднялась по лестнице и зашла в комнату тетки. Она пробыла там всего пару секунд и вдруг закричала: «Сестра! Сестра!» Сиделка бросилась туда и нашла пациентку мертвой. Конечно, первым делом я решил, что больной случайно ввели двойную дозу морфина...

– Но он никак не мог подействовать так быстро.

– Нет, однако я подумал, что они могли принять за смерть глубокое забытие. Тем не менее, сиделка заверила меня, что это не так, кроме того, мы быстро исключили такую возможность, подсчитав ампулы с морфином и обнаружив их все в соответствующем количестве.

Не было никаких признаков того, что больная пыталась подняться и сильно напряглась, или что она обо что-то ударилась. Маленький ночной столик был отброшен в сторону, но его оттолкнула племянница, когда вошла и перепугалась при виде безжизненного тела своей тетки.

– А как насчет бульона и молочного пудинга? – поинтересовался сэр Питер.

– Эта мысль приходила мне в голову – не в смысле отравления, просто я подумал, что если она съела слишком много, то желудок, раздувшись, мог надавить на сердце и все такое. Однако когда я все проверил, то пришел к выводу, что это маловероятно. И если объяснять смерть этой причиной, она произошла бы раньше. Я пребывал в полнейшем недоумении, равно как и сиделка. Честно говоря, она была сильно расстроена.

– А племянница?

– Она лишь твердила: «Я же говорила вам, я же говорила – я знала, что ей хуже, чем вы думаете». Короче говоря, я до того испереживался, что моя любимая пациентка скончалась так неожиданно и внезапно, что на следующее утро попросил разрешения на вскрытие.

– Были проблемы?

– Никаких. Некоторое естественное отвращение, безусловно, но никакого сопротивления. Я объяснил, что у смерти наверняка есть какая-то невыясненная причина, которую я не смог диагностировать, и что я буду чувствовать себя более удовлетворенным, если выполню исследование. Единственное, что беспокоило племянницу, это проведение дознания. Я заявил ей – это было довольно опрометчиво, – что, на мой взгляд, дознания не потребуются.

– То есть вы собирались провести вскрытие лично?

– Да, у меня не было сомнений в том, что я обнаружу убедительную причину, которая позволит мне выписать свидетельство о смерти. Однако больная когда-то высказалась в том смысле, что предпочитает кремацию, и племянница собиралась исполнить ее волю. Это означало, что вместе со мной свидетельство должен был подписать человек соответствующей квалификации, поэтому я пригласил еще одного врача прийти и помочь мне при аутопсии.

– И что же вы обнаружили?

– Ничего. Второй врач, конечно, сказал, что я сделал глупость, подняв весь этот переполох. По его мнению, раз уж пациентка все равно должна была умереть, достаточно было написать: «Причина смерти: рак; непосредственная причина: остановка сердца» – и остановиться на этом. Однако моя чертова добросовестность заставила меня сказать, что я не удовлетворен результатами вскрытия, так как мы не обнаружили ничего, чем объяснялась ее смерть, и поэтому я настоял на анализе.

– Вы подозревали, что...

– Ну, не совсем так. Но... в общем, я не был удовлетворен. Кстати, аутопсия подтвердила, что морфин там был ни при чем. Смерть наступила почти сразу после укола, лекарство только начало распространяться по организму. Сейчас, вспоминая об этом, я полагаю, что причиной смерти стал какой-то шок непонятно от чего.

– А анализ? Вы его сделали в частном порядке?

– Да, однако перед похоронами все вышло наружу. Коронер прослышал об этом и начал задавать вопросы, а сиделка, забравши в голову, что я обвиняю ее в халатности или в чем-то подобном, повела себя весьма непрофессионально, стала много болтать и создавать проблемы.

– Так вам удалось что-нибудь выяснить?

– Ничего. В организме не было следов яда или каких-либо подозрительных веществ, поэтому анализ ни к чему не привел.

Естественно, я стал думать, что напрасно выставил себя на посмешище. Вопреки своим

профессиональным убеждениям я подписал свидетельство – остановка сердца вследствие шока, и моя пациентка наконец-то отправилась в могилу.

– В могилу? Так ее не кремировали? – поинтересовался сэр Питер.

– Ах да, совсем забыл. Случился еще один скандал. Руководство крематория, тщательно соблюдающее букву закона, прознало об этой неразберихе и отказалось принять ее тело, поэтому она была похоронена на церковном кладбище, чтобы при необходимости можно было произвести эксгумацию. На похороны собралось множество людей, все пришли выразить соболезнование бедняжке племяннице. Но на другой день я получил письмо от одного из своих влиятельных пациентов, в котором сообщалось, что в моих услугах больше не нуждаются. Затем со мной на улице перестала здороваться супруга мэра. Я лишился практики и приобрел печальную известность «человека, который фактически обвинил нашу душечку Такую-то в Убийстве». Одни говорили, будто я обвинил племянницу, Другие – «эту славную сиделку – не ту ветреную особу, которую потом уволили, а последнюю... ну, вы знаете». Был пущен слух, что я навлек подозрения на вторую сиделку, поскольку был оскорблен увольнением своей невесты. В конце концов, до меня дошли сведения, что пациентка якобы застала меня, когда я «миловался» – какое ужасное слово! – с моей невестой, вместо того чтобы исполнять свои прямые обязанности, и что я сам прикончил старушеницу, чтобы отомстить – правда, злопыхатели не потрудились объяснить, что же в таком случае помешало мне подписать свидетельство о смерти.

Я мирился с таким положением вещей еще целый год, пока оно не стало совершенно невыносимым. Практика моя сошла на нет, поэтому я покинул городок N, уехал из графства Хемпшир и устроил себе каникулы, чтобы избавиться от этого горького привкуса неудачи. И вот теперь я здесь, ищу, не откроется ли какая-нибудь вакансия для меня. Мораль этой истории такова: не относитесь слишком рьяно к своему общественному долгу.

Врач издал язвительный смешок и откинулся на спинку кресла.

– Плевать мне на этих старых сплетников, – воинственно добавил он. – К черту их! – И опустошил свой стакан.

– Да уж, да уж, – закивал хозяин дома, задумчиво глядя на огонь.

– А знаете, – помолчав, внезапно сказал он, – эта история показалась мне интересной. Меня как будто гложет что-то изнутри, а это верный признак того, что тут есть в чем разобраться. Раньше интуиция меня не подводила, верю, что и дальше не подведет. Пару дней назад она подсказала мне заглянуть в налоговую декларацию, и я обнаружил, что в последние три года переплачивал по 900 фунтов налога. А на прошлой неделе она заставила меня спросить того малого, который собирался везти меня через перевал Подковы, достаточно ли у него в баке бензина, и оказалось, что его там с пинту – как раз чтобы доехать до середины пути. А место это совершенно безлюдное. Конечно, я знал этого парня, так что дело было совсем не в интуиции. И все равно, я взял за правило расследовать все, что, по-моему, необходимо расследовать. Полагаю, – усмехнулся Питер, пускаясь в воспоминания, – что в детстве я был несносным ребенком. Так или иначе, но расследование любопытных случаев – это мое хобби. Как вы могли заметить, я не являюсь праздным слушателем. Наверное, я вас разочаровал. У меня были тайные мотивы. – Он содрал с себя наклейные бакенбарды и явил миру знаменитые впалые скулы, похожие на скулы мистера Шерлока Холмса.

– Я еще раньше заподозрил что-то неладное, – после короткой паузы сказал молодой врач. – Полагаю, вы – лорд Питер Уимзи. А я-то все думал, почему ваше лицо кажется мне знакомым! Конечно, о вас писали все газеты пару лет назад, когда вы раскрыли тайну Риддлсдейла.

– Вы правы. Лицо у меня довольно дурацкое, зато обезоруживающее, вы так не считаете? Не уверен, что выбрал бы его по доброй воле, однако стараюсь выжимать из него все, что можно. Надеюсь только, на нем не появилось это сыщицкое выражение или еще что похуже. Вот он, настоящий сыщик – мой друг, детектив Паркер из Скотленд-Ярда. На самом деле всю работу делает он. Я выдвигаю идиотские предположения, а он берет на себя труд скрупулезно опровергать их. Постепенно, устраняя одну версию за другой, мы находим верное объяснение, и тогда весь мир говорит: «Бог мой, что за интуиция у этого человека!» Давайте так: если вы не возражаете, я хотел бы заняться вашим делом. Сообщите мне ваше имя и адрес, а также имена задействованных сторон. Я с большим удовольствием хотел бы разобраться в нем.

Мгновение доктор взвешивал его предложение, потом покачал головой:

– Это очень любезно с вашей стороны, однако я предпочитаю не возвращаться к этому. Мне и так пришлось немало пережить. Кроме того, распространение подобной информации противоречит профессиональной этике, и если я снова подниму шум, то, наверное, закончу свои дни, превратившись в одного из тех судовых врачей-пьянчуг, которые скитаются где-то в южных морях, рассказывают всем и каждому историю своей жизни и пугают всякими жуткими предостережениями. Не стоит будить спящую собаку. Спасибо вам, сэр Питер, но все же – нет.

– Ну, как хотите. – Уимзи пожал плечами. – Однако взвесьте все «за» и «против» и обдумайте мое предложение. Если я смогу вам помочь хотя бы восстановить репутацию, не отказывайтесь. Думаю, мне в голову придет какое-то стоящее предположение. Я дам вам знать.

Уимзи позвонил, дворецкий принес гостю шляпу и трость.

– Это будет мило с вашей стороны. – Врач стоял с отсутствующим видом, глядя на лорда Уимзи, потом откланялся. – Что ж, доброй ночи, и благодарю вас за то, что так терпеливо выслушали меня. Кстати – как вы собираетесь связаться со мной, если не знаете моего имени и адреса?

Питер рассмеялся.

– Я же Хоукшоу, детектив, – ответил он, – так что вы получите от меня весточку еще в конце этой недели.

3

Работа для старой девы

В Англии и Уэльсе женщин на два миллиона больше, чем мужчин, и это очень настораживающее обстоятельство.

Гилберт Франкау

– А что вы на самом деле думаете об этой истории? – поинтересовался Чарльз Паркер. Разговор состоялся на следующее утро; он зашел к Уимзи позавтракать, прежде чем отбыть в направлении Ноттинг-Дейла на поиски неуловимого автора анонимных писем. – На мой взгляд, наш друг просто слегка переоценил свои врачебные способности. В конце концов, бабуля вполне могла скончаться от какого-нибудь сердечного приступа. Она же была совсем старой и больная.

– Могла, конечно, но, судя по моему опыту, раковые больные очень редко отбрасывают коньки таким вот неожиданным образом. Как правило, они поражают всех своей живучестью. А вообще, я не стал бы задумываться над этим делом, если бы не племянница. Она прямо-таки призывала смерть на ее голову, рассказывая направо и налево, что тетке гораздо хуже, чем было на самом деле.

– Я подумал то же самое, когда слушал этого врача. Но что, собственно, сделала племянница? Она не отравила тетку и не задушила ее, иначе на теле обнаружили бы следы, к тому же тетка и вправду умерла – так что, может, племянница и была права, а наш самоуверенный юный Гиппократ ошибался?

– Вполне вероятно. И, конечно, у нас есть только его версия описаний племянницы и второй сиделки – а ее он, как говорят шотландцы, невзлюбил с первого взгляда.

Кстати, не следует упускать ее из виду. Она была последней, кто видел больную перед смертью, и именно она сделала тот укол.

– Да-да, но укол морфина к смерти не имеет никакого отношения. В этом смысле все чисто. А вы не думаете, что сиделка могла сказать старушке что-нибудь, что ее взволновало, даже вызвало потрясение? Пациентка, конечно, была малость не в себе, однако не исключено, что она смогла бы понять, если бы ей медсестра сообщила нечто ошеломляющее. Может, что-нибудь про смерть – кажется, это было ее больное место.

– Ах, – воскликнул лорд Питер, – я ждал, пока вы дойдете до этого места! Вы не забыли, что в нашей истории есть еще одна зловещая фигура – семейный нотариус?

– Который пришел поговорить о завещании и был так грубо отправлен восвояси?

– Да. Предположим, он хотел, чтобы больная написала завещание в пользу кого-то другого – кого-то, нам пока не известного. А когда он понял, что так ему ничего не добиться, то отправил новую сиделку в качестве своего представителя.

– Какой-то слишком запутанный заговор, – с сомнением в голосе вымолвил Паркер. – Откуда он мог знать, что невесту доктора уволят? Если, конечно, он не был в сговоре с племянницей и не заставил ее обстригать перемену медсестер.

– От этой курицы нам яиц не дожидаться, Чарльз. Племянница не станет вступать в сговор с нотариусом, чтобы лишиться себя же наследства.

– Пожалуй, что нет. И все-таки, мне кажется, есть здоровое зерно в предположении, что старушку, умышленно или нет, напугали до смерти.

– Да, но, как бы это ни случилось, с точки зрения закона убийства не было. Тем не менее, я думаю, стоит поближе изучить этот случай. Это напомнило мне...

Он позвонил в колокольчик.

– Бантер, вы не отнесете на почту мое письмо?

– Безусловно, милорд.

Лорд Питер придвинул к себе бювар.

– А что вы собираетесь писать? – спросил Паркер, слегка удивленный, заглядывая ему через плечо.

Лорд Питер написал: *«Разве цивилизация не прекрасна?»*

Под этим простым сообщением он поставил свою подпись и затолкал его в конверт.

– Если вы хотите оградить себя от дурацких писем, Чарльз, – улыбнулся он, – не ставьте свою монограмму на подкладку шляпы.

– А что вы предполагаете сделать дальше? – спросил Паркер. – Надеюсь, вы не отправите меня в «Мономарк-хаус» с целью узнать имя клиента? Я не могу сделать этого без официального ордера, они и так всегда поднимают страшный скандал.

– Нет, – ответил его друг, – я не предлагаю вам нарушить «тайну исповеди». По крайней мере не сейчас. Что, если вы ненадолго отвлечетесь от поисков вашего загадочного корреспондента, который явно не стремится быть обнаруженным, и поедете со мной? Мы нанесем визит одной моей знакомой. Я... собственно говоря, вы будете первым, кого я с ней познакомлю. Она будет весьма тронута и польщена.

Он засмеялся, словно скрывая неловкость.

– О... – Паркер был явно смущен. Хотя они и были хорошими друзьями, в разговорах Уимзи никогда не касался своих сердечных дел – не то чтобы он что-то скрывал, просто проявлял сдержанность. Такая откровенность, похоже, означала переход на новый уровень доверительности, и Паркер не был уверен, что ему это нравится.

В собственной жизни он руководствовался правилами морали, свойственными среднему классу, которые усвоил рождения, и, хотя теоретически признавал, что мир, в котором вращается лорд Питер, живет по другим стандартам, он никогда не стремился познакомиться с результатом их приложения на практике.

– Скорее в порядке эксперимента, – говорил Уимзи легкомысленным шутливым тоном, – я ее устроил в маленькой квартирке в Пимлико. Вы же можете пойти, да, Чарльз? Мне ужасно хочется вас познакомиться.

– Ну да, ясно, – неловко промямлил Паркер, – буду очень рад. Только... как долго... в смысле...

– О, всего несколько месяцев, – сказал Уимзи, шагая впереди него к лифту, – но пока что все складывается к нашему вящему удовлетворению. Конечно, для меня это многое облегчает...

– Само собой, – кивнул Паркер.

– Ну да, и вы все поймете – я хочу сказать, что не буду сейчас вдаваться в детали, сами разберетесь по приезду, – продолжал разглагольствовать Уимзи, с излишним рвением захлопывая двери лифта, – но, как я уже говорил, вы увидите, что передо мной открываются новые возможности. И хотя Екклесиаст утверждал, что нет ничего нового под солнцем, я осмелюсь возразить, что эти вдовушки и дикобразы, как поется в детской песенке, могли бы подпортить его репутацию всезнайки, помяните мое слово.

– Довольно, – прервал его Паркер. «Бедняга, – подумал он про себя, – такие вечно считают, что у

них все по-другому».

– Применение, – энергично продолжал Уимзи, – эй! такси!.. Применение – оно нужно каждому... 97А, Сент-Джордж-сквер... и, в конце концов, нельзя винить людей за то, что они всего лишь ищут себе применение. Я хочу сказать: к чему язвительность? Они не должны отказывать себе в этом. Думаю, будет гораздо более великодушно найти им применение, чем высмеивать их в книгах, – особенно с учетом того, что в написании книг нет ничего сложного. Не важно, пишешь ты поганую историю хорошим языком или хорошую историю – поганим, как это обычно происходит в наши дни. Вы согласны?

Паркер был согласен, и лорд Уимзи погрузился в дебри рассуждений о литературе, в каковых пребывал до тех пор, пока кеб не остановился возле одного из тех высоких нескладных особняков, которые, будучи изначально предназначены для викторианских семей с неутомимой прислугой, впоследствии были расчленены на полдюжины шляпных картонок, сдаваемых внаем под видом квартир.

Питер позвонил в дверной звонок, подписанный «Климпсон», и непринужденно прислонился к перилам крыльца.

– Шесть лестничных пролетов, – объяснил он. – Ей требуется некоторое время, чтобы спуститься и открыть дверь, потому что лифта в доме нет. А на жилье подороже она не соглашается. Говорит, это будет неподобающе.

Паркер испытал облегчение, смешанное с удивлением, узнав о скромности запросов незнакомой леди, и, опершись ногой на скобу для чистки подошв, приготовился терпеливо ждать. Однако не прошло и нескольких минут, как дверь распахнула изящная дама средних лет с заостренными чертами землистого лица и весьма резкой жестикующей. На ней были твидовый темный жакет и юбка, блузка с высоким воротом, на грудь спускалась длинная цепочка с мелкими подвесками. Стального цвета волосы она уложила в сетку, каковые находились на пике моды в конце правления последнего короля Эдуарда.

– Ах, лорд Уимзи! Как отрадно видеть вас здесь! Довольно ранний визит, но я уверена, вы простите мне небольшой беспорядок в гостиной. Входите же. Списки абсолютно готовы. Я закончила их прошлым вечером. На самом деле я как раз надевала шляпку, собираясь отнести их вам. Надеюсь, вы не сочли бы, что я выбрала неподходящее время, но некоторые пункты показались мне просто поразительными. Как любезно с вашей стороны, что вы сами решили зайти.

– Ну что вы, мисс Климпсон! Это мой друг, инспектор Паркер, я рассказывал вам о нем.

– Как поживаете, мистер Паркер, или мне следует называть вас инспектором? Извините, если я ошибусь, но это первый раз, когда я оказалась в руках полиции. Надеюсь, это не слишком грубо с моей стороны – говорить вот так. Прошу вас, поднимайтесь. Боюсь, здесь довольно высоко, но делать нечего. Мне так нравится жить наверху. Воздух гораздо лучше, и, знаете ли, мистер Паркер, благодаря безграничной доброте сэра Питера у меня из окон открывается такой прекрасный, широкий вид прямо над крышами домов. Я думаю, жить гораздо легче, если не чувствуешь себя «ушедшим из воздуха», как в «Гамлете». Боже мой! Миссис Вайнботтл вечно оставляет ведро на ступеньках и всегда в этом темном углу. Я постоянно напоминаю ей, чтоб она убирала его. Если вы пройдете поближе к перилам, то избежите столкновения с ним. Еще один пролет. Вот мы и пришли! Пожалуйста, не обращайтесь внимания на беспорядок. По-моему, посуда после завтрака выглядит гадко, чуть ли не омерзительно – используя нелицеприятное слово для нелицеприятной вещи. Какая жалость, что наши изобретатели не могут придумать самоочищающиеся тарелки, не правда ли? Садитесь же, не стойте. И прошу вас, милорд, закуривайте смело. Мне так нравится запах ваших сигарет – ласкает обоняние, – и вы всегда так тщательно тушите окурки.

На самом деле в маленькой комнате царила безупречная чистота, несмотря на то, что все вертикальные поверхности были заставлены фотографиями в рамках и мелкими безделушками. Единственным нарушителем порядка был поднос – на нем стояла пустая чашка и блюдце с хлебными крошками и яичной скорлупой. Мисс Климпсон подавила мятеж, выставив поднос на лестничную клетку.

Паркер, слегка сбитый с толку ее бесконечной болтовней, осторожно опустился в маленькое кресло, снабженное твердой, выпуклой подушечкой-подголовником, из-за которой совершенно невозможно было откинуться на спинку. Лорд Уимзи устроился на подоконнике, прикурил сигарету и

сцепил пальцы, обхватив руками колени. Мисс Климпсон уселась за стол, трогательно глядя на него с довольным видом.

– Я очень тщательно разобрала все эти случаи, – начала она, доставая толстую пачку машинописных листов. – Боюсь, мои заметки весьма обильны, однако счет за перепечатку получился не столь уж большим. Я пишу очень разборчиво, так что с этим проблем не было. Господи боже, до чего же прискорбные истории рассказали мне некоторые из этих женщин! Признаюсь, мне помогло добиться успеха и участие священника – очаровательный человек, я ему так обязана, – и я уверена, что в большинстве случаев ваше вспомоществование будет весьма кстати. Если вы хотите пройтись по...

– Не сейчас, мисс Климпсон, – торопливо перебил ее Питер. – Все в порядке, Чарльз, – это не имеет отношения к помощи глухонемым или бесплатной раздаче теплого белья одиноким матерям. Я тебе позже расскажу. А сейчас, мисс Климпсон, нам нужна ваша помощь совсем в другом деле.

Мисс Климпсон извлекла на свет блокнот и замерла в ожидании.

– Расследование делится на две части, – пояснил лорд Уимзи. – Первая, боюсь, достаточно туманна. Вам придется (если вы будете так любезны) отправиться в Службу регистрации актов гражданского состояния графства Сомерсет и поискать там или попросить служащих найти для вас свидетельства о смерти, выданные в Хемпшире в ноябре 1925 года. Ни города, ни фамилии покойной мы не знаем. Вы будете искать свидетельство о смерти пожилой леди, возраст – 73 года; причина смерти – Рак, непосредственная причина – остановка сердца.

Оно должно быть подписано двумя врачами, один из которых может быть служащим из министерства здравоохранения, полицейским хирургом, хирургом из службы криминальной экспертизы, медицинским консультантом по страховым актам или человеком, назначенным по распоряжению руководства крематория. В качестве предлога можете сообщать, что вы составляете статистику по раковым заболеваниям, но на самом деле вам нужно узнать имена всех людей, задействованных в этой истории, и название города.

– А если таких случаев окажется несколько?

– Да! Тут мы подошли ко второй части, в которой ваш замечательный такт и проницательность могут оказать нам неоценимую услугу. Когда вы отберете все потенциально соответствующие случаи, я попрошу вас отправиться в каждый из этих городов и провести самые тщательные изыскания, чтобы выяснить, какой из этих случаев – наш. Конечно, вы не должны показывать, что проводите дознание. Вам надо найти какую-нибудь местную сплетницу и разговорить ее. Вы сама должны притвориться, что любите посплетничать – знаю, это не в вашем характере, но уверен, что вы сможете сделать такой вид. Думаю, вы легко определите нужный город, так как знаю наверняка, что эта смерть вызвала там немало судов-пересудов и о ней не могли так скоро забыть.

– А как я пойму, что это тот самый случай?

– Ну, если у вас есть время, я хотел предложить вам послушать одну историю. Только помните: когда приедете на место, вы не должны подавать виду, будто она вам знакома. Итак, Чарльз, как лицо официальное, вы умеете рассказывать все четко и ясно. Может, возьмете на себя труд в нескольких словах изложить для мисс Климпсон суть той безделицы, которой вчера развлекал нас наш новый друг?

Одернув манжеты, Паркер послушно выступил с кратким пересказом истории доктора. Мисс Климпсон слушала с похвальным вниманием, записывая в блокноте даты и некоторые детали. Паркер заметил, что она отлично умеет примечать важные моменты. Она задавала точные вопросы, а взгляд ее серых глаз свидетельствовал о ее проницательном уме. Когда он закончил, она повторила историю, после чего он воздал должное ее светлой голове и цепкой памяти.

– Одна моя старая подруга говорила когда-то, что из меня вышел бы хороший адвокат, – любезно ответила на это мисс Климпсон, – но, конечно, во времена моей молодости у девушек не было возможности получить образование, да и многих других возможностей тоже, мистер Паркер. Учеба наверняка пошла бы мне на пользу, хотя мой отец и не верил в то, что женщинам она нужна. Вы, молодые, очевидно сочли бы его очень старомодным.

– Ничего страшного, мисс Климпсон, – сказал Уимзи, – у вас есть именно та квалификация, которая нам нужна, а она встречается довольно редко, так что нам повезло. Сейчас же нам нужно, чтобы вы как можно скорее взялись за это дело.

– Я немедленно отправляюсь в Сомерсет, – энергично ответила эта леди, – и, как только готова буду выехать в Хемпшир, в ту же минуту дам вам знать.

– Отлично, – сказал лорд Уимзи, вставая. – Пожалуй, нам пора взвизгнуть шинами и укатить. О! Чуть не забыл – мне же нужно выдать вам наличные на дорожные расходы и все такое. Думаю, вам лучше всего будет изобразить из себя даму на пенсии с достаточным доходом, которая ищет приятное местечко, чтобы осесть там. Не стоит делать из вас богачку – богатые люди не внушают доверия.

Пожалуй, лучше всего остановиться на доходе 800 фунтов годовых – ваш восхитительный вкус и большой опыт подскажут вам, какие вещи выбрать, чтобы создать у людей именно такое впечатление. Если позволите, я выдам вам чек на 50 фунтов прямо сейчас, а когда вы начнете расследование, то дадите мне знать, сколько еще вам потребуется.

– Господи боже, – сказала мисс Климпсон, – я не...

– Это совершенно деловой договор, – быстро перебил ее Питер, – и вы предоставите мне отчет о понесенных расходах в вашей обычной скрупулезной манере.

– Конечно! – Мисс Климпсон была польщена. – И я немедля выдам вам расписку. Надо же, – добавила она, роясь у себя в сумочке, – похоже, у меня закончились почтовые марки по пенни. Какое ужасное упущение! Это совершенно на меня не похоже – не иметь с собой маленькой книжечки марок, – ведь они так часто бывают нужны, но вчера миссис Уильяме одолжила у меня последнюю марку, чтобы отправить крайне срочное письмо своему сыну в Японию. Если вы меня извините...

– Кажется, у меня где-то были марки, – вмешался Паркер.

– О, благодарю вас, мистер Паркер. Вот вам два пенса. Я всегда стараюсь иметь при себе мелкие монетки – для бойлера в ванной, знаете ли. Такое прекрасное изобретение, и очень удобное, и предотвращает любые споры среди жильцов по поводу горячей воды. Большое вам спасибо. А сейчас я поставлю подпись прямо здесь, на этих марках. Так ведь надо делать, да? Мой дорогой отец был бы очень удивлен, увидев свою дочь такой деловитой. Он всегда говорил, что женщинам вовсе незачем разбираться в денежных вопросах, однако времена меняются, вы согласны?

Мисс Климпсон проводила их вниз, следуя за ними по всем шести пролетам лестницы, многословно возражая в ответ на их протесты, и закрыла за ними входную дверь.

– Могу я спросить... – начал Паркер.

– Это не то, что вы думаете, – искренне ответил Уимзи.

– Конечно, нет, – согласился Паркер.

– Я всегда подозревал, что у вас коварный ум. Даже ближайшие друзья на поверку оказываются тайными злопыхателями. В мыслях они обмусоливают то, о чем отказываются говорить вслух.

– Не будьте ослом. Кто такая мисс Климпсон?

– Мисс Климпсон, – ответил лорд Уимзи, – это образец расточительства, столь свойственного нашей стране. Вспомните об электричестве. О паровых турбинах. О приливах. О солнце. Миллионы киловатт расходуются впустую. Тысячи старых дев, прямо-таки кипящих энергией, по вине нашей дурацкой социальной системы теряют время на водах и в отелях, в пансионатах и на курортах в качестве компаньенок, в то время как их восхитительная способность к бесконечной болтовне и пылкий ум не только не идут на пользу обществу, но порой оборачиваются против него, в то время как деньги налогоплательщиков расходуются на то, чтобы работу, для которой эти женщины предназначены самой природой, через пень-колоду выполняли совершенно непригодные полицейские вроде вас. Бог мой! И потом ученые сопляки пишут про них снисходительные книжонки под названием «Женщины зрелого возраста» или «Чем занять себя даме за 40», а пьяницы сочиняют отвратительные куплеты. Бедняжки!

– Ну да, ну да, – кивнул Паркер. – Значит, мисс Климпсон – ваш сыскной агент?

– Она мои уши и язык, – патетически вымолвил Уимзи, – и особенно мой нос. Она задает вопросы, которые мужчина не может произнести, не покраснев. Она – ангел, спешащий туда, где требуется что-нибудь разузнать. У нее нюх на любопытные факты. В общем, если сказать, что я – кот, то она – мои усы.

– Любопытное сравнение, – усмехнулся Паркер.

– Само собой, ведь его придумал я. Вообразите себе: вам необходимо задать кому-то несколько вопросов. Кого вы пошлете? Мужлана с плоскостопием и блокнотом в руках – одного из тех, что

вечно бурчат себе под нос. Я же отправляю леди, которая вяжет на спицах упоительно длинный шерстяной свитер, с побрякушками на шее. Конечно, она задает вопросы – этого от нее и ждут. Никто не удивляется. Никому в голову не приходит встревожиться. И одновременно избыток энергии находит наконец полезное применение. Когда-нибудь мне поставят памятник, а на постаменте напишут:

«Мужчине, который сделал тысячи одиноких женщин счастливыми, не поставив под сомнение их добродетель и свое доброе имя».

– Болтали бы вы поменьше, – вздохнул Чарльз. – А что это за машинописные отчеты? На старости лет решили заделаться филантропом?

– Нет-нет, – сказал Уимзи, спешно бросаясь ловить такси. – Я вам расскажу. Потом как-нибудь. Небольшой приватный погром, на случай социалистической революции – если таковой наступит. «На что ты тратил свое состояние, комрад?» – «Покупал старинные книги». – «Аристократ! На костер его!» – «Стойте, пощадите меня! По моей инициативе было подвергнуто судебным преследованиям 500 ростовщиков, притеснявших бедных рабочих». – «Гражданин, ты поступал правильно. Мы сохраним тебе жизнь. Ты получаешь почетную должность в ассенизационной команде». Вуаля! Надо идти в ногу со временем. Гражданин водитель, везите меня к Британскому музею! Вас подбросить? Нет? Тогда пока. Собираюсь насладиться чтением манускрипта двенадцатого века о Тристане, пока старый порядок еще в силе.

Паркер с задумчивым видом погрузился в омнибус, идущий на запад, и покатился в сторону Ноттинг-Дейла, чтобы в интересах следствия приступить к опросу его женского населения.

По его мнению, это было не то место, где таланты мисс Климпсон могли бы прийти ко двору.

4

Хорошие новости

И этот неумолчный лепет...

У. Шекспир. «Король Генрих V»

Письмо Александры Катерины Климпсон лорду Питеру Уимзи

*Из дома миссис Гамильтон Бадж,
«Прекрасный вид»,
Нельсон-авеню, Лихемптон, Хемпшир,
29 апреля 1927 г.*

Мой дорогой лорд Питер! Думаю, Вы будете счастливы узнать, что после двух предыдущих неудачных попыток (!) я наконец-то обнаружила тот самый случай. Свидетельство, которое мы искали, – это свидетельство о смерти Агаты Доусон, а грандиозный скандал, касающийся доктора Карра, не утих здесь до сих пор. Мне повезло снять комнаты на улице, прилегающей непосредственно к Веллингтон-авеню, где жила мисс Доусон. Хозяйка показалась мне весьма приятной женщиной, хотя и страшной сплетницей – но для нас это только к лучшему. Плата за очаровательную спальню и гостиную с полным пансионом составляет три с половиной гинеи в неделю. Надеюсь, Вы не сочтете это излишеством, ведь жилище в точности такое, какое Вы советовали мне подыскать. Я прилагаю подробный отчет о моих расходах на текущий момент. Прошу прощения за упоминание о нижнем белье, которое, боюсь, обошлось недешево, но шерсть в наши дни так дорога, а вам было важно, чтобы каждая деталь моего гардероба соответствовала моему (предполагаемому!) финансовому положению.

Я не забыла выстирать все вещи, чтобы они не выглядели слишком новыми, так как это могло вызвать подозрения.

Однако думаю, Вы ждете не дождетесь, чтобы я – если мне позволено выразиться немного вульгарно – прекратила кудахтать и перешла к делу (!!). В день после приезда я сообщила миссис Бадж, что страдаю ревматизмом (что отчасти верно, ибо мне досталось это неприятное наследство от моих предков, любителей портвейна, и спросила, какие доктора практикуют в городе. За этим немедленно последовал длинный список, сопровождаемый не менее длинным панегириком песчаным почвам и выгодному географическому положению Лихемптона. Я сказала, что предпочитаю докторов пожилых, так как молодые, по моему мнению, не заслуживают доверия. Миссис Бадж от всего сердца согласилась со мной, а заданный мною небольшой наводящий вопрос повлек за собой всю историю болезни мисс Доусон и «шашней» (как она их назвала) доктора Карра с медсестрой. «Я никогда не доверяла этой сестре, – сказала миссис Бадж, – хотя она и училась в специальной школе и должна была неплохо справляться со своими обязанностями. Коварная рыжеволосая девка, и, по-моему, доктор Карр затем только и бегал в дом к мисс Доусон, чтобы заняться непристойностями с сестрой Филлитер. Неудивительно, что бедняжка мисс Уиттакер больше не смогла этого выносить и выгнала сиделку – на мой взгляд, она и так слишком долго терпела! Похоже, доктор Карр сразу стал куда менее внимательным к своей пациентке – иначе почему он до последней минуты утверждал, что с ней все в порядке, в то время как мисс Уиттакер за день до ее смерти почувствовала, что она скоро нас покинет?»

Я спросила, знакома ли миссис Бадж с мисс Уиттакер лично. Мисс Уиттакер, как Вы уже поняли, – это племянница.

«Лично – нет», – сказала она, хотя они встречались в обществе, на благотворительных вечерах в доме священника.

Однако она все знает о мисс Уиттакер, потому что ее служанка – родная сестра горничной из дома мисс Доусон. Какое счастливое совпадение для нас: Вы же знаете, как эти девушки болтают.

Я также навела подробные справки о викарии, мистере Тредголде, и была счастлива узнать, что он проповедует истинно католическую доктрину, поэтому я смогу посещать церковь (Святого Онисима), не совершая насилия над своими религиозными убеждениями, – ведь этого я бы сделать никак не смогла, даже в Ваших интересах. Я уверена, что Вы меня понимаете. Однако узнав, что все в порядке, я написала моему очень хорошему другу, викарию церкви Святого Эдфрита в Холборне, и попросила рекомендовать меня мистеру Тредголду. Таким образом, я заранее обеспечила себе возможность знакомства с мисс Уиттакер, поскольку, как я слышала, она считается одним из «столпов церкви» в Лихемптоне! Я надеюсь, что это не является грехом – использовать церковь Божью в мирских целях; однако, в конце концов, Вы же лишь стремитесь восстановить справедливость! – поэтому в данном случае мы, наверное, можем позволить себе немного побыть ИЕЗУИТАМИ!

Это все, что я успела сделать до сих пор, однако я не собираюсь бездействовать и напишу Вам, как только у меня появится о чем Вам сообщить. Кстати, почтовый ящик очень удачно расположен прямо на углу Веллингтон-авеню, поэтому я легко могу сбежать туда и собственноручно отправить мое письмо (вдали от любопытных глаз), а одновременно окинуть взглядом дом мисс Доусон – ныне мисс Уиттакер – т. н. «Рощу».

Искренне ваша,

Александра Катерина Климпсон

Невысокая рыжеволосая медсестра окинула посетителя быстрым, слегка враждебным взглядом.

– Все в порядке, – извиняющимся тоном сказал он. – Я не собираюсь продавать вам мыло или граммофоны, и я не буду просить у вас денег или уговаривать вступить в Общество добровольных разливальщиц бульона или еще какую-нибудь благотворительную организацию. Я и в самом деле лорд Питер Уимзи – я имею в виду, это мой настоящий титул, а не псевдоним христианского проповедника вроде графа Дерр Биггерса. Я пришел задать вам несколько вопросов, и у меня нет другого выхода, кроме как сразу приступить к первому – вы читаете «Мировые новости»?

Сестра Филлитер решила, что ее собираются пригласить к душевнобольному, и пациент захотел зайти познакомиться с ней лично.

– Иногда, – осторожно ответила она.

– О, тогда вам, наверное, встречалось мое имя – в связи с несколькими убийствами, ну и еще с

парой случаев. Я, знаете ли, занимаюсь сыском. Такое вот хобби. Безобидный выход для природной любознательности, которая иначе могла обернуться против меня, приведя к самокопанию, от которого недалеко и до самоубийства. Весьма естественное, здоровое занятие – не слишком подвижное, не слишком сидячее; тренирует и развивает ум.

– Теперь я вспоминаю, кто вы такой, – медленно произнесла сестра Филлитер. – Вы свидетельствовали против сэра Юлиана Фреке. То есть вы доказали, что он виновен в убийстве, не так ли?

– Доказал – хотя мне это было неприятно, – просто ответил сэр Питер, – а сейчас я занимаюсь новым дельцем наподобие того, и мне нужна ваша помощь.

– Может, вы присядете? – предложила сестра Филлитер, подавая ему пример. – А какое отношение я имею к вашему «дельцу»?

– Насколько мне известно, вы знакомы с доктором Карром – этим правдолюбом из Лихемптона, добросовестным, но недостаточно мудрым в житейских вопросах, лишенным – как там в Библии? – дьявольской хитрости, скорее наоборот.

– Что! – вскричала она. – Так вы считаете, что это было убийство?

Несколько секунд Питер молча смотрел на нее. Ее лицо оживилось, глаза под густыми, ровными бровями заблестели от любопытства.

У нее были выразительные руки, довольно крупные, с плоскими костяшками. Он заметил, как она сжимает пальцами подлокотники кресла.

– Все нет, – беззаботно ответил он, – однако мне хотелось бы знать ваше мнение.

– Мое? – переспросила она. – Знаете, вообще-то я не имею права высказывать свое мнение о таких случаях.

– Но вы его уже высказали, – ухмыльнулся сэр Питер. – Хотя, конечно, я делаю скидку на ваше доверие к доктору Карру и его диагнозам.

– Верно, но вообще-то моя помолвка с мистером Карром не повлияла на мое суждение о случае с мисс Доусон. Я видела, как он работает, и могу сказать, что его заключениям можно доверять – доктор Карр настоящий профессионал.

– Ясно. Значит, если он утверждает, что смерть была загадочной и необъяснимой, так оно и было в действительности? Я запомню. Теперь о самой пациентке. Мне говорили, что ближе к концу она стала... ну, слегка невменяемой, кажется, это так называется?

– С этим я никак не могу согласиться. Безусловно, под действием морфина она впадала в бессознательное или полубессознательное состояние, бывало, что на целые часы. Однако на тот момент, когда я покинула ее, она пребывала совершенно в здравом уме. Конечно, она была упрямой, так сказать, с характером, но уж точно не сумасшедшей.

– Но доктор Карр сказал, что у нее появились странные фантазии – якобы кто-то хочет ее отравить.

Рыжеволосая медсестра потеряла кончиком пальца подлокотник кресла.

– Чтобы развеять ваши сомнения в том, стоит ли рассказывать мне об этом или нет, – произнес Питер, догадываясь, что было у нее на уме, – могу сообщить, что мой друг инспектор Паркер также занимается этим делом, и это в каком-то смысле дает мне право задавать вам вопросы, а вам – отвечать на них.

– В таком случае, думаю, я могу говорить свободно. Я никогда не понимала, откуда взялись эти сплетни об отравлении. И никогда не замечала, чтобы она боялась меня. Как правило, если у пациента появляются какие-нибудь сомнения насчет сиделки, он незамедлительно высказывает их вслух. Бедняжка мисс Доусон всегда была ко мне очень добра. Когда я уходила, она поцеловала меня и сделала мне маленький подарок на прощание, а еще сказала, что ей жаль расставаться со мной.

– Когда вы подавали ей еду, вы не замечали, чтобы она нервничала?

– Вообще-то в последнюю неделю еду ей подавала не я. Мисс Уиттакер сказала, что у ее тети появилась эта странная идея, и теперь она будет кормить ее сама.

– Надо же! Как интересно... То есть это мисс Уиттакер рассказала вам о чудачествах своей тетки?

– Да. И попросила не обсуждать это с мисс Доусон, чтобы не волновать ее.

– И вы?

– Конечно, я ничего ей не сказала. В любом случае с пациентом такие вещи не обсуждают. Ни к

чему хорошему это не ведет.

– А мисс Доусон говорила об этом еще с кем-нибудь? Например, с доктором Карром?

– Нет. По словам мисс Уиттакер, ее тетя боялась и доктора тоже, потому что думала, будто мы с ним заодно. Вероятно, она могла заметить, как мы смотрели друг на друга или говорили о чем-то вполголоса, и решила, что мы строим какой-то заговор.

– А как насчет служанок?

– В то время в доме были две новенькие девушки. Вряд ли племянница стала бы разговаривать с ними, да и я никогда бы себе не позволила обсуждать свою пациентку с ее прислугой.

– Ну, конечно же, нет. А почему ушли другие служанки? Сколько их там было? И что, они все уволились одновременно?

– Ушли две. Они были сестрами. Одна била посуду, и мисс Уиттакер рассчитала ее, а вторая ушла вслед за ней.

– Ах, вот оно что! Кому же понравится смотреть, как разбивается в мелкие осколки его любимая китайская супница! Ясно-ясно. То есть дело было не в том, что... я имею в виду...

– Не в том, что они не смогли ужиться с медсестрой, если вы это хотели сказать, – ответила сестра Филлитер, улыбаясь. – Это были достойные девушки, но не слишком сообразительные.

– Понятно. Теперь еще об одном событии, которое, как мне кажется, могло бы пролить свет на многое. Визит нотариуса. Похоже, он очень взволновал больную. В то время вы еще работали там?

– Нет, я только слышала о нем от доктора Карра. Но он не знал ни имени нотариуса, ни того, зачем он приезжал, – ничего.

– Жаль, – вздохнул лорд Уимзи. – Я возлагал на нотариуса большие надежды. Есть какое-то зловещее очарование – вам не кажется? – в том, как нотариусы внезапно появляются с портфелями в руках, устраивают свои таинственные совещания, а потом уходят, предварительно предупредив, чтобы за ними посылали в любое время дня и ночи, как только возникнет необходимость. Не будь этого нотариуса, я вряд ли отнесся бы с должным вниманием к истории доктора Карра. Полагаю, что тот больше не возвращался и не писал?

– Я не знаю. Впрочем, минутку. Теперь я кое-что вспоминаю. У мисс Доусон был еще один припадок вроде этого, и она снова твердила, что кто-то «пытается свести ее в могилу раньше времени».

– А когда это было?

– За несколько недель до моего ухода. Мисс Уиттакер понесла вверх письменный прибор и какие-то бумаги, которые, похоже, сильно огорчили больную. Я как раз вернулась с прогулки и застала мисс Доусон в страшном волнении. Служанки рассказали бы вам больше, они как раз тогда убирали на лестнице и слышали, как она кричала, поэтому спустились вниз и позвали меня. Я не стала спрашивать у них, что случилось, – сиделкам не пристало сплетничать с горничными за спиной у хозяев. Мисс Уиттакер сказала, что ее тетя получила неприятные известия от своего нотариуса.

– Похоже, здесь стоит копнуть поглубже. Вы не помните, как звали тех служанок?

– Как же их звали?.. Такая смешная фамилия, кажется... Гоутубед. Да, точно, Берта и Эвелин Гоутубед². Я не знаю, куда они уехали, но думаю, вы их сможете разыскать.

– Последний вопрос – и я хочу, чтобы вы забыли о христианском милосердии и недопустимости клеветы, когда будете отвечать на него. Что за человек мисс Уиттакер?

По лицу медсестры пробежало неуловимое выражение.

– Высокая, видная, весьма решительная, – сказала она, словно против собственной воли заставляя себя быть справедливой, – и исключительно компетентная медсестра – вы же знаете, она работала в Королевском госпитале, пока не стала жить с теткой. Такими медсестер изображают в театре. Она недолюбливала меня, а я – ее, и я считаю своим долгом сказать об этом прямо, милорд, однако мы обе могли отличить хорошую работу от плохой и относились друг к другу с уважением.

– Но с чего вдруг она невзлюбила вас, мисс Филлитер? Ей-богу, не помню, когда еще я встречал более приятного человека, чем вы!

– Спасибо. – Сестра выглядела немного смущенной, я, право, не знаю, но ее неприязнь ко мне со

² Go to bed – иди в кровать (англ.).

временем только усилилась. Может быть, вы слышали, что говорили люди в городе, когда я уехала? Будто бы доктор Карр и я... о! это было просто ужасно, и у меня состоялся крайне тяжелый разговор со старшей сестрой, когда я вернулась сюда. Наверняка это мисс Уиттакер распространяла сплетни. Больше никому.

– Ну, вы же были помолвлены с доктором Карром, не так ли? – мягко произнес лорд Уимзи. – Поймите меня правильно, я ни в коем случае не сомневаюсь, что это было весьма приятное обстоятельство, но...

– По ее словам, я пренебрегала своей пациенткой. Но я никогда не поступала так. У меня и в мыслях этого не было.

– Конечно, нет. Нет. Но не думаете ли вы, что ваша помолвка сама по себе могла показаться кому-то оскорблением? Кстати, а сама мисс Уиттакер с кем-нибудь помолвлена?

– Нет. Уж не намекаете ли вы на то, что она ревновала? Я уверена, что доктор Карр не давал ни единого, ни малейшего...

– Прошу вас – вскричал лорд Питер. – Ну что это вы так взъерошились? Взъерошились – по-моему, это ужасно милое слово, напоминает котенка, такого славного, пушистого. Однако, ни на секунду не подозревая доктора Карра, я все же должен сказать, что он довольно привлекательный мужчина и все такое. Вы не предполагали, что причина может быть в этом?

– Вообще-то я так думала, – призналась мисс Филлитер. – Но уже позже, после вскрытия, когда она навлекла на него столько неприятностей, я отбросила эту мысль.

– Но мисс Уиттакер не возражала против вскрытия?

– Нет. Однако всячески старалась очернить врача в глазах соседей и рассказывала всем небылицы на чаепитиях в доме викария. Меня там не было, но вы можете спросить у тех, кто был. Знаю я эти чаепития.

– Что ж, вполне вероятно. Люди могут быть очень язвительными, если решат, что с ними обошлись без должного уважения.

– Возможно, вы и правы, – произнесла сестра Филлитер задумчиво. – Но, – внезапно добавила она, – каковы могли быть мотивы для убийства этой совершенно невинной пожилой леди?

– Вы во второй раз использовали это слово, – резко произнес Уимзи. – Пока что нет никаких доказательств того, что это было убийство.

– Я знаю.

– Но вы считаете, что ее убили?

– Считаю.

– И думаете, что это сделала племянница?

– Да.

Лорд Питер подошел к окну и в задумчивости стал поглаживать листья азиатского ландыша, стоявшего в горшке на подоконнике. Молчание прервала упитанная медсестра, которая сначала ворвалась в комнату и только затем постучала в распахнутую дверь. Недобро усмехнувшись, она объявила:

– Простите, но у вас вызов на сегодняшний вечер, Филлитер. Доктор Карр пришел за вами.

Сразу после того как эти слова были произнесены, в дверях собственной персоной появился доктор Карр. При виде лорда Уимзи он раскрыл рот и потерял дар речи.

– Я же говорил вам, что мне не составит труда отыскать вас, – жизнерадостно заявил Уимзи. – Шерлок мое имя, Холмс – моя сущность. Как приятно видеть вас в добром здравии, доктор Карр. Ваше дело находится в надежных руках, но раз я здесь больше не нужен, мне, пожалуй, лучше отправиться восвояси.

– Как он попал сюда? – поинтересовался доктор Карр. отнюдь не обрадованный внезапной встречей.

– А разве не ты его прислал? По-моему, он очень мил, – сказала мисс Филлитер.

– Он сумасшедший, – сказал доктор Карр.

– Он умный, – возразила рыжеволосая медсестра.

5 Сплетни

И это вечное журчанье голосов.

С. Батлер. «Гудибрас»

– Значит, вы собираетесь переехать в Лихемптон? – сказала мисс Мергетройд. – До чего славно! Надеюсь, вы присоединитесь к нашему приходу. У нас недостаточно прихожан на службах по будням – все кругом стали такими безразличными, да еще этот протестантизм... Ой! Уронила петлю. Поделом мне! Нечего было напускаться на протестантов. Ах, вот, подхватила! Вы думаете снять дом, мисс Климпсон?

– Пока не знаю, – ответила та. – Арендная плата так высока, а купить дом, боюсь, будет мне не по карману. Я собираюсь как следует осмотреться, изучить этот вопрос со всех сторон. Конечно, я предпочла бы оказаться в этом приходе и жить поближе к церкви, если получится. Возможно, викарий знает, есть ли тут что-нибудь подходящее.

– О, не сомневаюсь, что он сможет вам помочь. У нас такой милый, гостеприимный городок! Уверена, что вам здесь понравится. Вы же остановились на Нельсон-авеню, правильно? Мне сказала миссис Тредголд.

– Да, у миссис Бадж, в «Прекрасном виде».

– Уверена, что вам там удобно. И миссис Бадж – такая приятная женщина, хотя, кажется, рот у нее никогда не закрывается. Кстати, а что она думает по этому поводу? Она всегда в курсе всех новостей.

– Ну, – сказала мисс Климпсон, хватаясь за выпавший шанс с ловкостью, которая сделала бы честь и Наполеону, – она говорила что-то про дом на Веллингтон-авеню, который может вскоре освободиться.

– Веллингтон-авеню? Вы меня очень удивили! Я думала, что всех там знаю. Может, это Парфиты? Решили наконец-то переехать? Они уже лет семь говорили об этом, и я стала думать, что дальше разговоров дело не пойдет. Миссис Писгуд, вы слышали? Мисс Климпсон сказала, что Парфиты наконец-то выезжают из своего дома!

– Не может быть! – вскричала миссис Писгуд, отрывая свои навывкате глаза от вышивки и направляя их на мисс Климпсон, словно театральный бинокль. – Вот это новости! Наверное, это из-за ее брата, того, что приезжал к ним на прошлой неделе. Скорее всего, он собирается переехать и жить с ними постоянно, а тогда им, конечно, не обойтись без дополнительной спальни, ведь девочкам надо где-то останавливаться, когда они приезжают на каникулы. Весьма разумный выход, я думаю. Наверное, он богат, да и для детей так будет удобнее. Интересно, куда они поедут? Может, в один из новых домов на Винчестер-роуд? Правда, тогда им придется обзавестись машиной. Наверняка брат купит ее себе и будет одалживать им по необходимости.

– Мне кажется, имя хозяйки дома было не Парфит, – торопливо встряла мисс Климпсон. – Точно нет. Это была мисс какая-то... да, мисс Уиттакер! Кажется, миссис Бадж говорила о ней.

– Мисс Уиттакер? – хором вскричали обе дамы. – О нет! Вы уверены!

– Я не сомневаюсь, что мисс Уиттакер сказала бы мне, если бы задумала отказаться от дома, – продолжила мисс Мергетройд. – Мы с ней большие подруги. Думаю, миссис Бадж что-то не так поняла. Люди порой создают много шума из ничего.

– Ну, я не была бы столь категорична, – вставила миссис Писгуд с упреком. – Не исключено, что зерно истины в этом есть. Несколько раз наша дорогая мисс Уиттакер говорила мне, что хочет купить ферму и заняться разведением кур. Осмелюсь предположить, что она не делилась этими планами со всеми подряд, однако мне она всегда доверяла. Так что, может, она действительно собирается это сделать.

– На самом деле миссис Бадж не говорила, что мисс Уиттакер собирается продавать дом, – вмешалась в их болтовню мисс Климпсон. – Насколько я помню, она сказала, что мисс Уиттакер осталась в доме одна после смерти какой-то своей родственницы и что она не удивится, если теперь та чувствует себя в нем одиноко.

– Ах! Как это похоже на миссис Бадж! – сказала миссис Писгуд, многозначительно кивая. –

Замечательная Женщина, но вечно все путает. Хотя, признаюсь, подобные мысли посещали и меня. Только пару дней назад я говорила бедняжке Мэри Уиттакер: «А не одиноко ли вам в этом доме, моя дорогая, теперь, когда вашей бедной тетушки больше нет с нами?» По-моему, будет очень неплохо, если она переедет или если кто-нибудь переедет к ней. Это неестественно для молодой женщины – жить одной, я так ей и сказала. Знаете ли, мисс Климпсон, я всегда говорю напрямую все, о чем думаю.

– В этом мы с вами похожи, миссис Писгуд, – с готовностью откликнулась мисс Климпсон. – Я тогда сразу спросила миссис Бадж: «А что, было что-то необычное в смерти этой пожилой леди?» – потому что она упомянула о каких-то особых обстоятельствах, а мне, как вы понимаете, не хотелось бы жить в доме, пользуясь дурной славой. Ни в коем случае. – Эти слова мисс Климпсон произнесла от чистого сердца.

– Ну конечно же нет, ничего такого – воскликнула мисс Мергетройд так поспешно, что миссис Писгуд, на мгновение замолчавшая, дабы напустить на себя таинственный вид, перед тем как приступить к ответу, оказалась неожиданно оттеснена в сторону. – Произошло обыкновенное недоразумение. Смерть была естественной – абсолютно естественной – и вообще, это было долгожданное избавление, бедняжка мисс Доусон так ужасно страдала! Всю эту скандальную историю выдумал доктор Карр (он никогда мне не нравился!), просто чтобы возвеличить себя. Как будто врач может с точностью определить дату, когда Богу будет угодно призвать несчастную страдальницу к себе! Отталкивающий пример человеческого тщеславия, мисс Климпсон, к тому же бросившего тень подозрения на невинных людей. Малютка мисс Уиттакер! Сколько ей пришлось пережить! Однако было доказано – совершенно достоверно, – что все произошло естественным образом, и я надеюсь, что этому юнцу было стыдно за свои слова.

– Однако с вами можно поспорить, мисс Мергетройд, – возразила миссис Писгуд. – Я всегда говорю то, что думаю, мисс Климпсон. Так вот, по-моему, там нужно было провести расследование. Я стараюсь идти в ногу со временем и полагаю, что доктор Карр был весьма способным молодым человеком, хотя, конечно, и не таким старомодным семейным доктором, какие нравятся пожилым людям. Я очень жалела, когда сестру Филлитер отослали – от этой Форбс была только одна головная боль, если вы мне позволите употребить грубоватое выражение моего брата. Не думаю, что она хорошо знала свое дело, как раз наоборот.

– Сестра Форбс была очаровательной женщиной, – фыркнула мисс Мергетройд, порозовев от возмущения за то, что ее причислили к «пожилым людям».

Вполне возможно, – парировала миссис Писгуд, – однако вы не можете отрицать того факта, что она чуть не убила себя, случайно приняв девять шариков каломели вместо трех. Она сама рассказывала мне об этом, а раз это случилось с ней однажды, могло случиться и другой.

– Но мисс Доусон не получала от нее никаких лекарств, – возразила мисс Мергетройд, – и, кроме того, сестра Форбс посвящала все свое время пациентке, а не флиртовала с врачом. Я всегда считала, что доктор Карр затаил на нее злобу за то, что эта сиделка заняла место его невесты, и что он был рад-радешенек, когда навлек на нее все эти неприятности.

– Уж не хотите ли вы сказать, – ворвалась в разговор мисс Климпсон, – что он отказался подписывать свидетельство о смерти, только чтобы насолить медсестре? Да ни один врач не поступил бы так!

– Конечно, нет, – сказала миссис Писгуд, – и ни одному человеку в здравом уме эта мысль не пришла бы в голову.

– Ну, спасибо вам, миссис Писгуд, – возмутилась мисс Мергетройд, – огромное, огромное спасибо! Уверена...

– Я всегда говорю то, что думаю, – отрезала миссис Писгуд.

– Тогда я рада, что меня не посещают столь далекие от милосердия мысли.

– В ваших словах милосердием и не пахло! – Миссис Писгуд ответила на выпад соперницы ее же оружием.

К счастью, в этот самый момент мисс Мергетройд, пришедшая в состояние крайнего нервного возбуждения, неловко взмахнула спицей, с которой соскользнули сразу двадцать девять петель. Жена викария, учуяв в воздухе запах склоки, бросилась к ним с блюдом ячменных лепешек, чтобы разрядить обстановку. Мисс Климпсон, памятуя о своей цели, немедленно вынесла на ее суд

предположение, касающееся дома на Веллингтон-авеню.

– Ну, точно я, конечно, не знаю, – ответила на ее вопрос миссис Тредголд, – ведь мисс Уиттакер совсем недавно переехала сюда. Пойдемте, я вас с ней познакомлю, и вы сможете сами все обсудить. Вы наверняка понравитесь друг другу – она у нас такая неутомимая труженица. О, а вы, миссис Писгуд, не могли бы пойти и переговорить с моим мужем насчет собрания церковного хора? Он как раз обсуждает этот вопрос с миссис Файндлейтер. Может, вы будете так любезны и выскажете свое мнение на этот счет? Он всегда очень прислушивается к вам.

Тактично разведя спорщиц в разные стороны, хозяйка дома оставила миссис Писгуд в безопасности под крылышком своего мужа и подвела мисс Климпсон к креслу возле чайного столика.

– Дорогая мисс Уиттакер, позвольте мне представить вам мисс Климпсон. Она ваша соседка – поселилась на Нельсон-авеню, и я надеюсь, что вы убедите ее остаться и жить здесь, с нами.

– Это было бы восхитительно, – улыбнувшись уголками рта, ответила мисс Уиттакер.

Первое впечатление, которое Мэри Уиттакер произвела на мисс Климпсон, заключалось в том, что за столиком в доме vicария церкви Святого Онисима этой женщине делать было нечего. С ее выразительными, резкими чертами лица и властным видом ее скорее можно было представить секретарем в какой-нибудь деловой конторе в Сити. У нее были приятные, сдержанные манеры, а костюм – сшитый наподобие мужского – сглаживал чувственные изгибы фигуры. Со своим долгим и печальным опытом наблюдений за подавленной женственностью, ютящейся в дешевых пансионах, мисс Климпсон быстро отвергла предположение, которое до этого смутно бродило в ее голове. Мисс Уиттакер отнюдь не походила на страстную натуру, стремящуюся освободиться от тяжелой доли компаньонки при пожилой леди и выполнить свое природное предназначение, пока для этого не стало слишком поздно. Такой тип был ей хорошо знаком – его она распознала бы с первого взгляда, даже просто услышав вопрос: «Как вы поживаете?» Однако, глядя в ясные, светлые глаза мисс Уиттакер под красиво очерченными бровями, мисс Климпсон внезапно уловила в них нечто совсем другое, хотя тоже знакомое.

Определенно, она уже встречалась с чем-то подобным, хотя и не помнила, где и когда. Беззаботно болтая о своем приезде в Лихемптон, знакомстве с vicарием и достоинствах хемпширского воздуха и песчаных почв, мисс Климпсон судорожно рылась в памяти в поисках ответа. Однако это воспоминание засело где-то в дальнем углу ее черепной коробки и не собиралось оттуда вылезать. «Думаю, ночью я все вспомню, – решила она, – и, кстати, не стоит сейчас заговаривать с ней о доме, для первого знакомства это слишком рановато».

Но тут какой-то рок вмешался в развитие событий, спутав все карты мисс Климпсон и не позволив этому дипломатическому ходу принести свои плоды. Эриния – богиня мщенья, лишаящая преступника рассудка, – явилась в облике мисс Файндлейтер, весьма сентиментальной особы. Она подскочила к ним, держа в руках детский чепчик, и плюхнулась на диван напротив мисс Уиттакер.

– Мэри, дорогуща, почему вы мне не сказали? Значит, вы решили-таки заняться разведением курочек? Я и представить не могла, что вы на это пойдете! Как же вы могли не рассказать мне обо всем первой? Вы же обещали!

– Но я ничего об этом не знаю, – холодно ответствовала мисс Уиттакер. – Кто вам сказал?

– Ну, миссис Писгуд сказала, что слышала об этом тут, – и мисс Файндлейтер оказалась в затруднении. Ее пока что не представили мисс Климпсон, поэтому она не знала, как говорить о ней в ее присутствии. «Эта леди» – так говорят только продавщицы; «мисс Климпсон» – невозможно, ведь формально она не знает ее имени; «новая постоялица миссис Бадж» – тоже не годится, с учетом всех обстоятельств.

Она поколебалась, затем одарила мисс Климпсон широкой улыбкой и сказала:

– От нашей новой соседки. Вы позволите мне представиться? Ненавижу формальности, а вы? Кроме того, раз мы оказались на одном чаепитии, это уже своего рода знакомство, не так ли? Мисс Климпсон, я полагаю? Как вы поживаете? Так это правда – да, Мэри? – что ты продаешь свой дом мисс Климпсон и едешь жить на ферму в Альфорде?

– Впервые слышу об этом, – ледяным тоном проговорила сквозь зубы Мэри Уиттакер. – Мисс Климпсон и я познакомились минуту назад.

Мисс Климпсон невольно вздрогнула: такой холод исходил от этой медсестры – казалось, будь ее

воля, их первая встреча наверняка стала бы и последней.

– Бог мой, – воскликнула младшая мисс Файндлейтер – белокурая, восторженная и слегка неряшливая, – похоже, я села в лужу! Со слов миссис Писгуд мне показалось, что это решено. – Она бросила вопросительный взгляд на мисс Климпсон.

– Какое недоразумение – энергично возразила та. – Что вы теперь подумаете обо мне, мисс Уиттакер! Конечно, у меня и в мыслях не было утверждать подобные вещи. Я лишь упомянула – вскользь – о том, что я подыскиваю – вернее, подумываю о том, чтобы подыскать домик по соседству с церковью – так удобно, знаете ли, для утренних служб и дней разных святых. И тут кто-то, не помню кто, высказал предположение – всего лишь! – что вы, возможно, когда-нибудь захотите продать ваш дом. Не более того, уверяю вас. Ну, и тут начались разные предположения...

Говоря эти слова, мисс Климпсон отдавала себе отчет том, что поступает не совсем честно, однако в свое оправдание она могла сказать, что руководствовалась лишь благими намерениями.

– Мисс Мергетройд, – добавила она, – сразу же поправила меня, сказав, что у вас тоже и в мыслях этого не было, ибо в противном случае вы сразу поделились бы с ней.

Мисс Уиттакер рассмеялась:

– Наверяд ли! Скорее я поделилась бы в первую очередь со своим маклером. Вообще-то я действительно подумывала над тем, чтобы обзавестись птицефермой, но совершенно точно не делала никаких шагов в этом направлении.

– Значит, вы все-таки собираетесь купить ферму? – вскричала мисс Файндлейтер. – Я очень надеюсь, что это так, потому что мне ужасно хочется поработать там. Я просто мечтаю сбежать от всех этих партий в теннис и прочего и жить на лоне природы, в самой простой обстановке. Вы читали Шейлу Кей-Смит?

Мисс Климпсон ответила, что нет, не читала, но ей очень нравится Томас Харди.

– До чего ужасно жить в городке вроде нашего, – продолжала мисс Файндлейтер, – кругом цветы в горшках и все эти мелкие сплетни. Вы и понятия не имеете, мисс Климпсон, как в Лихемптоне любят сплетничать. Я уверена, Мэри, дорогая, что и вам все это надоело, особенно после доктора Карра и всего, что про вас тогда наговорили. Неудивительно, что вам захотелось избавиться от вашего дома. Наверняка вы теперь чувствуете себя в нем неудобно.

– Это почему же? – быстро ответила мисс Уиттакер. Может, слишком быстро? Мисс Климпсон с изумлением заметила в ее глазах и голосе поспешность старой девы, стремящейся уверить всех, будто это не мужчины пренебрегают ею, а она сама отвергает их.

– Ну, просто, – заговорила мисс Файндлейтер, – я всегда думала, что очень грустно жить в доме, где кто-то умер. Например, наша дорогая мисс Доусон – хотя, конечно, для нее это было большим облегчением, и все же...

Мисс Климпсон почувствовала, что подозрения насчет смерти мисс Доусон все еще витают в воздухе, однако люди воздерживаются от упоминания о них.

– Много ли найдется таких домов, в которых никто никогда не умирал? – возразила Мэри Уиттакер и, повернувшись к мисс Климпсон, решила переменить тему разговора: – Честно говоря, не понимаю, о чем тут тревожиться. Гораздо лучше просто не думать об этом. Мы же не беспокоимся о людях, которых не знаем. Точно так же нас меньше волнуют эпидемии и несчастные случаи, которые происходят где-то далеко. Кстати, как вы думаете, мисс Климпсон, к чему приведет эта история с Китаем? По-моему, к ней относятся слишком легкомысленно. Если бы большевики окопались не в России, а в Гайд-парке, шуму было бы гораздо больше.

Мисс Климпсон ответила в приличествующих случаю выражениях. Тем же вечером она написала лорду Уимзи:

«Мисс Уиттакер пригласила меня на чай. Она сказала, что, хотя ей очень нравится активный сельский образ жизни, когда у каждого есть определенное занятие, она испытывает горячую привязанность к дому на Веллингтон-авеню и никак не может расстаться с ним. По-моему, она слишком уж торопилась сообщить мне об этом. Наверное, с моей стороны справедливо будет сказать, что это наводит на подозрения. Принц Датский мог бы добавить к этому что-то вроде «да задрожит стрела на тетиве» – если это выражение можно употребить применительно к даме. Как прекрасен Шекспир! У него всегда можно найти подходящую цитату для любой ситуации!»

6

Найдена мертвой

Кровь, хотя и спит до времени, никогда не умирает.

Чепмен. «Слезы вдовы»

– Знаете, Уимзи, по-моему, вы сделали холостой выстрел, – заметил Паркер. – Не думаю, что у нас есть хоть малейшая причина подозревать, будто бы в смерти старой мисс Доусон было нечто странное. Все, что мы имеем, – это мнение самоуверенного молодого врача да куча сплетен.

– Вы мыслите ужасно формально, Чарльз, – ответил его друг. – Ваша тяга к доказательствам постепенно изничтожает ваш блестящий интеллект и подавляет инстинкты. Вы слишком цивилизованны, и в этом ваша беда. По сравнению с вами я – дитя природы. Брожу по нехоженным тропам, сую нос, куда не следует (как бы тяжело мне ни было в этом признаваться) и не жду за это похвалы или повышения жалования. Я просто знаю, что в этом деле не все ладно.

– Откуда?

– Откуда? Да оттуда же, откуда знал, что не все ладно с тем хваленым лафитом 76-го года, который Петтигрю-Робинсон, этот прислужник дьявола, опробовал на мне прошлым вечером. У него был премерзкий вкус.

– Черт с ним со вкусом. Там же не было ни следов насилия, ни яда. И мотивов тоже. И никакой возможности хоть что-то доказать.

Питер выбрал из ящика сигару и изящно прикурил.

– Знаете, – сказал он, – а давайте-ка заключим пари. Ставлю десять против одного, что Агата Доусон была убита. Двадцать против одного, что убийца – Мэри Уиттакер, и пятьдесят против одного, что я докажу это еще до конца года. Согласны?

Паркер засмеялся.

– Я – человек бедный, милорд, – уклончиво ответил он.

– Вот вы и попались, – с торжествующим видом произнес Питер. – У вас у самого есть подозрения насчет этого дела. В противном случае вы сказали бы, что с моей стороны это пустая трата денег, и замолчали, будучи полностью уверены в своей победе.

– Я видел достаточно, чтобы понимать, что ни в чем нельзя быть уверенным до конца, – возразил детектив, – но, пожалуй, на пари соглашусь. Только считаем по полфунта, – предусмотрительно добавил он.

– Поставь вы даже пару десятков фунтов, – отвечал Питер, – я принял бы во внимание вашу спорную бедность и сохранил бы их вам, однако несколько шиллингом вас точно не разорят. Следовательно, я приложу все усилия, чтобы доказать, что был прав.

– И что же вы собираетесь предпринять? – саркастическим тоном спросил Паркер. – Затребуете ордер на эксгумацию и будете искать яд, наплевав на результаты анализа? Или похитите мисс Уиттакер и примените допрос третьей степени, как галлы?

– Ни в коем случае. Мои методы гораздо современнее. Попробую один психологический прием. Как в Псалтири, я расставляю сети и ловлю в них добычу. Предпочитаю, чтобы предполагаемый преступник сам себя выдал.

– Так вперед! Все в ваших руках, – ответил на это Паркер.

– Это точно. Знаете, с точки зрения психологии, это совершенно достоверный факт: преступники не могут забыть о том, что совершили, и...

– Они возвращаются на место преступления?

– Не перебивайте, черт вас побери! Они предпринимают всякие ненужные действия, чтобы скрыть следы, которых в действительности не оставляли, а за этим следуют подозрения, расследования, доказательства, обвинения и – эшафот. Об этом пишут все юристы – только, прошу, не поминайте Блаженного Августина с его кудахтаньем! Впрочем, вместо того чтобы и дальше расточать пред вами перлы моего красноречия, я хочу перейти к делу и предлагаю поместить вот это объявление во всех утренних газетах. Мисс Уиттакер должна читать хоть какой-то из продуктов

нашей блистательной журналистики, согласны? Так мы с вами одним выстрелом убьем двух куропаток.

– Двух зайцев, вы хотели сказать, – пробурчал Паркер. – Покажите.

Берту и Эвелин Гоутубед, ранее находившихся в услужении у мисс Агаты Доусон, «Роцца», Веллингтон-авеню, Лихемптон, просят связаться м-ром Дж. Мерблесом, эсквайром, из Стейпл-Инн, в их собственных интересах.

– Неплохо, да? – спросил Уимзи. – Способно всколыхнуть подозрения даже в самом неискушенном уме. Держу пари, что Мэри Уиттакер клюнет.

– Каким образом?

– Не знаю. Это-то меня и интересует. Надеюсь, с Мерблесом, этим старым добряком, ничего не произойдет. Ужасно было бы потерять его. Такой хороший адвокат! Хотя человек его профессии должен быть готов к некоторому риску.

– Чепуха! – воскликнул Паркер и добавил уже спокойно: – Но я согласен, будет полезно найти девушек, раз уж вы решили побольше разузнать о мисс Доусон. Служанки обычно в курсе всех сплетен.

– Дело не только в этом. Помните, сестра Филлитер говорила, что горничных выгнали незадолго до нее? Так вот, с учетом странных обстоятельств увольнения самой медсестры – всей этой истории о том, якобы мисс Доусон отказывалась принимать пищу из ее рук, которая никак не сказалась на отношении больной к своей сиделке, – мне видится некоторая связь между увольнением девушек и тем истерическим припадком, который случился с мисс Доусон недели за три до этого. Не кажется ли вам, что все, кто мог что-то помнить об этом эпизоде, были последовательно устранены со сцены?

– Ну, у старой леди была веская причина, чтобы уволить девушек.

– Разбитая посуда? Так в наши дни хорошую прислугу днем с огнем не сыщешь. Горничные стали такие безответственные, совсем не как в добрые старые времена. Так вот, о том припадке. Почему мисс Уиттакер выбрала один из тех редких моментов, когда прозорливая мисс Филлитер ушла на прогулку, и именно тогда отправилась к своей тетке с документами на подпись? Она же знала, что та может разволноваться – так почему ей было не подождать сиделку, которая смогла бы успокоить больную?

– Ну, мисс Уиттакер – профессиональная медсестра. Она, вне всякого сомнения, была способна справиться с теткой сама.

– Я уверен, что она вообще много на что способна, – многозначительно произнес Уимзи.

– Да ладно вам! Вы мыслите предвзято. Однако объявление стоит напечатать в любом случае. Вреда от этого не будет.

Питер протянул было руку к звонку, но вдруг замер. Его нижняя челюсть отвисла, придав его лицу слегка глуповатое сомневающееся выражение, напоминающее героев Вудхауса.

– А вы не думаете... – начал он. – А, к черту! – и нажал кнопку звонка. – Как вы сказали, вреда не будет. Бантер, проследите, чтобы это объявление появлялось во всех газетах из этого списка каждый день до следующего распоряжения.

Объявление было впервые опубликовано во вторник. Несколько дней не происходило ничего нового, разве что мисс Климпсон прислала письмо, в котором с некоторым разочарованием сообщала, что младшей мисс Файндлейтер удалось наконец уговорить мисс Уиттакер предпринять решительные шаги, касающиеся птицефермы. Они вдвоем уехали посмотреть на хозяйство, о котором прочли в «Новостях птицеводства», и собирались отсутствовать несколько недель. Мисс Климпсон опасалась, что при сложившихся обстоятельствах не сможет проводить расследование с тщательностью, оправдывающей ее более чем щедрое жалование. Тем не менее, она тесно сошлась с мисс Файндлейтер-старшей, которая пообещала рассказывать ей все-все об их перемещениях. Лорд Уимзи ответил ей словами поддержки и одобрения.

В следующий вторник Паркер как раз находился в процессе переговоров со своей домохозяйкой, которая имела неприятную привычку варить копченую селедку, предназначавшуюся ему на завтрак, до тех пор, пока та не становилась похожа на соленую мочалку, когда назойливо затрезвонил телефон.

– Это вы, Чарльз? – донесся из трубки голос Питера. – Мерблес получил письмо про эту девушку,

Берту Гоутубед. Она исчезла из своей квартиры в прошлый вторник, и вот сейчас ее квартирная хозяйка, которая видела объявление и обеспокоилась судьбой своей жилицы, направляется сюда, чтобы рассказать все, что ей известно. Вы можете приехать в Стейпл-Инн к одиннадцати?

– Не знаю, – слегка раздраженно буркнул Паркер. – меня своей работы полно. Уверен, вы справитесь и без меня.

– О да, конечно! – сварливо пробурчал лорд Уимзи. – Но я подумал, что вам тоже захочется послушать. До чего же вы неблагодарное существо! Могли бы выказать хоть немножко интереса к этому делу.

– Ну, я-то считаю, что дела никакого нет, и вы это знаете. И кстати, не говорите таким тоном – распугаете всех девушек на коммутаторе. Я посмотрю, что можно сделать. В одиннадцать? Ладно! Да, и еще...

«Щелк!» – сказал телефон.

– Повесил трубку, – горько произнес Паркер. – Берта Гоутубед. Хм... Готов поклясться, я...

Он протянул руку за утренней газетой, которая стояла на столе, прислоненная к банке с джемом, и, насупившись, пробежал глазами столбец, крупный заголовок которого привлек его внимание за мгновение до того, как телефонный звонок прервал разбирательство по поводу копченой селедки.

ОФИЦИАНКА НАЙДЕНА МЕРТВОЙ В ЭППИНГСКОМ ЛЕСУ БАНКНОТА В 5 ФУНТОВ ЛЕЖАЛА В СУМОЧКЕ

Банкнота в 5 фунтов лежала в сумочке.

Он поднял трубку и продиктовал телефонистке номер Уимзи. На звонок ответил дворецкий.

– Его светлость принимает ванну, сэр. Соединить вас с ним?

– Пожалуйста, – сказал Паркер.

Телефон снова щелкнул. Послышался голос Питера:

– Хелло!

– А квартирная хозяйка Берты Гоутубед не говорила, где та работает?

– Да, официанткой в «Корнер-хаусе». А с чего вдруг такой интерес? Вы оттолкнули мою протянутую руку, а теперь звоните, не даёте принять ванну... К чему, к чему все это? – похоже на куплеты, правда?

– Вы еще не читали газеты?

– Нет. Обычно я делаю это за завтраком. А что случилось? Издан приказ всем выступать на Шанхай? Или правительство скостило шесть пенсов с подоходного налога...

– Да замолчите вы, ради бога! Дело серьезное. Вы опоздали.

– Опоздал куда?

– Берта Гоутубед была найдена мертвой этим утром в Эппингском лесу.

– Бог ты мой! Но как? От чего она умерла?

– Понятия не имею. Яд или еще что. Или внезапный сердечный приступ. Никаких следов насилия. Ограбления тоже не было. Ни одной зацепки. Я сейчас же еду в Скотленд-Ярд.

– Надеюсь, Господь меня простит, Чарльз. У меня еще тогда было нехорошее предчувствие насчет этого объявления, но вы сказали, что вреда не будет, помните? Найдена мертвой... Бедняжка! Чарльз, я чувствую себя убийцей. Вот черт, я весь мокрый. От этого становишься таким беспомощным... Слушайте, бегите в Скотленд-Ярд и расскажите все, что знаете. Я не сомневаюсь, что убийство связано с моим объявлением.

– Совсем не обязательно. Это может быть нечто другое.

– Ну да, а свиньи могут летать. Призовите свой здравый смысл. О! Чарльз, а про вторую сестру ничего не известно?

– Известно. У убитой было с собой письмо от нее: по нему и опознали тело. Месяц назад она вышла замуж и переехала в Канаду.

– И это спасло ей жизнь. Она окажется в страшной опасности, если вернется сюда. Мы должны задержать ее и предупредить. И выяснить, что ей известно. Пока! Мне надо одеться. О черт!

«Щелк!» Линия снова замолчала, и Паркер, без сожаления расставшись с копченой селедкой, торопливо выскочил из дому и побежал по Кондуит-стрит, чтобы успеть впрыгнуть в трамвай,

идуший к Вестминстеру.

Глава Скотленд-Ярда, сэр Эндрю Маккензи, был старым другом лорда Уимзи. Он принял взволнованного молодого человека и внимательно выслушал его слегка сбивчивый рассказ про рак, завещание, таинственного нотариуса и объявление в газете.

– Любопытное совпадение, – терпеливо сказал он, – и я понимаю, почему вы так расстроены. Но можете быть спокойны. У меня есть медицинский отчет, подтверждающий, что смерть была совершенно естественной. Никаких следов насилия. Конечно, мы еще будем проводить вскрытие, однако я не думаю, что тут можно заподозрить убийство.

– Но что она делала в Эппингском лесу?

Сэр Эндрю слегка пожал плечами:

– Это нам тоже предстоит выяснить. Хотя, как вы знаете, у молодежи есть эта традиция – гулять на природе. Кстати, у нее был жених. Кажется, он работает на железной дороге. Коллинз как раз поехал побеседовать с ним. А может, она была там с кем-нибудь еще?

– Но если смерть была естественной, то как мог этот кто-то оставить ее одну, больную или умирающую?

– Ну, вы бы ее, конечно, не оставили. Но представьте: что, если они занимались там кое-чем, ну, в лошадку играли, и тут девушка падает замертво – так бывает, когда становится плохо с сердцем. Ее спутник мог перепугаться и сбежать. Очень даже запросто.

Но лорда Уимзи его слова не убедили.

– А как долго она пролежала там, пока ее не нашли?

– Дней пять-шесть. Ее и нашли-то случайно; в этой части леса люди бывают редко. Молодежь с собаками бродила по лесу, и один из терьеров унюхал мертвое тело.

– Оно лежало на виду?

– Не совсем. В кустах – самое подходящее место для влюбленной парочки, чтобы поиграть в прятки друг с другом.

– Или для трупа, чтобы поиграть в прятки с полицией, – вставил Уимзи.

– Ну, это только ваши предположения, – улыбнулся сэр Эндрю. – Если это было убийство, то наверняка отравление, потому что, как я уже говорил, на теле не обнаружено никаких ран или следов борьбы. Я перешлю вам отчет о вскрытии. А пока, если вы хотите поехать на место преступления с инспектором Паркером, можете рассчитывать на всяческое мое содействие. Дайте мне знать, если вдруг обнаружите что-нибудь интересное.

Уимзи поблагодарил его, забежал в соседний кабинет за Паркером и увлек его за собой по коридору в сторону выхода.

– Мне все это не нравится, – говорил он на ходу. – Конечно, это замечательно, что наш первый психологический опыт сразу же принес плоды, однако я предпочел бы, чтобы они не были такими печальными. Нам лучше сейчас же отправиться в Эппинг. С квартирной хозяйкой встретимся позже. Кстати, у меня новая машина – вам понравится.

Паркеру хватило беглого взгляда на стройное черное чудовище со щегольски вытянутым корпусом и сдвоенной выхлопной трубой, сверкающей на солнце, чтобы понять, что беспрепятственно добраться до Эппинга они смогут, только если он напустит на себя крайне официальный вид и будет размахивать полицейским значком перед носом каждого человека в форме, который встретится им на обочине. Он молча залез в машину, и они незамедлительно вырвались вперед остального движущегося транспорта, однако Паркер вместо облегчения ощутил легкую нервозность, так как мотор, который должен был бы реветь под капотом, работал почти неслышно.

– Новый «даймлер Твин-шесть», – сказал Питер, стремительно обгоняя грузовик, на который он, казалось, даже и не взглянул. – С гоночным корпусом. Специальная конструкция... удобно... возможности... никакого шума... ненавижу шум... как Эдмунд Спарклер... удивляются, что так тихо... Крошка Доррит... помните... называйте ее миссис Мердль... по этой причине... сейчас покажу, что она может.

Питер сдержал свое обещание.

Их прибытие произвело неизгладимое впечатление на небольшую толпу людей, оказавшихся в Эппингском лесу по делу или любопытства ради. Лорда Уимзи немедленно окружили четыре

репортера и толпа фотографов: его приезд давал им надежду на то, что это происшествие может превратиться в пару-тройку газетных столбцов. Паркер, к своему вящему неудовольствию, был сфотографирован в процессе извлечения его из недр «миссис Мердль» офицером Уолмсли, любезно пришедшим ему на помощь. Этот же офицер подвел его к месту преступления.

Тело девушки уже увезли в морг, но по углублению на влажной земле можно было составить представление о том, как оно лежало. Взглянув туда, лорд Уимзи издал сдавленный стон.

– Ничего нет хуже теплой весенней погоды, – прочувствованно произнес он. – Апрельские дожди – солнышко и вода – просто кошмар! Тело сильно попортилось, офицер?

– Да, довольно сильно, милорд, особенно части, не прикрытые одеждой. Однако личность установлена точно, сомневаться не приходится.

– У меня этого и в мыслях даже не было. А как она лежала?

– На спине, поза совершенно естественная. Одежда в порядке, ничего такого. Как будто сидела на травке, а потом почувствовала себя плохо и упала на спину.

– Хм... Дождь уничтожил все следы на земле. Да еще трава. Мерзкая штука эта трава, правда, Чарльз?

– Да. Офицер, смотрите, ни один стебелек не сломан.

– О да, – сказал офицер, – никаких следов борьбы, как я и указал в своем отчете.

– Но если она сидела здесь, а потом упала на спину, как вы предположили, то хотя бы несколько молодых стеблей должны было сломаться под ее весом – вы так не думаете?

Офицер бросил короткий взгляд на детектива из Скотленд-Ярда.

– Вы хотите сказать, что ее просто принесли и положили здесь, сэр?

– Я ничего не хочу сказать, – ответил на это Паркер – я только обратил ваше внимание на факт, достойный упоминания. А это что? Следы колес?

– От нашей машины, сэр. Мы подъехали сюда и подняли ее.

– А это ваши люди натоптали?

– Отчасти да, сэр, но здесь ходили еще и туристы, которые ее нашли.

– То есть следов других людей вы тут не заметили?

– Нет, сэр. Но на прошлой неделе постоянно шли дожди. Кроме того, тут повсюду скачут кролики и другие зверьки тоже. Ласки или что-то в этом роде.

– О! Что же, мне кажется, вам лучше пойти и осмотреть округу. Может, на некотором отдалении отсюда найдется что-нибудь важное. Наметьте круг, если что-нибудь обнаружите, сообщайте мне. И не позволяйте всем этим людям подходить так близко. Натяните веревку, скажите, чтобы не приближались. Вы уже все увидели, Питер?

Уимзи, стоявший в нескольких ярдах от них, бесцельно ковырял своей тростью в углублениях между корнями дуба. Внезапно он остановился и поднял сверток, который кто-то затолкал в одно из углублений. Полицейские бросились к нему, однако их энтузиазм поутих, когда они увидели эту находку – сандвич с ветчиной и пустую бутылку «Басса», небрежно завернутые в грязную газету.

– Туристы, – хмыкнув, сказал Уолмсли. – Уверен, что это не имеет отношения к делу.

– Думаю, вы ошибаетесь, – спокойно возразил ему Уимзи. – Когда именно исчезла девушка?

– Ну, она ушла со смены в «Корнер-хаусе» в пять часов в среду, 27-го числа, – ответил Паркер.

– А это *Ивнинг ньюс* за среду, 27-го, – сказал Уимзи. – Вечернее издание. Поступает в продажу не раньше шести. Поэтому, если только кто-то не привез газету сюда, чтобы поужинать на ней, она попала в лес вместе с девушкой или ее спутником. Маловероятно, чтобы пикник состоялся позже, рядом с мертвым телом. Не то чтобы трупы мешали кому-нибудь наслаждаться едой – на войне как на войне, – но все же пока что войны не наблюдается.

– Совершенно верно, сэр. Однако вы предположили, что смерть произошла в среду или четверг. Она могла побывать и где-нибудь еще – у друзей в городе, например.

– Я снова повержен, – признался Уимзи. – И все же это любопытное совпадение.

– Действительно, милорд, и я рад, что вы обнаружили этот сверток. Вы позаботитесь о нем, мистер Паркер, или мне этим заняться?

– Думаю, мы заберем его с собой и приобщим к другим доказательствам. – Паркер протянул руку, чтобы забрать у Уимзи сверток, к которому тот проявил, пожалуй, чрезмерный интерес. – Пожалуй, его светлость прав: сверток действительно привезла с собой девушка. И, скорее всего, она была не

одна. Весьма банальная история. Поосторожнее с бутылкой, на ней могут быть отпечатки пальцев.

– Забирайте свою бутылку, – сказал Уимзи. – Пусть будет всегда под рукою бутылка и друг, чтобы выпить вдвоем, как говорит Дик Свивеллер. Однако я убедительно прошу вас, чтобы вы, прежде чем предупреждать вашего уважаемого юного железнодорожного клерка о том, что все, что он скажет, может быть использовано в суде против него, обратили свой взгляд – и обоняние тоже – на этот сэндвич с ветчиной.

– А что с ним такое? – спросил Паркер.

– Ничего. Сохранился на удивление хорошо – все благодаря этому восхитительному дубу. Английские дубы – сколько сотен лет они защищали Британию от непрошенных гостей! Из сердцевины дуба мы строим корабли – из сердцевины, а не из сердца, как часто, и совершенно ошибочно, утверждают наши с вами сограждане. Однако в данный момент меня больше интересует нестыковка между этим сэндвичем и этой девушкой.

– По-моему, обыкновенный сэндвич.

– О, боги доброго застолья, конечно, это сэндвич, но совсем не обыкновенный! Никогда эта ветчина не бывала на скромной кухне, в мясной лавочке или магазине на задворках! Свинья, принесенная в жертву ради того, чтобы этот деликатес появился на свет, жирела не на обычной бурде и не на помоях. Обратите внимание на плотность, на этот жирок, желтый, как щечка китайки, на темное пятнышко, где в окорок просочилась патока, превратившая его в яство, способное выманить Зевса с Олимпа. А теперь скажите мне, человек, ратующий за равноправие и способный круглый год питаться вареной селедкой, скажите, как могло получиться, что молоденькая официантка и ее приятель, клерк с железной дороги, приехали в Эппингский лес, чтобы закусить сэндвичами с копченой браденхемской ветчиной в корочке из патоки, ветчиной, которая диким кабаном бегала в далеких лесах, пока смерть не превратила ее в это славное произведение гастрономического искусства? Могу добавить, что в сыром виде она стоит три шиллинга за фунт – аргумент, который вы наверняка сочтете весомым.

– Это и правда странно, – сказал Паркер. – Думаю, только богатые люди...

– Богатые или те, кто относится к еде как к искусству, – добавил Уимзи. – Эти две категории отнюдь не совпадают, хотя иногда и пересекаются.

– Это может быть важно. – Паркер аккуратно завернул их находку. – А теперь мы можем поехать взглянуть на тело.

Зрелище было не из приятных: влажная погода и мелкие зверьки сделали свое дело. Бросив на тело короткий взгляд, Уимзи предоставил полицейским осматривать его, а сам решил поподробнее изучить содержимое сумочки покойной. Он пробежал глазами письмо Эвелины Гоутубед (ныне Эвелин Кроппер) и записал ее канадский адрес. Из внутреннего отделения сумочки он извлек свое собственное объявление и некоторое время внимательно изучал банкноту в пять фунтов, которая лежала свернутой пополам рядом с казначейским билетом на десять шиллингов; кроме того, в сумочке обнаружили семь шиллингов восемь пенсов медью и серебром, ключ от двери и пудреница.

– Надо отследить этот билет. Уолмсли, займетесь?

– Безусловно, милорд.

– А ключ, я думаю, от ее квартиры?

– Наверняка. Мы попросили квартирную хозяйку приехать и опознать тело. Не то чтобы у нас были какие-то сомнения на сей счет, просто это необходимо по закону. Думаю, она будет нам полезна. О, – офицер бросил взгляд в сторону подъехавшей в этот момент машины, – наверняка это она.

Дородная дама, появившаяся из такси в сопровождении молодого полицейского, без труда опознала покойницу и, всхлипывая, подтвердила, что это была Берта Гоутубед.

– Такая красивая юная леди, – причитала она. – Какой ужас! Боже, кто только мог совершить такое?! Я так разволновалась, когда она не вернулась домой в прошлую среду! Сколько раз я пожалела о том, что не прикусила язык и не спрятала от нее это злосчастное объявление. Ах, вот это самое – вы как раз держите его в руках, сэ. До чего низко – заманивать молоденьких девушек, уверяя, что это якобы в их интересах! Старый коварный дьявол – а еще называет себя адвокатом! Она все не возвращалась и не возвращалась, и тогда я написала этому негодяю, что ему от меня не уйти и что я натравлю на него полицию – он может быть в этом уверен, не будь я Доркас Гулливер! Меня

ему вокруг пальца не обвести: мне шестьдесят один, и уж я разбираюсь в людях – вот что я написала.

Эскапада в адрес почтенного мистера Мерблеса из Стейпл-Инн, о реакции которого на послание миссис Гулливер можно было только гадать, немного смутила лорда Уимзи.

– Представляю, в какое негодование пришел наш старик, – шепнул он Паркеру. – Увижу его, обязательно спрошу о письме.

Тем временем миссис Гулливер продолжала причитать:

– Такие порядочные девушки – обе, – а мисс Эвелин еще повезло выйти за этого очаровательного молодого человека из Канады. Боже Всемогущий, только подумайте, до чего она расстроится. А душечка Джон Айронсайдз – он же собирался жениться на мисс Берте, моей бедной овечке, сразу после Дня Святой Троицы. Такой воспитанный, приятный юноша – клерк на железной дороге, он еще шутил: «Неспешный, но надежный – в точности как наша железная дорога, таков уж я, миссис Гулливер». Прямо не верится, что все так закончилось! И ведь она никогда не была легкомысленной. Я с радостью дала ей ключ, потому что она иногда работала в вечернюю смену, но ни разу она не пришла позже обычного времени. Поэтому я так и разволновалась, когда она не вернулась. Многие в наши дни махнули бы рукой и не стали разыскивать жилищу, но только не я. Когда она не вернулась, я сразу сказала: «Помяните мое слово, ее похитил этот самый Мерблес».

– А сколько она прожила у вас, миссис Гулливер? – спросил Паркер.

– Недолго, чуть больше года, но, слава богу, мне достаточно и двух недель, чтобы понять, порядочная девушка или нет. С моим опытом и одного взгляда хватает, если говорить честно.

– Она поселилась у вас вместе с сестрой?

– Именно так. Они обратились ко мне, когда приехали в Лондон искать работу. А ведь могли попасть в очень плохие руки, это уж я вам говорю – две молоденькие девушки из провинции, обе такие свежие и хорошенькие.

– Думаю, им невероятно повезло, миссис Гулливер, – сказал Питер, – ведь они могли всегда довериться вам, попросить совета.

– Это правда, – согласилась миссис Гулливер, – хотя в наши дни молодежь редко прислушивается к советам старших. Вырасти ребенка, и он покинет тебя, как пишут в книгах. Но мисс Эвелин, которая теперь миссис Кроппер, забрала в голову эту идею насчет того, чтоб приехать в Лондон и зажечь как леди, хотя до этого они были всего лишь прислугами. Не понимаю, с чего им пришло в голову променять работу горничной на это кафе – постоянно кругом всякая шваль, ни минутки свободной, да еще и поесть спокойно не дадут. Но мисс Эвелин – она у них была заводилой – очень удачно устроилась, встретила мистера Кроппера: он приходил обедать в «Корнер-хаус» каждое утро, она ему понравилась, и он самым достойным образом решил связать с ней свою судьбу.

– Действительно, удачное совпадение. А как вы думаете, с чего вдруг они решили перебраться в Лондон?

– Любопытно, сэр, что вы спросили об этом, я и сама никак не могла взять в толк, отчего леди, у которой они служили, там, в провинции, подбросила эту идею мисс Эвелин. Только, сэр, в наше время, когда так сложно найти хорошую прислугу, не кажется ли вам, что ей, наоборот, стоило изо всех сил держаться за девушек? Но нет! Произошла какая-то неприятность с Бертой – бедняжкой, которая лежит тут, – просто сердце разрывается, глядя на нее, да, сэр? – как будто она нечаянно разбила какой-то чайник, очень дорогой, и хозяйка сказала ей, что так больше продолжаться не может. И вот, значит, она говорит: «Вам придется уйти, – говорит, – но, – говорит, – я дам вам очень хорошую рекомендацию, и вы легко найдете себе новое место. И, я думаю, Эвелин захочет уйти вместе с вами, – говорит, – поэтому мне надо будет подыскать себе кого-то другого, – говорит. Но, – говорит, – почему бы вам не поехать в Лондон? Вам там понравится, и жизнь там гораздо интереснее», – говорит. Под конец она так напичкала их рассказами о том, как хорош Лондон и сколько в нем разных возможностей, что им уже не терпелось отправиться туда, а она еще подарила им немного денег и вообще вела себя очень мило.

– Хм, – сказал Уимзи, – похоже, это был совершенно необыкновенный чайник, раз его падение привело к таким последствиям. А что, Берта часто била посуду?

– Честно говоря, сэр, у меня она не разбила ни единого блюдца. Но эта мисс Уиттакер – так звали ту леди – отнеслась к случаю ужасно предвзято, знаете, она явно из тех дамочек, у которых обо всем имеется собственное суждение. Бедняжка Берта думала, что хозяйка сильно рассердилась на нее, но

мисс Эвелин – которая сейчас миссис Кроппер – она всегда считала, что за этим скрывалось нечто другое. Мисс Эвелин хорошо разбиралась в людях, сэра. Хотя у каждого есть свои странности, так ведь? Я предполагаю, что у той леди на примете был кто-то, кого она хотела взять на место Берты – вот этой, которая лежит тут, и Эвелин – которая сейчас миссис Кроппер, ну, вы понимаете – и она просто выдумала предлог, чтобы избавиться от них.

- Вполне вероятно, – кивнул лорд Уимзи. – Кстати, инспектор, а что Эвелин Гоутубед?
- Сейчас миссис Кроппер, – всхлипнув, вставила миссис Гулливер.
- То есть да, миссис Кроппер, – вы связались с ней?
- О да, милорд. Мы немедленно отправили ей телеграмму.
- Хорошо. Дайте мне знать, как только получите ответ.
- Конечно, милорд, мы сообщим инспектору Паркеру.
- Спасибо. Итак, Чарльз, я вас покину. Мне надо послать телеграмму. А может, поедете со мной?
- Спасибо, нет, – ответил Паркер. – Честно говоря, мне не нравится ваш стиль вождения. Будучи лицом официальным, я предпочитаю оставаться с наветренной стороны закона.
- Отлично сказано, – улыбнулся лорд Уимзи. – Что ж, тогда увидимся в городе.

7

Ветчина и бренди

Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты.

Брилья-Саварен

- Итак, – сказал Уимзи, когда тем же вечером дворецкий Бантер ввел Паркера к нему в гостиную, – раскопали что-то новенькое?
- Да, у меня появилась новая версия этого преступления. И доказательства есть.
- О каком преступлении речь?
- В Эппингском лесу. Я по-прежнему уверен, что старую мисс Доусон никто не убивал. Это вы придумали.
- Ясно. Думаю, сейчас вы мне сообщите, что Берта Гоутубед попала в лапы к торговцам белыми рабынями.
- Как вы догадались? – сварливо спросил Паркер.
- Очень просто. На все преступления, в которых замешаны молоденькие девушки, у Скотленд-Ярда есть два ответа – белое рабство и наркотики, или и то и другое.
- Ну, вообще-то так оно и есть. Мы проследили пятифунтовую банкноту.
- Это интересно...
- Да. Похоже, в ней таится разгадка. Банкноту получила миссис Форрест с Южной Одли-стрит. Я как раз оттуда.
- Видели ее?
- Нет, хозяйки не было дома. Она вообще там редко бывает – так мне сказали. Похоже, это довольно своеобразная особа, непостоянная и расточительная. Она снимает меблированную квартиру над цветочным магазином.
- С гостиничным обслуживанием?
- Нет. Тихая квартира, лифт без лифтера. Показывается там время от времени, обычно вечером, переночует и снова пропадает. Заказывает еду в «Фортнум & Мейсон». Счета оплачивает аккуратно, наличными или чеком. Уборку в квартире делает одна пожилая дама, приходит к одиннадцати, когда миссис Форрест уже нет.
- И что, никто никогда ее не видит?
- Да нет, видят. Люди из квартиры этажом ниже и девушка из цветочного магазина описали мне ее, и довольно подробно. Высокая, одевается нарядно, горжетка из ондатры, туфли на высоких каблучках и почти совсем без верха – ну, знаете, модные такие. Волосы обесцвечены, всегда

надушена, пользуется слишком светлой пудрой – не по моде, губы красит помадой сургучного цвета; брови подводит черным, ногти всегда ярко-розовые.

– Звучит как статья из дамского журнала, Чарльз.

– Ездит на четырехместном «рено», темно-зеленом, с гобеленовой обивкой. Гараж сразу за углом. Я говорил со служащим, он утверждает, что ночью 27-го ее машины там не было. Уехала в час тридцать. Вернулась лишь следующим утром, около восьми.

– И сколько она бензина израсходовала?

– Мы подумали об этом. Ровно столько, чтобы доехать до Эппинга и вернуться обратно. И еще – консержка говорит, что в тот вечер ей на дом доставили ужин на двоих и три бутылки шампанского. Кстати, там была и ветчина.

– Браденхемская?

– Откуда консержке это знать? Зато в «Фортнум & Мейсон» мне сказали, что доставляли браденхемскую ветчину в адрес миссис Форрест за день до того.

– Звучит убедительно. Похоже, вы считаете, что некая миссис Форрест завлекла Берту Гоутубед к себе домой с какими-то низкими целями и предложила ей поужинать...

– Нет, я думаю, ее там ждал мужчина.

– Ну конечно. Миссис Форрест свела их и оставила одних. Бедную девушку основательно напоили, ну а потом произошло нечто неожиданное.

– Да, может быть, шок, и тогда ей ввели наркотик.

– А потом погрузили в машину и избавились от тела. Вполне возможно. Вскрытие покажет, было ли там что-нибудь в этом роде... В чем дело, Бантер?

– Телефон, милорд. Просят мистера Паркера.

– Простите, – сказал Паркер, – я попросил людей из цветочного магазина, чтобы они позвонили мне сюда, если объявится миссис Форрест. Если она дома, может, съездите туда со мной?

– Обязательно.

Со сдержанным ликованием Паркер вернулся в комнату.

– Она только что вошла в квартиру. Поехали! Только не на вашем чудовище – лучше возьмем такси. Поспешим, как бы нам ее не упустить.

Дверь в квартиру на Южной Одли-стрит им открыла миссис Форрест собственной персоной. Уимзи сразу же узнал ее по описанию. Взглянув на карточку Паркера, она молча впустила их внутрь и провела в гостиную, оформленную в розово-фиолетовых тонах – над ней явно поработали дизайнеры с Риджент-стрит.

– Прошу вас, садитесь. Вы курите? А ваш друг?

– Мой коллега, мистер Темплтон, – торопливо произнес Паркер.

Похоже, миссис Форрест своим острым глазом немедленно углядела разницу между нарядом Паркера за семь гиней – «модным повседневным костюмом, пошитым в нашей собственной мастерской, который сидит так, словно был сделан на заказ» – и дорогой одеждой его «коллеги», однако не выказала никакого беспокойства. Паркер заметил ее оценивающий взгляд. «Наверняка решила, – подумал он, – что Уимзи – разъяренный брат, или муж, или еще какой-нибудь родственник. Ну, не важно. Пусть гадают, тем лучше для нас».

– Мы занимаемся, мадам, – начал он официальным тоном, – расследованием, связанным с происшествием, которое имело место 26-го числа прошлого месяца. В тот день вы были в городе?

Миссис Форрест слегка нахмурила лоб, вспоминая. Уимзи заметил про себя, что она не так уж молода, просто яблочко-зеленое платье делает ее свежее. Ее возраст явно приближался к тридцати, а взгляд был пристальным и зрелым.

– Да, думаю, была. Была, точно. Именно тогда я провела в городе несколько дней. И чем я могу вам помочь?

– Дело касается одной банкноты, которая, как мы знаем, находилась у вас, – сказал Паркер. – Пятифунтовый билет с номером х/у58929. Вы получили его в Ллойде-банке 19-го, когда обналичивали чек.

– Весьма вероятно. Номера я, конечно, не помню, но, кажется, я действительно тогда обналичивала чек. Могу посмотреть по чековой книжке.

– В этом нет необходимости. Однако вы очень обяжете нас, если припомните, с кем вы

расплатились этой банкнотой.

– Хм, попробую. Примерно тогда я заплатила своей портнихе – нет, ей я дала чек. Я платила наличными в гараже, да, и как раз пятифунтовым билетом.

Потом я обедала у Вери с одной подругой, и там оставила еще пять фунтов, но у меня была третья банкнота. Я получила двадцать пять фунтов – у меня было три банкноты по пять фунтов и десять по одному. Куда же я дела третью? Ах, подождите, ну конечно! Я проиграла ее на скачках!

– Вы ставили через букмекерскую контору?

– Нет. Просто мне нечего было делать, вот я и поехала в Нью-маркет. Поставила пять фунтов на какую-то доходягу, кажется, кличка была Молния или Громобой – как их обычно называют, ставка пятьдесят к одному. Конечно, эта кляча проиграла, так всегда бывает. В поезде вместе со мной ехал один мужчина, он и посоветовал ставить на нее. Я подошла к первому букмекеру, которого там увидела, – смешной такой, низенький, седой, с хриплым голосом, – и отдала деньги.

– А вы не помните, в какой день это было?

– Кажется, в субботу. Точно, в субботу.

– Большое спасибо, миссис Форрест. Нам сейчас очень важно проследить судьбу этой банкноты. Она была обнаружена на... в общем, при необычных обстоятельствах.

– А можно мне узнать, что это за обстоятельства, или это тайна следствия?

Паркер заколебался. Он уже жалел, что сразу не вывалил на миссис Форрест новость о том, что ее пятифунтовый билет был обнаружен в сумочке у покойницы, лежавшей в Эппингском лесу. Захваченная врасплох, она могла бы выдать себя. Однако он упустил возможность, позволив ей укрыться за выдумками о скачках. Конечно, кому удастся отследить купюру, полученную неизвестным букмекером во время конных состязаний. Пока он думал, что ответить, Уимзи впервые за все время их беседы открыл рот и заговорил высоким, раздраженным голосом, тем самым повергнув инспектора в глубокое изумление.

– Так мы ничего не добьемся! – выпалил он. – Мне дела нет до вашей дурацкой банкноты, и, я уверен, Сильвии тоже.

– Кто это Сильвия? – спросила миссис Форрест с удивленным видом.

– Кто Сильвия? Кто она? – вскричал Уимзи. – У Шекспира всегда найдется нужная цитата, не так ли? Только, черт побери, в этом нет ничего смешного! Все очень серьезно, скажу я вам. Сильвия очень расстроена, и доктор боится, что это скажется на ее сердце. Может, вы с ней и не знакомы, миссис Форрест, но Сильвия Линдхерст – моя кузина. И она хочет знать, все мы хотим знать – не перебивайте меня, инспектор, вы же видите, ваше хождение вокруг да около ни к чему не ведет – так вот, мы хотим знать, миссис Форрест, кто обедал здесь с вами вечером двадцать шестого апреля? Кто это был? А? Можете мне сказать?

Вопрос явно застиг миссис Форрест врасплох. Несмотря на толстый слой пудры, было видно, как покраснели ее щеки, да еще глаза – в них вспыхнула даже не тревога, а какая-то отчаянная ярость, как у кошки, загнанной в угол.

– Двадцать шестого? – промямлила она. – Я не...

– Я так и знал! – завопил Уимзи. – И эта девушка, Эвелин, она гоже была в этом уверена. Так кто это был, Миссис Форрест? Отвечайте же!

– Тут... никого тут не было, – набрав в легкие побольше воздуха, объявила миссис Форрест.

– Ну же, миссис Форрест, подумайте как следует, – сказал Паркер, снова вступая в игру, – вы же не собираетесь утверждать, что сами съели ужин на двоих и выпили три бутылки «Вдовы Клико».

– Не забудьте про ветчину, – вставил Уимзи, сделав глубокомысленный вид, – браденхемскую ветчину, специально приготовленную и отправленную сюда из «Фортнум & Мейсон». Итак, миссис Форрест...

– Дайте мне минутку. Всего минутку. Я вам все расскажу.

Ее пальцы впелись в подлокотники кресла.

– Я... вы не нальете мне чего-нибудь выпить? Напитки в столовой, вон там, на буфете.

Уимзи быстро вскочил на ноги и скрылся в соседней комнате. Его не было довольно долго. Миссис Форрест откинулась на спинку, делая вид, что не в силах пошевелиться, однако дыхание ее постепенно успокаивалось, и, по мнению Паркера, она уже вполне пришла в себя. «Сочиняет историю», – разозленный, подумал он. Тем не менее, в данный момент он не мог надавить на нее,

чтобы не показаться крайне жестоким.

За раздвижными дверями Питер производил страшный шум, брэнча стаканами и переставляя что-то на буфете. Наконец он вернулся в гостиную.

– Простите, что так долго, – извинился Уимзи, протягивая миссис Форрест бокал виски с содовой. – Не мог найти сифон. Я вообще копуша, знаете ли. Все мои друзья так говорят. Да, еще я пролил немного содовой на буфет. Руки трясутся. Нервы разгулялись, сами понимаете. Вам стало лучше? Вот и хорошо. Поставьте сюда. Виски вас подкрепит. Может, еще немножко? Вам не повредит. Вы не против, если я и себе налью глоточек? Что-то я разволновался. Все это так неприятно, да и дело крайне щепетильное. Давайте ваш бокал. Сейчас, подождите.

С бокалом в руке он рысцой выбежал из комнаты, оставив Паркера маяться в нетерпении. Присутствие детектива-любителя сильно портило ему дело. Уимзи снова возник в дверях: на сей раз он проявил немного больше здравого смысла, захватив с собой поднос, на котором стояли графин, сифон и три бокала.

– Ну что, – сказал Уимзи, – сейчас, если вам немного лучше, может, вы ответите на наш вопрос, миссис Форрест?

– А могу я узнать, какое право вы имеете задавать мне такие вопросы?

Паркер бросил сердитый взгляд на своего друга. Вот что получается, если дать человеку время на размышления.

– Право? – вспыхнул Уимзи. – Право? Уж конечно, у нас есть право. Полиция имеет право задавать вопросы, когда речь идет о нарушении закона. И о каком! Об убийстве!

– Убийстве?

В ее глазах промелькнула странная искорка. Паркер не обратил на нее внимание, однако Уимзи немедленно понял, где он видел нечто подобное. Такой же огонек блеснул во взгляде одного знаменитого финансиста, когда тот взялся за перо, чтобы подписать контракт. Уимзи предложили засвидетельствовать подписание, но он отказался. Из-за этого контракта разорились сотни людей. По стечению обстоятельств, вскоре после этого финансист был убит, но Уимзи не взялся за расследование, объяснив свое решение цитатой из Дюма: «Да свершится правосудие Божье!»

– Боюсь, – сказала миссис Форрест, – что в таком случае я ничем не могу вам помочь. У меня действительно ужинал друг вечером 26-го апреля, однако, насколько я знаю, ни его не убивали, ни сам он никого не убил.

– То есть у вас был мужчина? – спросил Паркер. Миссис Форрест слегка склонила голову набок, насмешливо улыбаясь.

– Мы с мужем живем отдельно, – негромко произнесла она.

– Я прошу прощения, – сказал Паркер, – но мне необходимо знать имя и адрес этого джентльмена.

– А зачем он вам? Ну, если вы посвятите меня в некоторые детали...

– Видите ли, – снова встрял Уимзи, – нам необходимо доподлинно знать, был это Линдхерст или нет. Моя кухня так ужасно расстроена, да и эта девушка, Эвелин, тоже. Сильвия совсем голову потеряла. Только представьте – она набросилась на беднягу Линдхерста с револьвером! Слава богу, стрелок из нее никудышный. Пуля пролетела у него над плечом и попала в вазу – а ваза-то старинная, стоит целые тысячи, – так она разлетелась на мелкие кусочки. В таком состоянии Сильвия совсем не отвечает за свои поступки. Вот мы и решили: Линхерста ведь проследили только до этого квартала, так что если вы дадите нам убедительные доказательства того, что это был не он, может быть, Сильвия успокоится и убийства не произойдет, понимаете? Поставьте себя на мое место: если даже суд признает, что она убила его в состоянии аффекта, все равно крайне неприятно, когда твоя кухня сидит в Бродмуре: старшая кухня, и вообще милейшая женщина – это если ее не волновать.

Выражение лица миссис Форрест немного смягчилось, на губах появилась легкая улыбка.

– Я понимаю вас, мистер Темплтон, – сказала она, – и назову вам имя моего друга, если вы обещаете хранить его в тайне.

– Конечно-конечно, – заверил ее Уимзи. – Боже, как великодушно с вашей стороны!

– Только поклянитесь, что вы не шпионите за мной по поручению моего мужа, – внезапно выпалила она. – Я пытаюсь развестись с ним. Откуда мне знать: вдруг это ловушка?

– Мадам, – с нажимом произнес Паркер, – я клянусь честью джентльмена, что не имею ни

малейшего отношения к вашему мужу. До сегодняшнего дня я о нем слыхом не слыхивал.

Миссис Форрест покачала головой:

– Собственно, я и не думаю, что его имя вам чем-нибудь поможет. Если вы его спросите, был ли он здесь в тот вечер, он ответит «нет», так ведь? А если вас послал мой муж, то у вас и так уже есть все доказательства. Однако я могу вас заверить, мистер Темплтон, что ничего не знаю о вашем друге, мистере Линдхерсте...

– Майоре Линдхерсте, – с печальной миной поправил ее Уимзи.

– И если миссис Линдхерст не будет удовлетворена и захочет прийти повидаться со мной, я приложу все усилия, чтобы убедить ее в этом. Такой вариант вас устроит?

– Большое спасибо, – сказал Уимзи. – Думаю, вы сделали все, что могли. Вы простите мне мою резкость, не так ли? Я... видите ли, я и так довольно нервный, а тут еще такие обстоятельства! Приятного вам вечера. Все в порядке, инспектор, пойдёмте. Я вам крайне признателен. Прошу, не провожайте нас.

Разболтанной походкой он направился к дверям, Паркер же, сохраняя полицейскую выправку, двинулся следом. Как только дверь за ними захлопнулась, Уимзи схватил его за руку и потащил к лифту.

– Думал, мы никогда оттуда не выберемся, – пробормотал он. – Теперь скажите, как нам попасть на задний двор?

– А зачем вам вдруг понадобилось на задний двор? – спросил Паркер. – И вообще, нечего волочить меня вот так. Я вовсе не обязан брать вас с собой, когда работаю, но если уж увязались следом, так хотя бы держите язык за зубами.

– Правда ваша, – жизнерадостным тоном отвечал Уимзи, – только давайте все-таки проникнем на задний двор, а там уж можете оскорблять меня, как вам вздумается. Кажется, нам сюда, за угол. Давайте живее и смотрите, не ударьтесь о мусорный бак. Раз, два, три, четыре – вот оно! Посмотрите, никто не идет?

Найдя среди окон то, которое принадлежало квартире Миссис Форрест, Уимзи обхватил руками водосточную трубу и стал карабкаться по ней с проворством опытного грабителя. Футы в пятнадцати от земли он замер, протянул руку, сделал движение, напоминающее рывок, а потом быстро соскользнул вниз, держа руку на отлете, словно она была стеклянной.

К своему изумлению, Паркер обнаружил, что пальцы Уимзи сжимают бокал на длинной ножке: точь-в-точь такой же, как те, из которых они только что пили виски в гостиной у миссис Форрест.

– Какого черта... – произнес Паркер.

– Шшш! Я же Хоукшоу, детектив – я собираю отпечатки пальцев. Вот идем мы, распеваем, отпечатки собираем – праздник Пасхи на дворе! Вот зачем я забрал у нее бокал. Во второй раз я принес уже другой. Простите меня за эти гимнастические упражнения, но на единственной катушке, которую мне удалось обнаружить, было слишком мало ниток. Когда я поменял бокал, то прокрался в ванную и вывесил его на нитке из окна. Надеюсь, она еще не заходила в ванную. Отряхните пыль с моих брюк, будьте так любезны. Осторожно, не заденьте бокал.

– Да на кой черт вам нужны ее отпечатки?

– Я и не рассчитывал на вашу признательность... Но что, если миссис Форрест – преступница, которую Скотленд-Ярд разыскивает уже целую вечность? Даже если это и не так, неплохо будет сравнить их с отпечатками на бутылке «Басса», если таковые обнаружатся. И вообще, никогда не знаешь, зачем могут понадобиться отпечатки. Весьма полезная вещь в хозяйстве. Ну как, горизонт чист? Поймайте-ка нам такси. Я не могу махать руками, покуда в них бокал. Это будет выглядеть ужасно глупо. Кстати...

– Да?

– Я видел еще кое-что. Когда я в первый раз пошел за виски, то заглянул в ее спальню.

– Ну?

– И что, по-вашему, лежало у нее на туалетном столике?

– Что же?

– Шприц!

– Правда?

– О да, и маленькая невинная коробочка с ампулами, и рецепт с пометкой «Инъекции для миссис

Форрест. Один укол при сильных болях». Что вы об этом думаете?

– Я скажу, когда будут готовы результаты вскрытия, – сказал Паркер. На него сообщение друга произвело впечатление. – А рецепт вы с собой не захватили?

– Нет, равно как не проинформировал эту леди о том, кто мы такие на самом деле, и не спросил у нее разрешения на похищение семейного хрусталя. Однако я запомнил адрес аптекаря.

– Серьезно? – восхитился Паркер. – Наконец-то, дружище! В вас начинает просыпаться настоящий детектив.

8

По поводу преступления

*Общество отдано на милость убийцы,
которого не терзают угрызения совести,
который избавляется от сообщников
и не теряет хладнокровия.*

Э. Пирсон «Убийство в Сматти-Ноуз»

Письмо мисс Александры Катерины Климпсон лорду Питеру Уимзи

«Прекрасный вид»

Нельсон-авеню,

Лихемптон

12 мая 1927 г.

Мой дражайший лорд Питер! У меня пока что не было возможности раздобыть ВСЮ информацию, которую Вы просили, так как мисс Уиттакер отсутствует уже несколько недель: осматривает птицефермы. Я имею в виду – не с санитарной инспекцией, а с целью приобретения, конечно же (!). Мне кажется, что она действительно собирается заняться разведением птицы вместе с мисс Файндлейтер, хотя что могла мисс Уиттакер найти в этой сентиментальной и, скажем прямо, глупой девушке, я даже представить себе не могу.

... Тем не менее мисс Файндлейтер, по всей видимости, испытывает глубокую «привязанность» (если это можно так назвать) к мисс Уиттакер; а я смею предположить, что ни один человек не устоял бы перед таким нескрываемым восхищением. Должна сказать, что, на мой взгляд, это очень нездорово – помните прелюбопытную книгу Клеменс Дейн на эту тему? – дело в том, что я повидала немало похожих парочек за свою жизнь, проведенную преимущественно в женском обществе. Подобная дружба оказывает – как правило – очень плохое влияние на ту из двоих, у которой характер более слабый; однако пора мне перестать занимать Ваше время своими глупостями!

Мисс Мергетройд, которая в некотором роде была подругой мисс Доусон, рассказала мне кое-что о ее жизни.

Еще пять лет назад мисс Доусон жила в Уорвикшире со своей компаньонкой, мисс Кларой Уиттакер, внучатой племянницей которой и является Мэри Уиттакер. Эта мисс Клара, судя по всему, была крепким орешком, как сказал бы мой покойный отец. В свое время она считалась слишком «эмансипированной» и даже не совсем добропорядочной (!), так как отклонила немало достойных предложений, коротко (!!)) стригла волосы и владела собственным бизнесом – КОНЕЗАВОДОМ!!! Конечно, в наши дни никто не нашел бы в этом ничего предосудительного, однако тогда пожилая леди – или юная леди, каковой она являлась, когда взялась за это революционное дело, – казалась настоящим ПЕРВОПРОХОДЦЕМ.

Агата Доусон была ее школьной подругой, и весьма близкой. Благодаря этой дружбе сестра Агаты, Гарриет, вышла замуж за брата Клары Уиттакер, Джеймса. Сама же Агата замуж не стремилась, равно

как и Клара, и две эти дамы жили вместе в большом доме, с огромными конюшнями, в деревеньке Крофтон в Уорвикшире. Клара Уиттакер оказалась великолепной деловой женщиной, и у нее были отличные связи в кругах охотников. Ее охотничьи лошади славились по всей округе, и вскоре из капитала в несколько сотен фунтов, с которых она начинала дело, выросло целое состояние, на момент своей смерти она являлась очень богатой дамой. Агата Доусон никогда не касалась дел конезавода, а отвечала за дом и прислугу.

Перед смертью Клара Уиттакер завещала все свои деньги Агате, обойдя при этом собственную семью, с которой находилась не в лучших отношениях – все из-за их предвзятого отношения к ее бизнесу!!

Ее племянник, Чарльз Уиттакер, священник, являвшийся отцом нашей мисс Уиттакер, был весьма разочарован тем, что не получил денег, хотя вел себя с теткой совсем не по-христиански, так что не имел права жаловаться, особенно с учетом того, что Клара сама заработала свое состояние. Однако в голове у него сидела эта дикая, старомодная идея о том, что женщина не может жить сама по себе или зарабатывать деньги, ну и вообще делать то, что пожелает!

Он и его семья были единственными родственниками мисс Уиттакер, поэтому, когда он и его жена погибли в автокатастрофе, мисс Доусон попросила Мэри оставить работу в госпитале и переехать к ней. Так что, как видите, деньги Клары Уиттакер должны были в конце концов вернуться к дочери Чарльза Уиттакера. Мисс Доусон недвусмысленно дала понять, что завещает все Мэри, если та согласится скрасить последние годы жизни одинокой пожилой леди.

Мэри согласилась; ее тетка – или, точнее сказать, сестра ее матери – продала большой старый дом в Уорикшире, доставшийся ей после смерти Клары. Некоторое время они пожили в Лондоне, а затем перебрались в Лихемптон. Как вы знаете, бедняжка мисс Доусон уже страдала от этой ужасной болезни, которая и свела ее в могилу, так что Мэри не надо было долго ждать, чтобы заполучить деньги Клары Уиттакер.

Надеюсь, эти сведения пригодятся вам. Мисс Мергетройд, естественно, ничего не знает об остальных членах семьи, хотя ей кажется, что у мисс Доусон не было других родственников, ни со стороны Доусонов, ни со стороны Уиттакеров.

Когда мисс Уиттакер вернется, я постараюсь почаще видеться с ней. Прилагаю отчет о тратах за прошедший период. Надеюсь, Вы не заподозрите меня в расточительстве. Как обстоят дела с Вашими пожертвованиями? Жаль, что я больше не имею возможности встречаться с этими бедными женщинами, чьи случаи изучала – их истории были такими поучительными.

Искренне Ваша,

Александра К. Климпсон

P.S. Я забыла сказать, что мисс Уиттакер владеет небольшим автомобилем. Конечно, я не разбираюсь в этих делах, но служанка миссис Бадж сказала мне, что служанка мисс Уиттакер говорила об «Остине-7» (есть такая марка?). Цвет – серый, номер – ХХ9917.

Как только лорд Питер кончил читать сей документ, Бантер объявил о приходе Паркера. Детектив вошел в гостиную и устало опустился на диван.

– Вот, ознакомьтесь, – сказал лорд Уимзи, протягивая ему письмо. – Знаете, я начинаю думать, что вы были правы насчет дела Берты Гоутубед, и это для меня большое облегчение. Я не верю ни единому слову миссис Форрест и надеюсь, что смерть Берты была простым совпадением и не имела отношения к моему объявлению.

– Да что вы? – язвительно спросил Паркер, наливая себе виски с содовой. – Тогда, надеюсь, вас обрадует весть о том, что при вскрытии мы не обнаружили никаких следов насилия. Яда тоже нет. У нее было слабое сердце, причина смерти – сердечный приступ в результате переедания.

– Ну, это детали, – сказал Уимзи. – Итак, некий любезный джентльмен получает приглашение пообедать в квартире у одной своей приятельницы и познакомиться с ее юной подругой. После обеда он вдруг начинает вести себя странно и делает ей непристойное предложение. Добродетельная девица оскорблена до глубины души. Слабое сердце отказывает. Обморок. Смерть. Любезный джентльмен и его приятельница остаются с трупом на руках. Что делать? Спасительная мысль: есть же машина! До Эппингского леса – и вот они уже потирают руки, избавившись от тела.

Какие сложности?

- Как это доказать – вот единственная сложность. Кстати, отпечатков на бутылке нет – одни пятна.
- Наверняка перчатки. Похоже, их надели намеренно. С какой стати обычной парочке на пикнике натягивать перчатки, перед тем как брать за бутылку?
- Ну да. Только мы не можем арестовать всех, кто носит перчатки.
- Скорблю по вам, сказал тюлень, и страшно сожалею. Не хотелось бы мне оказаться на вашем месте. А что насчет инъекций?
- Полный порядок. Мы побеседовали и с аптекарем, и с врачом. Миссис Форрест страдает от сильной невралгии, поэтому иногда ей необходимы уколы. Ничего подозрительного, никаких наркотиков. Лекарство несильное, убить им никак нельзя. Потом, я ведь уже сказал, что в теле не было обнаружено ни следов морфина, ни ядов.
- Да-да, – кивнул Уимзи. Несколько минут он молчал, уставившись на пламя в камине. – Думаю, пора дать заметку в газеты, – внезапно заключил он.
- Да. Мы уже отправили им результаты вскрытия. Завтра они напишут, что смерть была естественной, и мы закроем это дело.
- Хорошо. Чем меньше шума, тем лучше. Кстати, что насчет ее сестры, из Канады?
- Совсем забыл! Три дня назад мы получили от нее телеграмму. Она приезжает.
- Да что вы? На каком корабле?
- «Звезда Квебека» – ожидается в следующую пятницу.
- Хм... Нам надо ее перехватить. Вы поедете встречать корабль?
- Ну нет! С какой стати?
- Думаю, мы должны его встретить. Конечно, я немного успокоился, но все-таки не совсем. Съезжу-ка я сам, если вы не против. Я хочу разобраться в истории со старой мисс Доусон и на сей раз не допущу, чтобы у сестрицы случился сердечный приступ, пока я не поговорю с ней.
- Думаю, вы все преувеличиваете, Питер.
- Лучше перестраховаться, чем потом жалеть, – сказал лорд Уимзи. – Хотите еще виски? Не стесняйтесь. Да, а что вы думаете о послании мисс Климпсон?
- Не вижу в нем ничего особенного.
- Да?
- Есть кое-какие странности, но в целом – ничего такого.
- Ага. Но теперь мы знаем, что папаша мисс Уиттакер был очень зол, когда мисс Доусон получила денежки, на которые он сам имел виды.
- Вы же не будете подозревать его в убийстве мисс Доусон, Питер! Он умер задолго до нее, а деньги так и так отошли к его дочери.
- Знаю. Но представьте себе: что, если мисс Доусон передумала? Вдруг она поссорилась с Мэри Уиттакер и решила завещать деньги кому-то другому?
- О, понимаю, и та устранила ее до того, как она изменила завещание?
- Но ведь такое возможно!
- Конечно. Только это идет вразрез с тем, что мы уже знаем: мисс Доусон отказывалась заниматься завещанием!
- Верно – пока она была в хороших отношениях с Мэри. Но как насчет того утра, о котором упоминала сестра Филлитер, когда больная сказала, что ее пытаются свести в могилу раньше времени? Мэри могла потерять терпение от того, что ее тетушка никак не хотела отправляться на тот свет. И если мисс Доусон узнала об этом, она наверняка расстроилась, а, расстроившись, могла выразиться в том смысле, что предпочитает завещать свои деньги кому-нибудь другому – так сказать, в качестве страховки против своей преждевременной кончины.
- Так почему она не послала за нотариусом?
- Может, и послала бы. Только она же была прикована к постели и совершенно беспомощна. Мэри вполне могла помешать ей связаться с ним.
- Звучит печально.
- Еще бы! Вот почему я так хочу поговорить с Эвелин Кроппер. Я совершенно уверен, что девушек отправили из дому, так как они услышали нечто, не предназначавшееся для их ушей. Иначе с чего бы Мэри Уиттакер бросилась уговаривать их поехать в Лондон?

– Да-да. Эта часть рассказа миссис Гулливер и мне показалась странной. А что, если нам поговорить со второй сиделкой?

– Сестрой Форбс? Хорошая мысль. Я-то и забыл о ней. Как вы думаете, сможете ее отыскать?

– Конечно, если это для вас важно.

– Важно. Чертовски важно. Чарльз, почему вы относитесь к этому делу без всякого энтузиазма?

– Вы же знаете, я даже не считаю это «делом». Но вы стараетесь изо всех сил, чтобы превратить его в убийство, и почти без всяких оснований. Почему?

Лорд Уимзи поднялся из кресла и прошелся по комнате. Здесь горела одна только настольная лампа, и его тень, тощая и неправдоподобно длинная, пробежала по потолку.

Он подошел к книжному шкафу: тень сжалась, замерла и почернела. Он протянул руку – тень двинулась следом за ней, скользя по корешкам книг с золотым тиснением.

– Почему? – повторил Уимзи. – Потому что мне кажется, что это дело, которое я так долго искал. Всем делам дело. Убийство без следов, без зацепок, без мотива. Норма. Все, что вы видите здесь, – он обвел рукой полки, и тень повторила его жест, сделав его слегка зловещим, – все эти книги, они посвящены преступлениям. Но только ненормальным преступлениям.

– В каком смысле ненормальным?

– Проваленным. Преступлениям, которые были обнаружены. Как вы думаете, каково соотношение раскрытых преступлений и тех, которые прошли незамеченными?

– В нашей стране, – напрягшись, сказал Паркер, – полиции удастся найти и обезвредить большую часть преступников...

– Дорогой мой, я знаю, что, когда факт преступления налицо, ваши люди находят преступника по меньшей мере в шестидесяти процентах случаев. Но в тот самый момент, когда выясняется, что было совершено преступление, оно попадает в категорию провалов. После этого все зависит только от эффективности работы полиции. Но как насчет преступлений, которых никто так и не заметил?

Паркер пожал плечами:

– Что я могу ответить на этот вопрос?

– Давайте порассуждаем. Почитайте любую газету. «Мировые новости», все что угодно. Правда, на прессу теперь надели намордник – цензура не дремлет. Возьмем лучше отчет о бракоразводных процессах. Развод – это констатация провала брака. Но ведь разводы случаются сплошь и рядом. А теперь посмотрите вокруг, на то, как живут ваши друзья и знакомые, и вы поймете, что большинство из них счастливы в семейной жизни, только не кричат об этом на всех углах. Люди не ходят в суд для того, чтобы заявить, что они неплохо уживаются вместе, спасибо за внимание. Точно так же в книгах, стоящих на этих полках, вы найдете описания лишь тех преступлений, которые завершились провалом. Только они привлекают к себе внимание. Убийцы, которым удался их замысел, не пишут об этом в газетах. Они даже не собираются на дурацкие семинары, чтобы поделиться своими соображениями с любопытствующими на тему «Что убийство значит для меня» или «Как я стал преуспевающим отравителем». Удачливые убийцы, как и счастливые жены, предпочитают держать язык за зубами. И я думаю, что по отношению к тем, кто попался, они составляют ту же пропорцию, что и разведенные пары к крепким брачным союзам.

– А вы не преувеличиваете?

– Не знаю. И никто не знает. В том-то вся и загвоздка. Но спросите любого доктора, когда он будет в приятном, расслабленном состоянии души и тела, о том, сколько раз за годы практики у него возникали подозрения, которым он не захотел или не решился дать ход? На примере нашего друга Карра мы видим, что случается, когда доктор проявляет подобную решимость.

– Так он же ничего не смог доказать!

– Я знаю. Но это не значит, что там нечего было доказывать. Посмотрите, сколько убийств оставалось в тайне до тех пор, пока преступник не заходил слишком далеко и не совершал какую-нибудь глупость. Вот, например, Палмер. Его жена, и мать, и теща, и куча незаконных отпрысков – он всех их убрал с дороги, и никто ничего не заподозрил до тех пор, пока ему не пришлось в голову столь очевидным образом избавиться от Кука. Или Джордж Джозеф Смит. Безнаказанно утопил двух жен, и никаких подозрений – пока то же самое не произошло с третьей. И Армстронг – большая часть его преступлений так и не вышла бы наружу, если бы не эта история с Мартином и шоколадом. Берка и Лейра привлекли к суду за убийство старушки, так они чистосердечно

признались, что за два месяца отправили на тот свет шестнадцать человек, а никто и ухом не повел.

– Но их же поймали!

– Потому что они были дураки. Если вы убиваете кого-то жестоким, кровавым способом, или травите человека, всегда отличавшегося богатырским здоровьем, или избавляетесь от богатого родственника на следующий день после того, как тот подписал завещание в вашу пользу, или приканчиваете любого, кто попадает на вашем пути, то, конечно, рано или поздно вас поймут. Но если вы решите убить человека, который стар и болен, при обстоятельствах, когда ваша выгода не слишком очевидна, обставив все так, что это будет выглядеть как смерть от естественных причин или несчастный случай, то вам ничего не угрожает! Могу поклясться, что отнюдь не все сердечные приступы, гастроэнтериты и инфлюэнцы со смертельным исходом являются результатом Божьего промысла. Чарльз, убить человека чертовски легко, для этого даже не нужна специальная подготовка.

Паркер выглядел взволнованным.

– В ваших словах есть доля истины. Я слышал пару подобных историй. Но мисс Доусон...

– Случай мисс Доусон просто очарователен! Такая великолепная жертва! Совсем старая, смертельно больная. Того и гляди, сама сыграет в ящик. Никаких родственников, задающих вопросы. Ни близких друзей, ни старых соседей. И куча денег. Честно говоря, Чарльз, ночами, лежа в кровати, я прямо-таки облизываюсь, размышляя о разных способах убийства Агаты Доусон.

– Ну, до тех пор, пока вы не придумаете такой, который не оставляет следов и не нуждается в мотиве, вы не можете считать свои размышления плодотворными, – заявил практичный Паркер, который уже начал уставать от этой неприятной темы.

– Тут я с вами согласен, – кивнул Уимзи, – но это означает лишь одно: я еще совсем незрелый убийца. Подождите, пока мой метод не будет разработан до совершенства, и тогда я, возможно, познакомлю вас с ним. Какой-то древний мудрец сказал, что каждый из нас держит в руках жизнь другого человека – но только одного, Чарльз, только одного.

9

Завещание

*Воплощение в жизнь нашей последней воли
зависит только от нас.*

А. Теннисон. «Из воспоминаний»

– Хелло! Хелло... коммутатор... могу я попросить соединить меня с птичкой нежною в садах... о нет, у меня и в мыслях не было издеваться над вами, дитя мое, это цитата из Уордсворта, знаете, был такой поэт?.. Да, попробуйте еще раз... благодарю вас... Это доктор Карр?.. Лорд Питер Уимзи... да-да... ага!.. ну что вы... Мы как раз собираемся реабилитировать вас и вернуть домой, увенчав лаврами и сенной... нет, я не шучу... мы пришли к заключению, что дело серьезное... Да... Мне понадобится адрес сестры Форбс... Конечно, подожду... Лутон?., ах, в Тутинге, да-да, я понял... Понимаю, она настоящая фурия, но я найду к ней подход... Огромное спасибо... приятного дня... да! забыл!., хелло!.. Я хотел спросить, она занимается акушерством? Акушерством!., буква А – акула – а-ку-шер-ством... Нет?.. Вы уверены?.. Будет весьма неприятно, если она все-таки им занимается и придет сюда... я при всем желании не смогу произвести на свет младенца... Чу, если вы уверены... Да, ясно... само собой, никому ни слова, никаких ссылок на вас... До свидания, дружище, до свидания...

Лорд Уимзи повесил трубку, жизнерадостно насвистывая, и позвал Бантера.

– Милорд?

– Как по-вашему, Бантер, какой костюм больше подошел бы для мужа, ожидающего прибавления в семье?

– Сожалею, милорд, но в последнее время я не следил за модой для будущих отцов. Я бы сказал,

милорд, что это должен быть костюм, способный внушить вашей даме бодрость и приятное расположение духа.

– К несчастью, я не знаю этой дамы. На самом деле она лишь плод моего слишком живого воображения. Однако я думаю, что наряд должен отражать радужные ожидания, довольство собой и легкое волнение.

– Я вас понял – состояние новобрачного, милорд. В таком случае я предложил бы пиджачный костюм светло-серого цвета – в елочку, милорд, – с бледно-аметистовым галстуком, носками в тон и мягкой шляпой. Котелок не рекомендую: он, конечно, отражает волнение, но скорее финансового свойства.

– Вы совершенно правы, Бантер. И я надену перчатки, которые так неосторожно испачкал вчера на Чаринг-кросс. Предполагается, что я слишком взволнован, чтобы беспокоиться о чистых перчатках.

– Прекрасно, милорд.

– Думаю, трость будет лишней...

– Конечно, вашей светлости виднее, но я бы сказал, что трость, если с ней правильно обращаться, может выразить широкую гамму переживаний...

– И снова вы правы, Бантер. Вызовите мне такси – я еду в Тутинг.

Сестра Форбс искренне сожалела, но, как бы ей ни хотелось помочь миссис Симмз-Гайторп, она не могла принимать у нее роды, ибо никогда не занималась акушерством. Она задавалась вопросом, кто направил к ней мистера Симмз-Гайторпа, введя его в заблуждение.

– Да я, знаете, не в обиде, – ответил на это мистер Симмз-Гайторп, роняя тросточку, а потом подбирая ее с широкой улыбкой на лице. – Это мисс Мергетройд, да, она – знаете, мисс Мергетройд из Лихемптона, кажется, ну конечно, она, это от нее я услышал про вас (тут он сказал чистую правду); она говорила, что вы приятнейший человек – уж извините, что повторяю эти ее замечания, вы не против? – так вот, она говорила, что вы приятнейший человек и все такое прочее, и что мне обязательно нужно обратиться к вам, понимаете? Правда, она опасалась насчет того, занимаетесь ли вы акушерством. Но я все рано решил попробовать – попытка не пытка, понимаете? – тем более что я так беспокоюсь – ну, о моей жене, понимаете? Так хорошо, когда при родильнице находится кто-нибудь помоложе и с характером помягче, ведь так? А акушерки все сплошь престарелые дамы, да еще комплекция у них, как у слонов, – вас не задевает, что я так говорю? Моя жена ужасно волнуется – это естественно, первые роды и все такое – и никак не хочет, чтобы вокруг сновали всякие старушечки, ну, вы понимаете...

Сестра Форбс, костлявая женщина лет сорока, согласно кивала, но весьма сожалела, что не может быть полезной миссис Симмз-Гайторп.

– Было весьма любезно со стороны мисс Мергетройд рекомендовать вам мою кандидатуру, – сказала она. – А вы давно с ней знакомы? Очаровательная женщина, не правда ли?

Будущий отец закивал головой.

– На мисс Мергетройд произвело большое впечатление то, как вы заботливо ухаживали за одной пожилой дамой, мисс Доусон. Кстати, она моя родственница – дальняя, правда, седьмая вода на киселе. Немного нервная, Да? Эксцентричная, как и все в нашей семье, но очень приятная, вы согласны?

– Я к ней очень привязалась, – сказала сестра Форбс. – Пока ее состояние не ухудшилось, это была приятнейшая и послушнейшая пациентка. Конечно, она очень страдала от болей, и нам большую часть времени приходилось держать ее под действием морфина.

– Ах да! Бедняга! Я иногда думаю, сестра: как жаль, что мы не можем помочь людям, которые так страдают, уйти из этой жизни безболезненно! Они ведь и так уже практически мертвы. Зачем же длить их мучения?

Сестра Форбс бросила на него пронзительный взгляд:

– Боюсь, все не так просто, хотя, конечно, понять вас можно. Но доктор Карр придерживался совсем другого мнения, – добавила она язвительным тоном.

– По-моему, весь этот шум был просто ужасен, – проникновенно сказал джентльмен. – Бедная старушка! Я тогда сразу сказал жене: почему бы им не оставить тетю Агату в покое? Что за радость резать ее, если и так ясно, что смерть была совершенно естественной! Вот и жена со мной согласилась. Она, знаете ли, очень расстроилась из-за тех событий.

– Мы все были взволнованны, – вздохнула сестра Форбс, – и я в том числе. Я попала в весьма неловкую ситуацию. Вообще-то мне не положено обсуждать такие вещи с посторонними, но раз уж вы член семьи, вы меня поймете.

– Безусловно! А вам никогда не приходило в голову, – мистер Симмз-Гайторп наклонился вперед, нервно тиская руками свою мягкую шляпу, – что там было нечто подозрительное?

Сестра Форбс поджала губы.

– Знаете, – пояснил мистер Симмз-Гайторп, – бывали такие случаи, когда доктора пытались заставить пожилых пациенток написать завещание в их пользу. Вы не думаете, что... ну...

Сестра Форбс всем своим видом постаралась показать, что думать – это не ее дело.

– О, я понимаю, вы не хотите об этом говорить... Но как мужчина мужчине – я хотел сказать, строго между нами, – не было ли каких-нибудь... ну, трений, что ли... по поводу приглашения нотариуса. Вы меня понимаете?

Конечно, кузина Мэри – я зову ее кузиной, хотя на самом деле мы даже не родственники, – я хочу сказать, она очень милая девушка и все такое, но, может, она была против того, чтобы пригласить нотариуса, чтобы тетюшка подписала завещание, а?

– Ох, мистер Симмз-Гайторп, вот тут вы точно ошибаетесь. Мисс Уиттакер как раз очень следила за тем, чтобы у мисс Доусон в любое время была возможность послать за нотариусом. На самом деле – думаю, я не раскрою большой тайны, если расскажу вам об этом, – однажды она сказала мне: «Если мисс Доусон изъявит желание повидаться с нотариусом, немедленно посылайте за ним – в любое время дня и ночи». И, конечно же, я так и поступила.

– То есть? Вы его пригласили? А он что – не пришел?

– Пришел, конечно. И очень быстро.

– Ну вот! Вечно эти сплетницы все перепутают! Простите, но до встречи с вами у меня было совершенно ложное представление обо всей этой ситуации. Я уверен, что миссис Писгуд говорила, будто за нотариусом так и не послали.

– Да что может миссис Писгуд знать об этом! – фыркнула сестра Форбс. – Можно подумать, кто-нибудь у нее спрашивал!

– Конечно, вы правы, но вы же знаете, как распространяются слухи. Так, значит, завещание было составлено; тогда почему же ему не дали ход?

– Я не говорила, что оно было составлено, мистер Симмз-Гайторп. Никакого завещания не было. Нотариус приходил, чтобы выписать доверенность – по ней мисс Уиттакер могла подписывать чеки и вообще вести дела своей тетки. В этом возникла настоятельная необходимость, поскольку состояние больной становилось все хуже.

– Да уж, я слышал, к концу рассудок у нее помутился.

– На тот момент, когда я заменила сестру Филли – это было в сентябре, – она была в здравом уме, за исключением этих ее фантазий об отравлении.

– Она правда боялась, что ее отравят?

– Она мне сказала как-то, раз или два: «Я не собираюсь умирать, чтобы доставить удовольствие другим, сестра». Она мне очень доверяла. Честно говоря, со мной ей было лучше, чем с мисс Уиттакер. Но в октябре она стала сильно сдавать и часто бредила. Бывало, подскочит на постели, будто в ужасе, и спросит: «Его уже приняли, сестра?» – именно так она говорила. А я ей: «Нет, не приняли», – и тогда она затихала. Наверное, вспоминала свое имение, приемы по праздникам. Пациенты часто вспоминают старые времена, знаете, под воздействием наркотиков. Пребывают, можно сказать, в полусне – и так большую часть времени.

– Значит, в последний месяц жизни она вряд ли могла подписать завещание, даже если бы и захотела?

– Да, думаю, с этим ей было уже не справиться.

– Но раньше, когда приходил нотариус, она ведь могла это сделать?

– Конечно, могла.

– Но не сделала?

– Нет. Я это знаю наверняка, так как безотлучно находилась при ней – она сама меня попросила.

– Ясно. Вы и мисс Уиттакер.

– Нет, мисс Уиттакер пришла позже. Я понимаю, на что вы намекаете, мистер Симмз-Гайторп, но

на самом деле вам не в чем подозревать мисс Уиттакер. Нотариус, я и мисс Доусон пробыли наедине около часа, пока клерк в соседней комнате составлял все необходимые документы. Надо было сделать все за один раз, потому что до второго визита мисс Доусон могла и недотянуть. Мисс Уиттакер пришла в самом конце. Если бы мисс Доусон захотела составить завещание, у нее были все возможности сделать это.

– Что ж, приятно слышать, – сказал мистер Симмс-Гайторп, поднимаясь. – Подобные недоразумения могут послужить причиной серьезного разлада в семье, понимаете? Ну, мне пора. Я страшно сожалею, что вы не сможете помочь нам, сестра. Уверен, жена тоже сильно расстроится. Сложно будет найти акушерку, столь же приятную, как вы. До свидания!

Усевшись в такси, лорд Уимзи снял шляпу и задумчиво потер виски.

– Еще одна отличная версия пошла прахом, – пробормотал он. – Ладно, у нашего банта есть еще один кончик – за него-то мы и потянем. Сперва Кроппер, потом Крофтон – именно в такой последовательности. Да!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ БУКВА ЗАКОНА

Лучезарный свет юриспруденции.
Сэр Эдвард Коук

10

Снова завещание

Завещание! Завещание! Сейчас будет оглашено завещание!
У. Шекспир. «Юлий Цезарь»

– О, миссис Эвелин, моя дорогая, бедняжка!

Рослая девушка в черном остановилась и огляделась вокруг.

– Боже, миссис Гулливер! До чего же я рада, что вы приехали встретить меня!

– А уж как я рада, моя дорогая, и все благодаря этим любезным джентльменам, – прорыдала миссис Гулливер, сжимая девушку в объятиях. Пассажиры, спускавшиеся по сходням, начали проявлять признаки раздражения. Старший из двух джентльменов взял расстроенную квартирохозяйку под локоть и отвел обеих в сторону.

– Бедная овечка! – убивалась миссис Гулливер. – Вам пришлось в одиночку проделать такой путь, а наша маленькая мисс Берта лежит в могиле, и про нее говорят всякие вещи, а ведь она всегда была порядочной девушкой!

– Я все время думаю о нашей несчастной маме, – сказала Эвелин. – Я места себе не находила, вот и сказала мужу: «Я поеду к ней», – а он отвечает: «Милая, и я бы поехал с тобой, да только не могу оставить ферму, но если, по-твоему, тебе надо ехать, то езжай с Богом».

– Дорогой мистер Кроппер, он всегда был таким очаровательным и добрым, – сказала миссис Гулливер. – Но что же это я – забыла представить вам этих любезных джентльменов, которые привезли меня сюда, чтобы я могла встретить вас. Знакомьтесь, лорд Питер Уимзи, а это – мистер Мерблес, его именем было подписано то злосчастное объявление, с которого все началось. Не надо было показывать его вашей сестре! То есть, я хочу сказать, этот джентльмен действовал из лучших побуждений, но тогда-то я этого не знала и поначалу подумала о нем плохо.

– Рада познакомиться, – сказала миссис Кроппер, оборачиваясь к мужчинам с живостью, которая быстро вырабатывается у служащих большого ресторана. – Прямо перед отплытием я получила от Берты письмо, а в нем как раз лежало ваше объявление. Мне бы очень хотелось узнать побольше об этом ужасном деле. Что же все-таки произошло – убийство?

– Дознание показало, что это была смерть от естественных причин, – сказал мистер Мерблес, – но мы считаем, что там есть некоторые нестыковки, и поэтому будем вам крайне признательны, если вы сможете ответить на наши вопросы по поводу этого происшествия, а также еще одного, которое может быть связано с ним.

– Конечно! – ответила миссис Кроппер. – Я уверена, что вы достойные люди, раз миссис Гулливер вас рекомендует; вы ведь никогда не ошибаетесь в людях, так, миссис Гулливер? Я расскажу вам все, что мне известно, хотя и немного знаю, и вообще теряюсь в догадках. Только мне бы не хотелось задерживаться, потому что я спешу повидаться с мамой. Она, должно быть, в ужасном состоянии, ведь она так любила Берту, и рядом с ней никого нет, кроме молоденькой служанки, но разве может

та утешить скорбящую мать, которая так внезапно лишилась дочери!

– Мы не задержим вас ни на секунду, миссис Кроппер, – сказал Мерблес. – С вашего позволения, мы собирались сопроводить вас в Лондон и по дороге задать несколько вопросов, а потом – опять же с вашего позволения – убедиться, что вы в целостности и сохранности добрались до дома миссис Гоутубед, где бы он ни находился.

– Кристчерч, близ Борнмута. – Питер Уимзи назвал адрес. – Мы отвезем вас прямо туда, так будет быстрее.

– Вы все предусмотрели! – с нескрываемым восхищением воскликнула миссис Гулливер. – Ну что, может, пойдем? Боюсь, как бы нам не пропустить поезд.

– Совершенно верно, – сказал Мерблес. – Позвольте предложить вам руку.

Миссис Кроппер любезно согласилась, и их караван двинулся в сторону станции, совершив по пути все необходимые формальности. Проходя через турникет на платформе, миссис Кроппер вдруг негромко вскрикнула и наклонилась вперед, словно заметила нечто, привлекающее ее взгляд.

– Что случилось, миссис Кроппер? – на ухо спросил ее лорд Питер. – Увидели кого-то из знакомых?

– Вы сразу все подмечаете, – шепнула миссис Кроппер. – Из вас бы вышел хороший официант – серьезно! – то есть я не имею в виду ничего обидного, сэр, для знающего человека это настоящий комплимент. Да, мне показалось, что я увидела одну знакомую, но, вероятно, я обозналась, потому что когда она поймала мой взгляд, то сразу же исчезла.

– И за кого вы ее приняли?

– Ну, она была очень похожа на мисс Уиттакер, даму, у которой мы с Бертой работали.

– А где вы ее увидели?

– Вон там, за колонной. Высокая темноволосая дама в малиновой шляпке и серых мехах. Но ее там уже нет.

– Прошу прощения.

Лорд Уимзи отпустил руку миссис Гулливер от своего локтя, ловко прицепил ее к свободному локтю мистера Мерблеса и бросился в толпу. Мерблес, нимало не смущенный его эксцентричным поведением, как пастух овец, сопровождал дам до купе первого класса, на котором красовалась большая табличка: «Зарезервировано для лорда Уимзи и сопровождающих». Миссис Кроппер попыталась протестовать, но Мерблес добродушно ответил, что за купе уже заплачено и что только так можно было гарантировать необходимую конфиденциальность.

– Ваш друг рискует опоздать, – сказала миссис Кроппер, когда поезд тронулся.

– Это крайне маловероятно, – ответил Мерблес, хладнокровно разворачивая дорожный плед и меняя старомодный цилиндр на невероятную дорожную шапку с ушами. Миссис Кроппер, хотя и была до крайности взволнована, не могла не спросить себя о том, где ему удалось отхватить эту реликвию викторианской эпохи. Она не знала, что шляпы для мистера Мерблеса шьет очень и очень дорогой мастер из Вест-Энда, питающий к своему клиенту глубочайшее уважение за его приверженность традициям.

Около четверти часа от лорда Уимзи не поступало никаких вестей, однако внезапно он сам сунул голову в дверь купе и с очаровательной улыбкой провозгласил:

– Одна рыжеволосая женщина в малиновой шляпке; три темноволосых женщины в черных шляпках; несколько женщин с неопределенным цветом волос в серых шляпках; пожилые дамы с седыми волосами – во множестве; шестнадцать девиц без шляпок – я имею в виду, шляпки висели у них за спиной на шнурках, – но ни одной малиновой; две невесты в синих шляпках; бесчисленное множество светловолосых женщин в шляпках всех цветов; одна пепельная блондинка в форме медсестры – но, как я понимаю, интересующей нас дамы среди них не было. Тем не менее, я прошелся по поезду – хотел лишний раз убедиться. Обнаружилась одна кандидатура; я решил, что, может быть, миссис Кроппер согласится прогуляться со мной по коридору и взглянуть на нее.

Эвелин, слегка удивившись, дала свое согласие.

– Вот и хорошо. Я вам потом все объясню. В четырех купе от нас. Да, миссис Кроппер, если это в самом деле та женщина, то лучше бы ей вас не видеть. Идите следом за мной и поднимите воротник, так чтобы он скрывал ваше лицо. Когда мы подойдем к нужному купе, я вас прикрою, договорились?

Маневр удался – лорд Уимзи остановился напротив указанного купе, чтобы прикурить сигарету, а тем временем миссис Кроппер получила возможность взглянуть на женщину без шляпки из-за его

поднятых локтей. Эффект был обескураживающим. Миссис Кроппер никогда не видела ее раньше, и дальнейший променад из одного конца поезда в другой также не дал никаких результатов.

– Что ж, остается положиться на Бантера, – жизнерадостно объявил Питер, когда они вернулись на свои места. – Думаю, он на верном пути. А сейчас, миссис Кроппер, перейдем к более важным делам. Прежде всего мы будем рады услышать любые соображения, которые могли возникнуть у вас по поводу смерти вашей сестры. Мы не хотим вас пугать, но не исключено, что ее кончина была отнюдь не случайной.

– Я хотела сказать только одну вещь, сэръ – или милорд, так вас надо называть? Берта была порядочной девушкой – это я могу утверждать совершенно точно. У нее никак не могло быть каких-нибудь недостойных дел с ее женихом, ничего подобного! Я знаю, люди порой говорят разное, и, возможно, многие девушки этого заслуживают, так что тут нечему удивляться. Но, поверьте мне, Берта не допустила бы ничего предосудительного. Может, вы захотите прочитать письмо, которое я от нее получила? Мне кажется, только порядочная и честная девушка, связывающая все свои надежды со счастливым браком, могла написать такое. Разве девушка, которая пишет так, могла завести шашни с посторонним мужчиной? Я просто в ужас прихожу, когда думаю, что про нее сочиняют!

Лорд Уимзи взял письмо, пробежал его глазами и учтиво передал Мерблесу.

– Мы ничего такого не думаем, миссис Кроппер, хотя, конечно, ваша точка зрения для нас представляет большую ценность. А как вы считаете: могла ваша сестра – как бы это сказать? – поверить какой-нибудь женщине, рассказавшей ей слезливую историю, или что-то в этом роде, и – ну... – оказаться в положении, которое ее сильно бы шокировало? Имела ли она представление о том, с чем можно столкнуться порой в Лондоне и все такое?

Тут он вкратце обрисовал версию Паркера о знакомстве с миссис Форрест и предполагаемом ужине в ее квартире.

– Ах, милорд, я бы не сказала, что Берта была очень сообразительной – уж точно не такой сообразительной, как я. Она была доверчива, это да, привыкла верить людям на слово. Это у нее от отца, наверное. Я-то больше похожа на маму, мне всегда это говорили, и просто так никому не поверю. Но я всегда предупреждала Берту о женщинах, которые заговаривают с девушками на улице, и она обещала быть настороже.

– Конечно, – согласился Питер, – но что, если к вашей сестре подошла какая-нибудь дама, которую она знала – по ресторану, например, – и Берта решила, что не случится ничего страшного, если она зайдет к ней в гости? А может, эта дама предложила ей поступить на службу? Как вы думаете?

– Думаю, если бы такой разговор состоялся, она упомянула бы о нем в своем письме, милорд. Она всегда подробно описывала мне всех своих клиентов. И я не думаю, что она захотела бы снова поступить в горничные. С нас хватило предыдущего раза, в Лихемптоне.

– О да. Тут мы подходим ко второму вопросу, который хотели задать вашей сестре, не помешай нам ее смерть. Вы находились на службе у мисс Уиттакер, которую мы только что упоминали. Не могли бы вы сообщить нам точную причину, по которой вас уволили? Это было хорошее место, не так ли?

– Да, милорд, неплохое, хотя, конечно, у нас там не было такой свободы, как в ресторане. И, само собой, с пожилой леди, мисс Доусон, было немало хлопот. Не то чтобы мы были недовольны – она была очень добрая, приятная женщина и довольно щедрая.

– Но когда ей стало совсем худо, мисс Уиттакер взяла все в свои руки, так?

– Да, милорд; но все равно, работа была нетрудная – многие девушки только мечтают о такой. Разве что нам было тяжело найти общий язык с мисс Уиттакер.

– Особенно насчет китайского фарфора, не так ли?

– О, вы и об этом знаете?

– Я рассказала им, дорогуша, – вставила миссис Гулливер, – про фарфоровый чайник и про то, как вы уехали оттуда и решили обосноваться в Лондоне.

– И мы очень удивились, – добавил Мерблес, – потому что, как нам казалось, мисс Уиттакер поступила опрометчиво, когда уволила таких умелых, и если позволите, воспитанных и учтивых девушек под столь тривиальным предлогом.

– Тут вы правы, сэръ. Берта – я говорила, она у нас чересчур доверчивая – была готова поверить, что

нас уволили по ее вине, и считала, что со стороны мисс Уиттакер было очень любезно простить ей разбитый фарфор и помочь нам с отъездом в Лондон, но я всегда чувствовала, что у нее были какие-то скрытые мотивы. Правда, миссис Гулливер?

– Правда, моя кошечка; какие-то скрытые мотивы, вы так мне и сказали, и я с вами полностью согласна.

– А вы, – продолжил Мерблес, – случайно не связали ваше внезапное увольнение с каким-нибудь событием в доме мисс Уиттакер?

– Вообще-то связала, – храбро заявила миссис Кроппер. – Я сказала Берте – хотя она меня и слушать не хотела, вся в отца, я уже говорила, – так вот, я сказала: «Помяни мое слово, мисс Уиттакер не захочет, чтобы мы находились в доме после той ссоры, которая вышла у нее с пожилой леди».

– А что это была за ссора? – быстро спросил Мерблес.

– Видите ли, я не уверена, что имею право рассказывать вам об этом, поскольку мы дали обещание никому не говорить.

– Конечно, – начал Мерблес, бросая короткий взгляд на Уимзи, готового взорваться от нетерпения, – это решать вам. Однако если вы позволите, я хотел бы сказать, строго между нами, что эта информация может оказаться крайне полезной – не стану вдаваться в подробности почему – для расследования некоторых особых обстоятельств, попавших в поле нашего зрения. И, кроме того, есть вероятность – снова не стану вдаваться в подробности какая, – что она поможет пролить свет на события, которые привели к смерти вашей сестры. Сверх этого я пока ничего не могу вам сказать.

– Ну, – сказала миссис Кроппер, – раз так – хотя я, простите, и не вижу, какая тут может быть связь, – мне, наверное, лучше выложить все как на духу, если пользоваться выражением моего мужа. В конце концов, я обещала, что не буду рассказывать об этом людям в Лихемптоне, потому что они сделали бы неправильные выводы: сами понимаете, сплетни там распространяются очень быстро.

– Мы не имеем никакого отношения к Лихемптон, – заверил женщину лорд Уимзи, – и эта информация не пойдет дальше нас – разве что в случае крайней необходимости.

– Хорошо. Я вам все расскажу. В один сентябрьский день, утром, мисс Уиттакер подходит к нам с Бертой и говорит: «Я хочу, чтобы вы поднялись наверх и встали на площадке у спальни мисс Доусон. Вы можете понадобиться для того, чтобы засвидетельствовать ее подпись на одном документе».

И дальше: «Нам нужно два свидетеля, и вы должны видеть, как она ставит свою подпись; но я не хочу, чтобы у нее в спальне толкалось слишком много людей, поэтому вы будете стоять за дверью, а когда я подам вам знак, вы потихоньку войдете и посмотрите, как она подпишет бумагу. Потом я передам документ вам и вы напишете свои имена там, где я покажу. Это просто, – говорит, – всего-то и нужно: написать ваши имена напротив слова «свидетели»».

Берта у нас всегда была робкая – боялась подписывать любые документы и всего такого, – так что попробовала отказаться. Она спросила: «Может, вместо меня подпишет сиделка?» Имелась в виду сестра Филлитер – та, рыженькая, невеста доктора. Милая девушка, мы ее очень любили. «Сестра ушла на прогулку, – отвечает мисс Уиттакер, резко так, – и вообще, я прошу, чтобы это сделали вы с Эвелин», – со мной то есть. Ну, мы сказали, что не против, и мисс Уиттакер поднялась к мисс Доусон с целой кипой бумаг, а мы с Бертой пошли за ней и стали ждать на лестничной площадке, как нам и было сказано.

– Минутку, – сказал Мерблес, – а мисс Доусон часто подписывала документы?

– Да, сэр, довольно часто, но обычно их свидетельствовали мисс Уиттакер или медсестра. Договора аренды, нечто в этом роде. У мисс Доусон была еще какая-то недвижимость. Потом чеки за домашние расходы и всякие документы из банка.

– Проценты по ценным бумагам, я думаю, – предположил Мерблес.

– Вполне возможно, сэр. Я в этом не разбираюсь. До этого я один раз была свидетелем, давным-давно, но тогда мне принесли бумагу, на которой уже стояла подпись.

– Я полагаю, на тот момент мисс Доусон еще сама вела свои дела?

– На тот момент да, сэр. Потом она передала все мисс Уиттакер – незадолго до того, как она почувствовала себя хуже, и ей начали постоянно вводить обезболивающее. После этого все чеки подписывала ее племянница.

– Доверенность, – кивнул Мерблес. – Итак, вы подписали этот загадочный документ?

– Нет, сэр. Я расскажу, что там произошло. Мы с Бертой немного подождали, а потом мисс

Уиттакер подошла к двери и сделала нам знак осторожно войти в спальню. Мы вошли и остановились сразу за дверью. У изголовья кровати стояла ширма, поэтому ни мы не видели мисс Доусон, ни она нас, но мы могли наблюдать за ее отражением в большом зеркале, которое висело слева от постели.

Мерблес с Питером обменялись многозначительными взглядами.

– Теперь постарайтесь сообщить нам все, что помните, в мельчайших деталях, – попросил Уимзи, – пусть даже они кажутся вам глупыми. Это весьма важно.

– Да, милорд. Итак, в спальне все было как обычно, за исключением того, что прямо за дверью, слева, оказался маленький столик, на который сиделка обычно ставила подносы и другие вещи. Их нужно было куда-то поставить... Так вот, тогда на нем был письменный прибор и промокательная бумага, чтобы мы могли расписаться на документе.

– А мисс Доусон могла видеть этот столик? – поинтересовался Мерблес.

– Нет, сэр, его закрывала ширма.

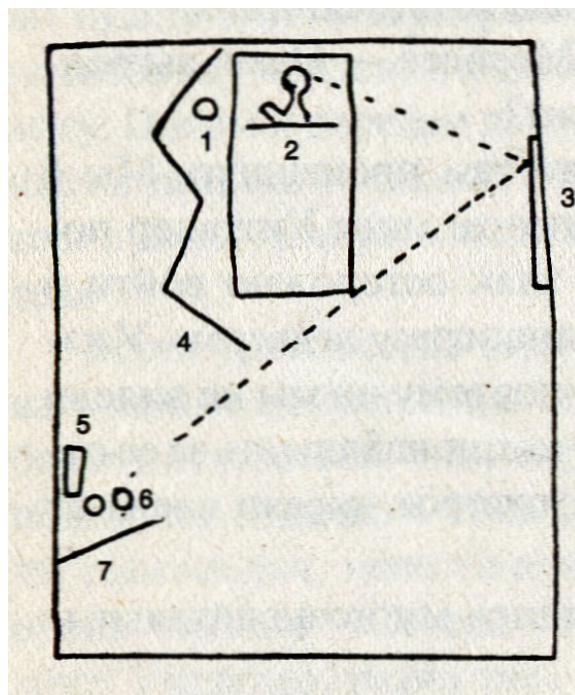
– Но он стоял внутри комнаты?

– Да, сэр.

– Нам надо четко представлять себе план спальни. Вы не могли бы – вчерне – набросать его, указав, где располагались кровать, ширма, зеркало и так далее?

– Вообще-то я совсем не умею рисовать, – засмушалась миссис Кроппер, – но, пожалуй, попробую.

Мерблес извлек из недр своего саквояжа блокнот и авторучку, и после нескольких фальстартов миссис Кроппер изобразила следующую схему.

- 1 – мисс У.
- 2 – мисс Доусон в постели
- 3 – зеркало
- 4 – ширма
- 5 – столик с письменным прибором
- 6 – свидетельницы
- 7 – дверь

– Рисунок вполне доходчивый, благодарю вас. Вы заметили, Питер, как тщательно все было организовано, чтобы документ был подписан в присутствии свидетелей, а подпись засвидетельствована в присутствии мисс Доусон? Не думаю, что должен напоминать вам, в каких

случаях требуется столь строгое соблюдение формальностей.

– А в каких, сэр? Мы никак не могли понять, зачем такие сложности?

– Дело в том, – начал объяснять Мерблес, – что, если бы этот документ был оспорен, вас с сестрой пригласили бы в суд, чтобы вы подтвердили факт его подписания. Там вас могли спросить: видели ли вы, как мисс Доусон подписывала его, и находились ли вы, ваша сестра и мисс Доусон в одном помещении в тот момент, когда вы засвидетельствовали ее подпись? И вы имели бы полное право ответить утвердительно и поклясться под присягой, не так ли?

– О да!

– При этом сама мисс Доусон так и не узнала бы, что вы находились в комнате.

– Нет, сэр.

– Что и требовалось доказать.

– Сейчас я понимаю, но тогда мы с Бертой никак не могли взять в толк, зачем это понадобилось.

– Но вы сказали, что документ так и не был подписан?

– Нет, сэр. Нам так и не пришлось ничего засвидетельствовать. Мы видели, как мисс Доусон подписала – по крайней мере, нам так показалось – два или три документа, а потом мисс Уиттакер положила перед ней еще какие-то бумаги и говорит: «Тут еще, тетя, снова декларации о подоходном налоге». А тетка ей отвечает: «Какие именно, дорогая? Дай-ка мне взглянуть». А мисс Уиттакер говорит: «Да обыкновенные, как всегда». А мисс Доусон ей: «Бог мой, сколько их тут! До чего все стало сложно». Тут мы увидели, что мисс Уиттакер протянула ей еще документы, они лежали стопкой, и из них выглядывали только края, где надо было поставить подпись. Тогда мисс Доусон подписала верхний, а потом приподняла его и стала читать следующий. Тут мисс Уиттакер говорит: «Они все одинаковые», – как будто хотела побыстрее с этим разделаться. Но мисс Доусон забрала эти бумаги у нее из рук и начала их просматривать, а потом вдруг ахнула и давай кричать: «Я не буду подписывать! Не буду! Я еще не умираю! Дрянная девчонка, как ты осмелилась? Не могла дождаться, пока я умру! Хочешь свести меня в могилу раньше времени?! Разве ты еще не получила всего, чего хотела?»

А мисс Уиттакер отвечает: «Тише, тетя, давайте объяснить...» Но старая леди на это: «Нечего объяснять, я и слышать об этом не желаю. Мне даже мысль эта противна. Оставь меня в покое. Мне никогда не станет лучше, если ты будешь так меня пугать». И так далее, и тому подобное... Тогда мисс Уиттакер, вся бледная, подошла к нам и говорит: «Идите, девушки, тете стало плохо, и она не может сейчас заниматься делами. Я дам знать, если вы понадобится». Я спросила: «Может, нужно помочь вам с ней, мисс?» А она мне: «Нет, все в порядке. Просто у нее снова боли. Я сделаю ей укол, и она придет в себя». И она вытолкала нас из комнаты и захлопнула дверь, а мы слышали, как мисс Доусон стала рыдать, да так, что у нас сердце разрывалось. Мы спустились вниз, и тут как раз вернулась сиделка. Мы ей сказали, что мисс Доусон стало плохо, и она бросилась наверх, прямо как была, в пальто. Потом мы сидели на кухне, и тут спускается мисс Уиттакер и говорит: «Все хорошо, тетя спит, а наше дело мы отложим на другой день». А потом добавила: «Вам лучше никому не рассказывать об этом, потому что, когда у тети боли, она пугается и становится немного странной. Она не имела в виду того, что говорила, но если люди узнают, они могут сделать неправильные выводы». Тогда я встала и сказала: «Мисс Уиттакер, мы с Бертой не какие-нибудь сплетницы», – строго так сказала, потому что ненавижу сплетни и всегда ненавидела. А мисс Уиттакер ответила: «Ну и хорошо».

А на следующий день она дала нам выходной и подарила каждой по десять шиллингов, потому что это был день рождения ее тетки, и та хотела, чтобы мы повеселились.

– Прекрасный рассказ, миссис Кроппер! Хотел бы я, чтобы все свидетели были столь же наблюдательны, как и вы. Один вопрос: вам так и не удалось увидеть тот документ, который привел мисс Доусон в расстройство?

– Нет, сэр, только на расстоянии, в зеркале. Мне показалось, он был очень короткий – пара строк на печатной машинке.

– Ясно. А в доме была машинка?

– О да, сэр. Мисс Уиттакер часто ею пользовалась – печатала деловые письма и все в этом роде. Она стояла в гостиной.

– Так. Кстати, а вы не помните, не было ли вскоре после этого звонков от нотариуса мисс Доусон?

– Нет, сэр. Вскоре после того случая Берта нечаянно разбила чайник, и нас уволили. Мисс Уиттакер сказала, что Берта должна уйти через месяц, но я ответила «нет». Если уж мою сестру, порядочную, трудолюбивую девушку, увольняют за такую крошечную провинность, то она уйдет в этот же день и я вместе с ней. Мисс Уиттакер сказала: «Как вам будет угодно», – она никогда не была многословна. Поэтому в тот же день, после обеда, мы уехали. Но потом мисс Уиттакер, наверное, раскаялась и приехала повидаться с нами в Кристчерч. Она предложила нам попытать счастья в Лондоне. Берта побавалась ехать так далеко – вся в отца, я уже говорила, – но мама, она у нас всегда была решительной, говорит: «Если эта леди так добра, что помогает вам, почему бы не поехать? В Лондоне у девушки куда больше возможностей». А потом, когда мы с Бертой были вдвоем, я ей говорю: «Помяни мое слово, мисс Уиттакер хочет избавиться от нас. Боится, что мы расскажем, как мисс Доусон кричала на нее в то утро. Но, – говорю, – если она хочет оплатить нам дорогу, почему бы не согласиться? В наши дни девушки должны сами заботиться о себе, да и мисс Уиттакер даст нам самую лучшую характеристику, только чтобы мы уехали. И вообще, – говорю, – если нам там не понравится, мы всегда можем вернуться домой». И вот мы приехали в Лондон и вскоре получили работу в ресторане, потому что мисс Уиттакер действительно дала нам отличную характеристику. И там я встретила моего мужа, а Берта – своего Джима. Так что мы никогда не жалели, что воспользовались случаем – до тех пор, пока не случилось этого несчастья с Бертой. – И Эвелин расплакалась.

Глубокий интерес, с которым слушатели внимали сольному выступлению миссис Кроппер, должен был польстить ее самолюбию. Мерблес потирал руки с сухим шелестящим звуком, похожим на тот, который производит змея, скользя по траве в поисках жертвы.

– Похоже, рассказ пришелся вам по сердцу, Мерблес, – сказал Питер, бросая в его сторону взгляд из-под опущенных ресниц, а затем снова обратился к миссис Кроппер:

– Вы больше никому не рассказывали эту историю?

– Нет – и не рассказала бы, если бы не...

– Я знаю. Позвольте дать вам совет, миссис Кроппер: не говорите об этом больше никому. У подобных историй есть неприятное свойство: они могут быть опасными. Прошу, не считите за дерзость, но у меня к вам вопрос: каковы ваши планы на следующую неделю?

– Поеду к маме и попробую уговорить ее отправиться со мной в Канаду. Я хотела, чтобы она поехала с нами, когда я только вышла замуж, но она не могла оставить Берту. Берта всегда была маминной любимицей – пошла в отца, видите ли. Мы же с мамой слишком похожи между собой, чтобы хорошо ужиться вместе. Но сейчас, когда у нее никого больше не осталось, я не могу бросить ее одну, поэтому, думаю, она согласится поехать со мной. Конечно, для пожилой дамы путешествие нелегкое, но все-таки кровь – не вода. Муж сказал: «Привози ее к нам, дорогая, деньги я найду». Он очень хороший человек, мой муж.

– Прекрасный план, – заметил лорд Уимзи, – и, если позволите, я отправлю одного своего друга, чтобы он сопровождал вас в поезде и усадил на корабль. Вам не стоит надолго задерживаться в Англии. Простите, что я вмешиваюсь, но, честно говоря, в любом другом месте вы будете в большей безопасности.

– Вы же не думаете, что Берту...

Ее глаза расширились от ужаса.

– Мне бы не хотелось делиться своими соображениями, потому что я пока ни в чем не уверен. Но я не позволю, чтобы вам и вашей маме угрожала опасность.

– А Берта? Я могу чем-нибудь помочь?

– Вы можете посетить Скотленд-Ярд и рассказать моим друзьям то, что рассказали мне. Их это наверняка заинтересует.

– Они могут что-нибудь предпринять?

– Конечно, если мы сможем доказать, что имело место убийство, то полиция сделает все возможное, чтобы поймать преступника. Загвоздка в том, то смерть вашей сестры выглядела совершенно естественной.

– В сегодняшней газете, – вступил Мерблес, – написано, что, по заключению шефа местной полиции, мисс Гоутубед приехала в лес одна, на пикник, и скончалась от сердечного приступа.

– Большого я от него и не ожидал, – сказал Уимзи. – Вскрытие показало, что незадолго до смерти

она как следует подкрепилась – уж простите за эти печальные подробности, миссис Кроппер, – так с какой стати ей понадобился пикник?

– Думаю, на эту мысль их навели сэндвичи и бутылка вина, – мягко ответил Мерблес.

– Ну конечно. То есть она явилась в лес одна, с бутылкой «Басса» и пальцами вытащила из нее пробку. Никогда не пробовали вытащить пробку пальцами, Мерблес? Нет? Так вот, только когда они найдут штопор, я поверю, что она действительно была одна. Думаю, в газетах появится еще пара-тройка подобных версий. Это делается специально, чтобы потенциальным преступникам негде было черпать вдохновение – честное слово!

11

На распутье

Терпенье – и тасуйте карты.

Дон Квиксот

Лорд Питер проводил миссис Кроппер в Кристчерч и вернулся домой, чтобы посоветоваться с Паркером. Чарльз как раз выслушивал его отчет о рассказе миссис Кроппер, когда негромкий стук входной двери возвестил о приходе Бантера.

– Ну как? – осведомился Уимзи.

– С безграничным сожалением должен сообщить вашей светлости, что я потерял следы той дамы. Говоря напрямую, если ваша светлость извинит мне это выражение, меня обвели вокруг пальца.

– Слава богу, Бантер, вы, оказывается, тоже человек! Я-то думал, никто не может вас провести. Налейте себе виски.

– Весьма признателен, милорд. В соответствии с полученными указаниями я стал искать на платформе даму в малиновой шляпке и серых мехах и увидел ее возле книжного киоска. Она находилась на некотором расстоянии от меня и направлялась к выходу, но за ней было легко следить из-за малиновой шляпки, поэтому, как сказал поэт, «сиянье указало мне дорогу».

– Чудесное сравнение.

– Благодарю, милорд. Дама вошла в здание отеля, у которого, как вы знаете, имеются два выхода: один со стороны порта, а другой – с улицы. Я поспешил за ней, боясь, что она ускользнет, и, когда проходил через вращающиеся двери, успел заметить, как она вошла в дамскую комнату.

– Куда, будучи человеком скромным, вы за ней последовать не могли. Я понимаю.

– Совершенно верно, милорд. Я присел на скамью, так, чтобы иметь возможность незаметно наблюдать за дверьми дамской комнаты.

– Но слишком поздно обнаружили, что у нее два выхода, так? Очень некстати.

– Нет, милорд. Дело не в этом. Я просидел там с три четверти часа, но малиновая шляпка так и не появилась. Милорд должен помнить, что я не видел даму в лицо.

Лорд Питер застонал:

– Предвижу конец этой истории, Бантер. Вы не виноваты. Продолжайте.

– По истечении этого времени, милорд, я вынужден был прийти к выводу, что либо даме стало плохо, либо случилось нечто непредвиденное. Я заметил служашую, проходившую по залу, и сообщил ей, что мне поручено передать сообщение леди, наряд которой я ей описал. Я попросил ее узнать у горничной в дамской комнате, нет ли там этой леди. Служащая зашла туда, а по выходе сообщила, что указанная леди переделалась в гардеробной и покинула дамскую комнату еще полчаса назад.

– Ах, Бантер, Бантер! А вы не заметили чемодана, когда она выходила?

– Прошу прощения, милорд, но несколькими часами раньше леди заглянула в дамскую комнату и оставила там, под присмотром горничной, небольшой чемоданчик. По возвращении она сняла малиновую шляпку и меха, положила их в чемоданчик, надела черную фетровую шапочку и легкий

плащ, которые лежали наготове в чемодане. Поэтому, когда она выходила, ее платье было скрыто под плащом, а в руках находился чемоданчик, в то время как я видел ее с пустыми руками.

– Что за женщина! Она все предусмотрела!

– Я немедленно начал наводить справки, милорд, в окрестностях отеля, но безрезультатно. Черная шапочка и плащ не привлекают особого внимания, поэтому никто не мог с определенностью сказать, что видел ее. Я пошел на центральную станцию, чтобы узнать, не уехала ли она поездом. Несколько женщин, подходящих под мое описание, брали билеты в разных направлениях, но точных сведений я не получил. Я обошел все гаражи в Ливерпуле, но тоже безуспешно. Глубоко сожалею, что подвел вашу светлость.

– Ничего не поделаешь. Вы сделали все, что могли. Не падайте духом. Вы, наверное, до смерти устали. Возьмите выходной и ступайте отсыпаться.

– Весьма признателен, милорд, но я отлично выспался в поезде по дороге обратно.

– Ну, как хотите. Я уж было решил, что и вы, как все люди, иногда устаете.

Бантер одарил лорда загадочной улыбкой и удалился.

– Кое-что нам все-таки удалось узнать, – сказал Паркер. – Мы знаем, что мисс Уиттакер есть что скрывать, раз она предпринимает такие меры предосторожности, чтобы скрыться от преследования.

– И даже более того. Мы знаем, что она горела желанием встретиться с миссис Кроппер первой – очевидно, чтобы заткнуть ей рот подкупом, если не способом похуже. Кстати, а откуда она узнала, что миссис Кроппер приплывает этим пароходом?

– Миссис Кроппер сообщала о своем прибытии телеграммой, которую обнародовали в ходе дознания.

– Чертово дознание! Выдали кучу информации, а что получили? Ноль!

– Да уж, – с нажимом сказал Паркер, – и это в придачу к тому, что нам пришлось выслушивать морализаторство коронера насчет вреда джаза и аморального поведения современных девушек, которые соглашаются проводить время наедине с юношами в Эппингском лесу.

– Жаль, что его, как лицо официальное, нельзя привлечь к суду за клевету. Ну да ладно. Интересно, куда же все-таки подевалась наша мисс Уиттакер?

– Если это действительно была мисс Уиттакер. В конце концов, миссис Кроппер могла и ошибиться. Многие люди переодеваются в гардеробных и без всяких преступных намерений.

– Само собой. Мисс Уиттакер предположительно находится сейчас где-то в провинции, вместе с мисс Файндлейтер, не так ли? Нашей бесценной мисс Климпсон придется как следует порасспросить эту последнюю по их возвращении. А что вы думаете о рассказе миссис Кроппер?

– Тут все ясно. Мисс Уиттакер обманом пыталась заставить тетку подписать завещание. Она всучила ей его вместе с налоговыми декларациями, надеясь, что та поставит свою подпись не читая. Это могло быть именно завещание, потому что, насколько мне известно, только оно считается недействительным, если не было засвидетельствовано двумя лицами в присутствии завещательницы и друг друга.

– Совершенно верно. А раз мисс Уиттакер не могла сама быть свидетельницей и пригласила горничных, мы можем сделать вывод, что завещание было в ее пользу.

– Очевидно, да. Она не стала бы пускаться в такую авантюру, чтобы самой лишить себя наследства.

– Но тут перед нами встает другая проблема. Мисс Уиттакер, как единственная родственница покойной, в любом случае наследовала и деньги и недвижимость. В действительности так оно и вышло. Зачем тогда эта чехарда с завещанием?

– Возможно, как я уже говорил ранее, она боялась, что мисс Доусон передумает, и хотела, чтобы та подписала завещание... нет, не получается.

– Не получается – потому что в любом случае каждое последующее завещание автоматически аннулирует предыдущее. Кроме того, через некоторое время мисс Доусон послала за нотариусом, а мисс Уиттакер никоим образом не пыталась ей помешать.

– По словам сестры Форбс, она предприняла все меры для того, чтобы у ее тетки была такая возможность.

– С учетом того, что мисс Доусон сильно разозлилась на племянницу, немного удивительно, что старая леди не завещала деньги кому-то другому. Тогда для мисс Уиттакер стало бы выгодно, чтобы

она прожила как можно дольше.

– Не думаю, что тетка так уж сильно разочаровалась в ней – по крайней мере не до такой степени, чтобы лишиться ее наследства. Она пришла в ярость и наговорила лишнего, не имея этого в виду – так бывает со всеми.

– Да, но она, очевидно, предполагала, что племянница еще предпримет попытки подсунуть ей завещание.

– Почему вы так решили?

– Вспомните о доверенности. Старушка явно поразмыслила и решила дать Мэри Уиттакер возможность самой подписывать все бумаги, чтобы обезопасить себя от подобных подлогов в будущем.

– Ну конечно! Какая предусмотрительность! И какая неприятность для мисс Уиттакер. А потом этот визит нотариуса – и снова разочарование. Вместо долгожданного завещания – палка, предусмотрительно засунутая ей в колеса.

– Да. Но нам по-прежнему неизвестно, зачем вообще понадобилось завещание.

– И то правда.

Джентльмены потянулись за трубками, и несколько минут в комнате царил молчание.

– Тетка собиралась все оставить Мэри Уиттакер, это ясно, – заметил наконец Паркер. – Она все время об этом говорила, и потом, мне кажется, ей хотелось восстановить справедливость. Ведь на самом деле она получила эти деньги через голову преподобного Чарльза Уиттакера – или как там его звали.

– Верно. Остается единственная причина, которая могла бы помешать Мэри Уиттакер унаследовать ее состояние, и это – о черт! Ну конечно! Старая история, столь любимая нашими писателями, – пропавший наследник!

– Бог мой, вы совершенно правы! И как только мы раньше не догадались! Вероятно, Мэри Уиттакер стало известно, что у мисс Доусон есть еще один родственник – более близкий, который и заграбастает все денежки. Может, она боялась, что тетка узнает об этом и лишит ее наследства или разделит его между ними. Она пробовала поторопить мисс Доусон с завещанием, но, поскольку та сопротивлялась, решила обманом заставить ее подписать духовную в свою пользу.

– Это вы здорово придумали, Чарльз. Или – смотрите – мисс Доусон, старая хитрюга, могла знать о другом наследнике, и чтобы отомстить мисс Уиттакер за ее обман, собралась умереть, не оформляя завещания, чтобы состояние отошло к нему.

– Если это правда, то она заслуживала того, что с ней случилось, – мрачным тоном произнес Паркер. – После того как она заставила несчастную девушку бросить работу и жить с ней, обещав ей наследство...

– Девушка должна была знать, что корысть – это грех, – парировал Уимзи с жизнерадостной самоуверенностью человека, никогда в жизни не сталкивавшегося с нуждой.

– Но если ваша теория верна, – сказал Паркер, – она идет вразрез с предположением об убийстве, вы не находите? Потому что Мэри в этом случае должна была изо всех сил стараться продлить жизнь тетке, надеясь, что та все-таки подпишет завещание.

– Тут вы правы. Черт побери, Чарльз! Похоже, денежки, которые я поставил, того и гляди уплывут у меня из рук. И какой удар для нашего друга Карра! Я-то надеялся отомстить за него и под звуки деревенского оркестра вернуть в родные пенаты, где в его честь построят триумфальную арку с надписью «Добро пожаловать домой, поборник истины!» из разноцветных электрических лампочек. Ну да ладно. Лучше уж лишиться своей ставки, но увидеть свет, чем осыпанным золотом блуждать во тьме. Стойте! А почему Карр не может быть прав? Может, я просто неверно выбрал убийцу? Ага! Похоже, у нас появляется новый, наводящий ужас персонаж – еще один наследник, предупрежденный своими приспешниками...

– Какими приспешниками? – поинтересовался Паркер.

– О, Чарльз, не будьте таким занудой! Да хотя бы сестрой Форбс. Может, он ей приплачивал за информацию. На чем я остановился? Как не совестно перебивать!

– Предупрежденный своими приспешниками... – напомнил Паркер.

– Ах, да – предупрежденный своими приспешниками о том, что к мисс Доусон зачастили нотариусы и что ее к подталкивают подписать завещание, мог руками этих же приспешников

прикончить ее, прежде чем старая леди успела оформить свою последнюю волю.

– Да, но как?

– Ну, может, каким-нибудь растительным ядом, который быстро разлагается и не обнаруживается при вскрытии. Как в детективах. Не удивлюсь, если так все и было.

– Тогда почему этот гипотетический наследник до сих пор не объявился?

– Тянет время. Шум вокруг смерти мисс Доусон напугал его, вот он и решил залечь на дно и переждать бурю.

– Но ему было бы проще претендовать на наследство, пока мисс Уиттакер еще не вступила в свои права. Сейчас это сделать куда сложнее, вы же знаете.

– Знаю. Но, думаю, он будет утверждать, что находился где-нибудь на краю земли и не знал о смерти мисс Доусон. Прочел о ней две недели назад, на обрывке газеты, в которую была завернута консервная банка, и помчался домой, бросив свою ферму в далеком Тинг-Минг-Джонге, чтобы порадовать родных возвращением давно забытого кузена Тома... Похоже на роман Вальтера Скотта.

Лорд Уимзи сунул руку в карман и достал оттуда письмо.

– Оно пришло сегодня утром, как раз когда я собирался уходить. На пороге мы столкнулись с Фредди Арбатнотом, и я затолкал письмо в карман, не успев как следует прочитать. Кажется, там как раз говорилось о кузене Таким-то из одного Богом забытого места...

Он развернул письмо, написанное старомодным округлым почерком мисс Климпсон и пестрящее таким количеством подчеркиваний и восклицательных знаков, что оно больше походило на ноты.

– Ничего себе! – воскликнул Паркер.

– Да, на сей раз хуже, чем обычно, – наверное, что-то очень важное. К счастью, письмо относительно короткое.

Мой дорогой лорд Питер! Сегодня утром я услышала нечто, что могло бы быть Вам полезно, поэтому спешу сообщить Вам об этом!!! Если Вы помните, ранее я упоминала о том, что служанка миссис Бадж приходится сестрой нынешней служанке мисс Уиттакер. Так вот!!! Тетка этих двух девушек приходила с визитом к служанке миссис Бадж и была представлена мне – конечно, как постоялица миссис Бадж я вызываю большой интерес в здешнем обществе, и, памятуя о ваших указаниях, стараюсь поддерживать этот интерес к своей особе, чего при других обстоятельствах ни за что бы не стала делать!!!

Похоже, что тетка находится в прекрасных отношениях с бывшей домоправительницей мисс Доусон – работавшей в доме до прихода тех девушек, Гоутубед.

Тетка – «достопочтенная» особа в самом неприятном смысле этого слова: она носит чепец (!) и показала мне весьма озлобленной и придиричливой. Тем не менее, мы разговорились о смерти мисс Доусон, и эта тетка – ее фамилия Тимминз – поджала губы и сказала: «То, что скандал случился именно в этой семье, меня нисколько не удивляет: от них и не такого можно ожидать, мисс Климпсон. У них были крайне нежелательные знакомства! Помните, миссис Бадж, как мне пришлось уволиться после визита того отвратительного человека, объявившего себя кузеном мисс Доусон?» Конечно, я спросила, что это был за человек, ведь раньше мне не приходилось слышать ни о каких других родственниках. Она ответила, что человек – по ее словам, мерзкий, грязный ниггер (!!!) – пришел в дом как-то утром, в одежде священника!!! и отправил ее – мисс Тимминз – объявить мисс Доусон, что прибыл ее кузен Аллилуйя. Мисс Тимминз провела его – против ее воли, как она сказала – в очаровательную, тщательно прибранную гостиную! Мисс Доусон, по ее словам, вместо того чтобы распорядиться выгнать это «существо» из своего дома, сошла вниз (!), и, в качестве кульминации скандала, пригласила его остаться на ланч – вместе с ее племянницей, на которую, как утверждала мисс Тимминз, он все время пялил свои выпученные глаза. Мисс Тимминз разве что наизнанку не вывернуло при виде этого – цитирую ее слова, надеюсь, вы меня извините, оказывается, такие выражения теперь всю используют в приличном (!) обществе. В результате чего она отказалась готовить ланч для бедного темнокожего (в конце концов, даже негры являются тварями Божьими, и мы сами могли бы быть черными, если бы Он, в своей бесконечной милости, не благословил нас белой кожей!!!) – и немедленно удалилась из дома. Поэтому, к

несчастьем, она не могла рассказать о том, что произошло дальше в ходе этого, крайне примечательного, инцидента.

Она помнит, что «ниггер» передавал ей визитную карточку, на которой стояло имя пресвятой А. Доусон и адрес – где-то за границей. Это может показаться странным, но я считаю, что священники из местных ведут важнейшую работу среди своего народа и, уж конечно, должны иметь визитные карточки, даже если кожа у них черная.

В большой спешке,

искренне ваша,

А. К. Климпсон

– Боже, благослови эту милую женщину, – произнес Питер, разобравшись с ее писаниной, – вот вам и пропавший наследник собственной персоной!

– С черной кожей и черными помыслами, так? – подхватил Паркер. – Интересно, кто такой этот пресвятой Аллилуйя и откуда он взялся? Как вы думаете, он есть в «Крокфорде»?

– Должен быть, если он принадлежит к англиканской церкви, – с сомнением в голосе произнес Питер, отправляясь на поиски этого бесценного источника информации. – Доусон – пресвятой Джордж, пресвятой Гордон, пресвятой Гарни, пресвятой Аввакум, пресвятой Адриан, пресвятой Хаммонд – нет никакого пресвятого Аллилуйи. Нам было бы легче, знай мы, откуда он приехал. «Ниггер» в устах мисс Тимминз могло означать что угодно – от индийского брахмана до какого-нибудь метиса, а то и аргентинца или эскимоса.

– Наверное, у остальных религий также имеется свой «Крокфорд», – предположил Паркер, слегка обескураженный неудачей.

– Ну конечно – за исключением разве что тайных сект, вроде агапемонитов или этих ребят, которые хором поют «ОМ». Кажется, это Вольтер сказал, что в Англии есть триста шестьдесят пять религий и всего один союз?

– Вспоминая военный трибунал, – напомнил Паркер, – могу сказать, что это не было преувеличением. Кроме того, не надо забывать об Америке – она тоже отличается изобилием разных религий.

– Да уж. Искать одного священника в Соединенных Штатах – все равно что раскапывать стог сена в поисках пресловутой иголки. Но все же мы можем попытаться навести справки, а я пока отправлюсь в Крофтон.

– В Крофтон?

– Где жили раньше мисс Клара Уиттакер и мисс Доусон. Хочу поискать человека с маленьким черным чемоданчиком – нашего загадочного нотариуса, который, как вы помните, приезжал к мисс Доусон два года назад и очень настаивал на том, чтобы она подписала завещание. Думаю, он может знать, кто такой отец Аллилуйя. Вы поедете?

– Не могу – без специального разрешения. Если помните, официально я этим делом не занимаюсь.

– Но вы расследуете дело Гоутубед. Скажите шефу, что тут может быть связь. Мне понадобится ваше присутствие. Нет ничего лучше, чем суровый полицейский на горизонте, чтобы заставить нотариуса разболтать семейные тайны.

– Ладно, я постараюсь – если вы обещаете вести машину осторожно.

– И будь ты твердым, словно лед, и чистым, словно снег, но не избегаешь клеветы ты и тогда вовек... Поверь, я очень аккуратный водитель! Вставайте – и в путь! Лошадиные силы бьют копытом, готовые вырваться на волю!

– С вами, пожалуй, забьешь, – проворчал Паркер, отправляясь звонить сэру Эндрю Маккензи в Скотленд-Ярд.

Крофтон был очаровательной маленькой деревушкой, затерянной на перепутье дорог, которые заполняют собой треугольник с вершинами в Ковентри, Уорвике и Бирмингеме. В сгущающихся сумерках «миссис Мердль» плутала по проселкам, обсаженным живыми изгородями. Продвижение осложнялось тем, что именно в ту неделю Общественный совет графства Уорвик инициировал кампанию по обновлению дорожных знаков, каковая к тому моменту успела достичь подготовительной стадии, предполагавшей покрытие всех надписей толстым слоем белой краски. Временами терпеливому Бантеру приходилось вылезать с заднего сиденья и карабкаться по столбам

этих малоинформативных указателей с фонариком в руках – глядя на него, Паркер вспоминал Алана Куотермена, пытавшегося различить черты покойного царя кукуанов в мумии, закутанной в окаменевший саван. Один из знаков был покрашен совсем недавно, что не прибавило Бантеру оптимизма. Наконец, после долгих петляний, тупиков и возвращений на главную дорогу, они выбрались на перекресток. Указатель, стоявший на нем, очевидно нуждался в особенно тщательном ремонте, так как с него сняли все таблички, оставив стоять одну мачту – закостеневшая и устрашающая, она была похожа на длинный, мертвенно-бледный перст, указующий в недружелюбное небо.

– Дождь начинается, – заметил разговорчивый Паркер.

– Знаете, Чарльз, если вы стремитесь занять мое место, чтобы всех подбадривать и быть душой нашей маленькой компании, скажите прямо, и покончим с этим. У меня под сиденьем лежит отличный тяжелый гаечный ключ, а Бантер поможет вам закопать тело.

– Думаю, это Брашвуд-кросс, – продолжил Паркер, на коленях у которого лежала развернутая карта. – Если это он, а не Коверт-Корнер, который мы должны были проехать полчаса назад, то одна из этих дорог ведет прямо в Крофтон.

– Было бы неплохо узнать, какая именно.

– Мы могли бы попробовать их все по очереди, возвращаясь к перекрестку в случае ошибки.

– Ну да. Самоубийц всегда хоронят на перекрестках, – ответил на это лорд Уимзи.

– Смотрите, там, под деревом, сидит какой-то человек, – обрадовался Паркер. – Можно спросить у него.

– Он сам, скорее всего, сбился с пути, иначе не стал бы сидеть здесь, – возразил Уимзи. – Люди не сидят под дождем ради удовольствия.

В этот момент человек под деревом заметил приближающуюся машину и бросился к ним, размахивая руками. Уимзи затормозил и выехал на обочину.

– Прошу прощения, – незнакомец на поверку оказался юношей в мотоциклетной накидке, – не могли бы вы мне помочь?

– А что случилось?

– Мой мотоцикл встал и не хочет заводиться.

– Так я и думал, – сказал Уимзи. – Хотя мне трудно представить, почему ваш железный конь выбрал для этого столь неподходящее место. – Он вылез из машины. Юноша, на секунду скрывшись за живой изгородью, представил свое транспортное средство для осмотра.

– Он сам влетел в кусты или это вы затолкали его туда? – спросил Питер, с отвращением глядя на мотоцикл.

– Я сам. Битый час пытался его завести, но ничего не получилось. Поэтому я решил сидеть здесь и ждать, пока кто-нибудь не проедет мимо.

– Ясно. Так вы не знаете, что с ним случилось?

– Не знаю. Все работало прекрасно, а потом он вдруг заглох.

– Может, бензин кончился?

– О нет. Я уверен, что бензина достаточно.

– Заслонка в порядке?

– Понятия не имею. – Юноша заметно погрузнел. – Видите ли, я только второй раз сел за руль.

– Ну, вряд ли здесь что-нибудь серьезное. Давайте для начала проверим топливо. – Уимзи слегка воодушевился, открутил крышку бака и посветил в него фонариком. – Вроде бы достаточно. – Насвистывая, он нагнулся к мотору, поколдовал над ним и вернул крышку на место. – Теперь попробуем его завести, а если не выйдет, посмотрим заслонку.

Юноша поспешно схватился за руль и ударил по педали с такой силой, которая могла привести в работоспособное состояние даже видавшего виды упрямого полкового мула. Мотор ожил, затрясся и громоподобно взревел.

– Бог мой! – вскричал юноша. – Это настоящее чудо!

Лорд Уимзи ласково коснулся ручки акселератора, и устрашающий рев превратился в благородное урчание.

– Что вы с ним сделали? – спросил мотоциклист.

– Продул шланг, подающий топливо, – улыбнулся Питер. – Там была воздушная пробка – только и

всего.

– Я вам бесконечно признателен!

– Не стоит благодарности. Слушайте, вы не подскажете нам, как проехать в Крофтон?

– Конечно. По этой дороге, все время прямо. Вообще-то я и сам направляюсь туда.

– Хвала Господу! Вперед, а я за вами, как говорил сэр Галахад. Далеко до него?

– Пять миль.

– Приличный отель есть?

– «Лиса и пес». Сойдет? Еда там тоже вполне сносная.

– Печали кончились, труды завершены, Рубикон перейден. В путь, друзья! Нет, Чарльз, я не собираюсь ждать, пока вы будете натягивать плащ. По спине гуляет ветер, замерзают ноги, наливай, хозяйка, эля путнику с дороги!

Стартер заурчал – юноша вспрыгнул на своего скакуна и, преодолев опасный крен, выехал на дорогу; Уимзи занял место за рулем и повел машину следом.

«Лиса и пес» оказалась одной из тех очаровательных старомодных гостиниц, в которых вся мебель подбита конским волосом и никогда не бывает поздно для доброго ужина, состоящего из холодного мяса и салата, выращенного тут же, на грядке. Хозяйка, миссис Пиггин, сама обслуживала путешественников. На ней было приличествующее положению черное платье, волосы она укладывала буклями, как у членов королевской семьи. Ее круглое, жизнерадостное лицо так и пылало в свете камина, словно отражая алые сполохи от костюмов охотников, изображенных на литографиях, которыми были сплошь завешаны стены столовой. Настроение лорда Уимзи стало улучшаться под влиянием приятной атмосферы и восхитительного домашнего эля, а после серии вопросов об охотничьем сезоне – он только что закончился, – соседях и ценах на конину ему наконец-то удалось подвести разговор к главной теме – жизни мисс Клары Уиттакер.

– Конечно же, – сказала миссис Пиггин, – мы знали мисс Уиттакер. Ее все знали в здешних местах. Отличная была женщина. Многие до сих пор охотятся на ее лошадях. Мистер Кливленд, который купил ее конезавод, как сыр в масле катается. Про нее говорили, что она была прекрасной заводчицей – получше многих мужчин. Мало кто мог с ней соперничать.

– Да что вы! – восхитился лорд Уимзи.

– Помню, она уже лет с шести сидела на лошади, – продолжала миссис Пиггин, – и запросто перескакивала на ней через изгородь. А вот мисс Доусон – ее подруга и Компаньонка, – та была другая, тихая. И никаких прыжков – проезжала только через ворота. Про нее думали, что она вообще не сядет на лошадь, но она всегда хотела быть рядом с мисс Уиттакер. Конечно, все люди разные, так ведь, сэр? Сейчас таких, как мисс Уиттакер, уже не найдешь. Современные девушки тоже бывают хорошими наездницами, но мисс Уиттакер по-настоящему разбиралась в лошадях. Покупала их, и ухаживала за ними, и разводила, ни у кого не спрашивая советов.

– Похоже, это была очень интересная особа, – уважительно отозвался Уимзи. – Жаль, что нам не довелось познакомиться. Но у меня есть друзья, которые хорошо знали мисс Доусон – они жили по соседству в Хемпшире.

– Да что вы! Надо же! Очень добрая, приятная леди. Мы слышали, она тоже умерла. От рака, да? До чего же печально! Бедняжка. Раз вы слышали про нее, то, может, вам будет любопытно взглянуть на фотографии с крофтонской охоты? Джим!

– А?

– Покажи этим джентльменам фотографии мисс Уиттакер и мисс Доусон. Они знакомы с друзьями мисс Доусон из Хемпшира. Ступайте туда – если, конечно, не хотите съесть еще что-нибудь, сэр.

Миссис Пиггин проводила их в небольшой уютный бар, где несколько джентльменов в охотничьих костюмах наслаждались бокалом вина перед закрытием. Мистер Пиггин, такой же дородный и радушный, как и его жена, выступил вперед, чтобы приветствовать гостей.

– Выпьете чего-нибудь, джентльмены? Джо, две кружки нашего эля. Надо же, вы знали мисс Доусон! Поистине мир тесен – я всегда говорю это жене. Вот последнее фото – охота в Замке, 1918 год. Конечно, в то время охоты бывали редко, сами понимаете, война, многие джентльмены были на службе, да и лошади тоже, так что мы не могли охотиться регулярно, как раньше. Но лисиц развелось ужас как много, и гончие превращались в обыкновенных собак – ха-ха! – это я так шутил, что гончие превращались в собак. Многие джентльмены смеялись, когда я так говорил: мол, гончие

превращаются в собак. А полковник Флетчер и другие пожилые джентльмены говорили, что нельзя бросать охоту, а надо делать вылазки, чтобы гончие не теряли навыков, так сказать. И тогда мисс Уиттакер сказала: «Давайте устроим охоту в замке, полковник». А потом: «Может, это последняя охота, которую я увижу». Так и сказала. И точно – на Новый год нашу бедную леди хватил удар. Умерла в 1922-м. Вот она: в тележке, рядышком с мисс Доусон. Верхом она тогда уже пару лет как не ездила. Но не пропускала ни одной охоты, до последнего дня. Удивительная женщина, да, сэр?

Питер и Чарльз с любопытством рассматривали фото дамы мрачного вида, сидевшей выпрямив спину в тележке, с вожжами в руках. Суровое, обветренное лицо, крупный нос, прямые широкие брови – все это хранило следы былой привлекательности.

Рядом с ней примостилась маленькая, пухленькая и гораздо более женственная Агата Доусон, загадочные обстоятельства смерти которой и привели Уимзи и Паркера в эту тихую деревушку. Мисс Доусон мило, застенчиво улыбалась – выражение ее лица было не такое властное, как у ее грозной подруги, но тем не менее одухотворенное и выразительное. Без сомнения, компаньонки были довольно выдающейся парочкой.

Лорд Уимзи задал мистеру Пиггину пару вопросов о семье Уиттакер.

– Ну, сэр, тут я мало что могу сказать. Мы всегда думали, что мисс Уиттакер рассорилась со своим семейством – поэтому и поселилась здесь сама по себе. В наше время девушки редко уезжали вот так просто из дома. Но если вы хотите узнать про нее побольше, сэр, то есть тут один старик, который вам все расскажет и про Уиттакеров, и про Доусонов. Бен Коблинг. Сорок лет прослужил у мисс Уиттакер конюшим. Женится на служанке мисс Доусон, когда та приехала вместе с ней в Норфолк. Ему восемьдесят семь, но он отлично держится, и у него хорошая память. У нас его все уважают. Живет с женой в коттедже, который мисс Уиттакер завещала ему. Если хотите, заходите завтра, сэр, убедитесь, что память у старого Бена еще хоть куда. А теперь извините, сэр, но мне пора. Бар закрывается. Время, джентльмены! С вас еще восемь пенсов, сэр. Благодарю вас, сэр. Поторопитесь, джентльмены, прошу вас. Джо, начинай уборку.

– Отличное местечко – Крофтон, – сказал лорд Уимзи, когда они с Паркером остались одни в просторной спальне с низким потолком и улеглись в постели, пахнущие лавандой. – Бен Коблинг наверняка все знает про кузена Аллилуйю. Жду не дождусь встречи с Беном Коблингом.

12

Жили-были две старые девы...

Возможность передавать свою собственность по наследству является весьма важным и ценным обстоятельством человеческой жизни.

Эд. Бёрк. «Размышления о Французской революции»

На смену дождливой ночи пришло солнечное утро. Лорд Уимзи, в приливе жизнелюбия поглотив невероятное количество яичницы с беконом, вышел на крыльцо отеля «Лиса и пес», медленно набил трубку и, прислонившись к стене, погрузился в медитацию. Оживление в баре свидетельствовало о том, что близится время открытия. Через дорогу цепочкой прошагали утки. Кошка прыгнула на скамью, потянулась, подобрала под себя лапки и плотно обернула их хвостом, видимо, чтобы они не расползались в разные стороны. Мимо проскакал конюх на гнедой кобыле, за ними в поводу скакала еще одна, с подстриженной гривой. Следом пробежал спаниель: одно ухо у него вывернулось наружу, и его смешно трепал ветер.

«Ба!» – воскликнул лорд Уимзи.

Дверь гостиницы распахнулась, из нее выглянул бармен со словами: «Доброе утро, сэр, отличная погода» – и вновь скрылся внутри.

Питер в ответ хмыкнул, оттолкнулся от стены и медленно сошел с крыльца.

За углом, у стены церкви, в поле его зрения возникла невысокая сгорбленная фигурка – старик со сморщенным лицом, скрюченными ревматизмом руками и ногами, в брюках, заправленных в кожаные гетры.

Старик просеменил по направлению к гостинице; добравшись до скамейки, он стащил с головы шляпу и уселся рядом с кошкой, при этом его кости громко хрустнули.

– Доброе утро, сэр, – поздоровался старик.

– Доброе утро, – отозвался лорд Уимзи. – Восхитительный день!

– Ваша правда, сэр, ваша правда, – закивал его собеседник. – Поверите ли, в такие деньки я молю Господа, чтобы он позволил мне задержаться в этом прекрасном мире еще на годик-другой.

– Вы выглядите на удивление бодрым, так что, по-моему, у вас все шансы.

– Я и правда в полном порядке, сэр, благодарю вас, хотя мне уже сравнялось восемьдесят семь.

Лорд Уимзи изобразил на лице приличествующее случаю изумление.

– Да уж, сэр, восемьдесят семь, и если бы не артрит, мне не на что было бы жаловаться. На самом деле я даже крепче, чем выгляжу. Знаю, меня малость скрючило, сэр, но это все лошади, сэр, а не возраст. Я с ними всю жизнь провозился, с лошадьми-то. Работал с ними, даже спал рядом – можно сказать, сэр, жил на конюшне.

– У вас была великолепная компания, – улыбнулся Питер.

– Тут вы правы, сэр, да, правы. Моя жена всегда говорила, что ревнует меня к моим лошадам. Говорила: мол, с ними я разговариваю чаще, чем с ней. Может, так оно и было, сэр. Лошади никогда не болтают глупостей – так я ей отвечал, – а про женщин этого не скажешь, так ведь, сэр?

– Совершенно верно, – кивнул Уимзи. – Выпьете чего-нибудь?

– Благодарю вас, сэр. Как обычно, пинту горького пива. Джим знает. Всегда начинайте день с пинты горького, сэр. Гораздо полезнее чая, уверяю вас, и не так раздражает желудок. Джим! – позвал старик.

– Пожалуй, я с вами соглашусь. Мне тоже кажется, что чай как-то раздражает. Мистер Пиггин, два горьких пива, пожалуйста. Может, вы тоже присоединитесь?

– Благодарю, милорд, – сказал владелец гостиницы. – Джо! Два больших горьких и «Гиннес». Прекрасное утро, милорд. Здравствуйтесь, мистер Коблинг – вижу, вы уже познакомились?

– Надо же! Так вы и есть мистер Коблинг? – удивился лорд Уимзи. – Рад встрече! Мне очень хотелось с вами поговорить.

– Да, сэр?

– Я сказал этому джентльмену – его зовут лорд Питер Уимзи, – что вы можете рассказать ему об этих двух подругах-компаньонках – мисс Уиттакер и мисс Доусон. Он знаком с друзьями мисс Доусон.

– Да? Вот ведь какое совпадение! И правда, я, можно сказать, знаю все об этих дамах. И очень этим горжусь. Пятьдесят лет я работал у мисс Уиттакер. Пришел к ней совсем мальчишкой, был младшим грумом под началом старого Джонни Блэкторна, а после его смерти стал главным конюшим. Она тогда была красивая девушка, загляденье просто, уж поверьте мне. Спина прямая, на щеках румянец, а волосы черные, блестящие – в точности как грива у кобылы-двухлетки. И своенравна, ужас до чего своенравна. Сколько джентльменов ходило вокруг нее, но она ни одному из них не дала надеть на себя узду. Обращалась с ними, как с отребьем. Никого к себе не подпускала, разве что конюхов – и только по делу, касавшемуся лошадей. Да уж, случаются у природы такие капризы. У меня была сука терьера, точь-в-точь как она. Крыс ловила лучше любой кошки. Но что до кобелей – то ни-ни. Я перетаскал к ней псов со всей округи, но она ни одного к себе не подпустила. Грызла их до крови. Визг стоял – вы такого никогда не слышали. Наверное, Господь создает таких для каких-то особых целей. Среди остальных женщин они как белые вороны.

– Да уж, – промолвил Питер.

В молчании они допили пиво.

Мистер Пиггин прервал состояние безмолвного созерцания, в котором находился до этого, чтобы рассказать историю, случившуюся с мисс Уиттакер на охоте. Мистер Коблинг вспомнил другую. Лорд Уимзи повторил: «Да уж». Тут объявился Паркер, Питер представил его, и мистер Коблинг изъявил желание угостить всех еще одной порцией выпивки. Вслед за ним мистер Пиггин купил всей компании еще по пиву, а затем откланялся, объяснив, что его ждут посетители.

После ухода мистера Пиггина лорд Уимзи осторожно попытался навести разговор на

интересовавшую его тему – историю семьи Доусон. Паркер, воспитанный в школе Барроу в Фернессе и оттачивавший свои коммуникативные навыки на службе в Скотленд-Ярде, периодически вклинивался в разговор, пытаясь подобраться к сути с помощью прямых вопросов. От этого мистер Коблинг раз за разом терял нить повествования и уходил в дебри многочисленных побочных сюжетных линий. Уимзи толкал друга под столом ногой, чтобы тот замолчал, и с бесконечным терпением возвращал беседу в главное русло.

Прошло около часа, прежде чем мистер Коблинг объявил, что его жена может рассказать им гораздо больше о мисс Доусон, нежели он сам, и пригласил посетить его коттедж. Приглашение было с готовностью принято, и джентльмены отправились в путь; по дороге мистер Коблинг объяснял Паркеру, что ему уже восемьдесят семь, но он крепче, чем выглядит, и ему не на что было бы жаловаться, если бы не ревматизм. «Знаю, меня малость скрючило, – повторял мистер Коблинг, – но это все лошади. Я всю жизнь с ними провозился...»

– Что-то вы какой-то раздраженный, Чарльз, – прошептал Уимзи ему на ухо, – наверное, все дело в чае, который вы пили на завтрак, – он так действует на желудок.

Миссис Коблинг оказалась очаровательной пожилой леди, с лицом, напоминающим печеное яблочко. Она была несказанно рада возможности поговорить о своей драгоценной мисс Агате. Паркер, считая необходимым как-то обосновать их расспросы, начал многословное объяснение, но его даже не стали слушать. По мнению миссис Коблинг, было абсолютно естественно, что весь мир интересуется семьей Доусон, и она без предисловий начала свой рассказ.

Она поступила на службу к Доусонам еще девочкой, можно сказать, как только родилась. Да и как иначе – ведь ее мать была экономкой у мистера Генри Доусона, отца мисс Агаты, а до этого – у его отца. Она сама начала работать в большом доме горничной, когда ей сравнялось пятнадцать. Мисс Харриет, той, что вышла потом за Джеймса Уиттакера, тогда было всего три. Да, и она была там, когда родились остальные дети. Мистер Стивен – он был наследником, и, боже! сколько же неприятностей он принес семье, можно сказать, свел отца в могилу. Очень печально все повернулось. Бедный мистер Генри пустился в какие-то спекуляции: миссис Коблинг не знала, в какие именно, но он связался с непорядочными людьми где-то в Лондоне и все потерял. Бедняжка, он так и не смог от этого оправиться. Умер, когда ему было всего пятьдесят четыре. Такой приятный, положительный джентльмен, у него для каждого было доброе слово. Жена ненадолго его пережила. Она была француженка, очень милая, но в Англии чувствовала себя совсем одинокой. Семьи у нее не было, двух сестер заживо замуровали эти страшные паписты.

– А что сделал мистер Стивен, когда лишился наследства? – спросил Уимзи.

– Мистер Стивен? Занялся торговлей. Может, это и не пристало джентльмену, но я слышала, что старый Барнаба Доусон, дед мистера Генри, был простым зеленщиком или вроде того, а ведь, как говорится, через три поколения дети повторяют судьбу своих предков. Правда, мистеру Стивену пришлось тогда нелегко. Он был помолвлен с прекрасной девушкой, да-да, и очень богатой наследницей. Но когда та узнала, что мистер Стивен беден, разорвала помолвку – оно и к лучшему, раз она была такая бессердечная. До сорока лет мистер Стивен прожил холостяком, а потом женился на женщине, у которой совсем не было семьи – вообще никаких родственников. Она была очень милая и стала ему прекрасной женой, уж поверьте, ребенок у них родился только один, мистер Джон. Они в нем души не чаяли. А потом, в один ужасный день, пришло известие, что он погиб на войне. До чего же это страшное дело, война, да, сэр? – никому от нее ничего хорошего, только налоги увеличиваются да цены подсакаивают небес.

– Так его убили? Какое горе для несчастных родителей!

– Да уж, сэр. Для бедного мистера Стивена, который так столько всего пережил, это стало последней каплей. Он сошел с ума и застрелился. Мало того, еще и жену вою застрелил. Вы должны помнить об этом случае, сэр. О нем много писали в газетах.

– Кажется, я что-то припоминаю, – сказал Паркер, дабы не умалять значения местной трагедии. – А молодой Джон – насколько я понял, он не был женат?

– Нет, сэр. И это тоже весьма прискорбно. Он был помолвлен с одной девушкой, медсестрой из госпиталя, – как мы поняли, и надеялся жениться на ней во время следующего отпуска. Только у них ничего не вышло.

Миссис Коблинг всхлипнула и промокнула глаза краешком фартука.

– А мистер Стивен был единственным сыном?

– Не совсем так, сэр. Были еще близнецы. Очаровательные малыши, но они прожили всего два дня. Родились через четыре года после мисс Харриет – той, которая вышла за мистера Джеймса Уиттакера.

– Ну да, конечно. Через них-то две семьи и оказались связаны между собой.

– Да, сэр. Мисс Агата, мисс Харриет и мисс Клара Уиттакер – они все учились в одной школе, так миссис Уиттакер пригласила обеих девушек погостить у мисс Клары на каникулах, и тогда мистер Джеймс влюбился в мисс Харриет. Она была не такая хорошенькая, как мисс Агата – это на мой вкус, – но очень живая и веселая, а мисс Агата никогда не флиртвала и вообще считала любовь страшной глупостью. Она мне сама говорила: «Бетти, я никогда не выйду замуж, и мисс Клара тоже, и мы будем жить с ней вместе, без этих надоедливых, напыщенных джентльменов». Так оно и вышло, сэр, как вы знаете. Мисс Агата, хотя и тихая, всегда была очень решительной. Как вобьет себе что-нибудь в голову, нипочем ее не переубедишь – ни уговорами, ни угрозами, ничем! Как я ни пыталась, не получалось – даже когда она была совсем крошкой. Я тогда часто помогала в детской. Или разозлится, или расплачется, но ни за что не уступит.

Уимзи подумал о беспомощной, прикованной к постели пожилой женщине, стоящей на своем, несмотря на уговоры нотариуса и настойчивость племянницы, и почувствовал, что проникается уважением к мисс Агате Доусон.

– Выходит, семья Доусон практически вся вымерла? – спросил он.

– Похоже на то, сэр. Осталась только мисс Мэри – но она, конечно, Уиттакер. Она внучка мисс Харриет, единственного ребенка мистера Чарльза Уиттакера. Также осталась совсем одна, прежде чем переехать к мисс Доусон. Мистер Чарльз и его жена погибли в ужасной автокатастрофе – можно подумать, их семью преследовал злой рок. Прямо не верится, что мы с Беном пережили их всех.

– Не грусти, мать, – сказал Бен Коблинг, накрыв ее руки своими. – Бог был милостив к нам.

– Воистину! У нас трое сыновей, сэр, и две дочери, и четырнадцать внуков, и уже трое правнуков. Хотите посмотреть их фотографии, сэр?

Лорд Уимзи сказал, что с удовольствием взглянет на снимки, Паркер также пробормотал нечто одобрителное. Засим последовали жизнеописания всех потомков семейства Коблингов. Как только в рассказе возникала пауза, Чарльз наклонялся к Питеру и шептал ему на ухо: «Как насчет кузена Аллилуйи?», – но, прежде чем тот успевал задать вопрос, бесконечная семейная хроника возобновлялась.

– Ради всего святого, Чарльз, – прошипел Питер, разъяренный, когда миссис Коблинг покинула их, чтобы принести шаль, которую внучок Уильям прислал ей с Дарданелл, – хватит говорить «аллилуйя»! Мы же не в церкви!

Шаль получила заслуженные комплименты, после чего беседа перешла к заморским землям и местным аборигенам, в частности к неграм, и лорд Уимзи, напустив на себя беззаботный вид, спросил:

Кстати, а не было ли у Доусонов родственников где-нибудь за границей?

– Ну конечно, – слегка удивившись, ответила миссис Коблинг. – Мистер Пол, брат мистера Генри. Но о нем здесь почти не вспоминали. Он был – если можно так сказать – головной болью для всей семьи. Представьте, – тяжкий вздох, голос понизился до шепота, – он стал папистом и ушел в монахи! (Окажись он убийцей, это вряд ли было бы воспринято хуже.) Мистер Генри считал себя виновным в его поступке.

– Это почему же?

– Дело в том, что жена мистера Генри – моя дорогая хозяйка, сэр, – она была француженкой, и, как я уже говорила, паписткой – ничего не поделаешь! Конечно, ее вырастили в католической вере, и она не знала никакой другой. Она вышла замуж совсем молоденькой, и мистер Генри сделал из нее настоящую христианку, так что она вскоре отказалась от своего идолопоклонства и стала посещать нашу приходскую церковь. Но мистер Пол влюбился в одну из ее сестер, а эта сестра решила, что должна посвятить себя религии, и постриглась в монахини. Сердце мистера Пола было разбито, тогда он, – снова пауза и вздох, – и ушел в монастырь. Весьма прискорбное стечение обстоятельств.

Далее выяснилось, что мистер Пол дожил до преклонных лет, и, насколько знала миссис Коблинг, был жив и поныне.

– Если он жив, – прошептал Паркер, – то, вероятно, является тем самым наследником. Он дядя Агаты Доусон и ее ближайший родственник.

Уимзи нахмурился и обратился к миссис Коблинг:

– Вообще-то, спрашивая про родственников мисс Доусон за границей, я не имел в виду мистера Пола. Я слышал о другом человеке, с кожей более темного цвета, собственно говоря, черном.

– Черном? – вскричала пожилая дама. – О нет, сэр, это невозможно! Разве что – Господи помилуй, этого не может быть! Бен, как ты думаешь – могло такое случиться, что Саймон... ну, ты понимаешь?

Бен покачал головой:

– Я о нем почти ничего не слышал.

– О нем никто почти ничего не слышал, – энергично подхватила миссис Коблинг. – Он уехал давным-давно, и его редко вспоминали. «Пропавший Саймон» – так они его называли. Он уплыл в Индию много лет назад, и никто не знал, что с ним стало. Он мог жениться на темнокожей индианке, и тогда это может быть его внук – или нет, скорее правнук, он же был дядей мистера Генри, но с тех пор прошло так много времени...

Лорд Уимзи был разочарован. Внук «пропавшего Саймона» стоял слишком далеко в очереди наследования, чтобы претендовать на деньги мисс Доусон и мисс Уиттакер.

– Все это очень интересно, – тем не менее заметил он. – А вы не помните, куда он уехал: в Вест-Или в Ост-Индию?

Миссис Коблинг не могла ответить на этот вопрос, но ей казалось, что гам упоминалась Америка.

– Жаль, что мистер Пробин покинул Англию. Он бы мог многое рассказать вам о Доусонах. Но в прошлом году он ушел на покой и переселился в Италию.

– А кто он такой?

– Мистер Пробин был нотариусом мисс Уиттакер, – сказал Бен, – и вел дела мисс Доусон тоже. Очень приятный джентльмен, но скрытный, да-да, очень скрытный. Все эти чиновники-крюкотворы таковы – знают много, но ничего не скажут, – добавил он.

– Он жил в Крофтоне?

– Нет, сэр, в Крофтон-Магна, в двенадцати милях отсюда. Его дело приобрели Пойнтер и Уинкин, но они молодые, и я о них ничего не знаю.

Поняв, что они выжали из супругов Коблинг все, что могли, Уимзи и Паркер откланялись и покинули их дом.

– Значит, кузен Аллилуйя оказался холостым выстрелом, – сказал Паркер.

– Может быть, да, а может, и нет. Не исключено, что он как-то связан с нашим делом. Правда, кандидатура покрывшего себя позором паписта Пола кажется мне более перспективной. Безусловно, мы должны связаться с мистером Пробинем. Вы уже догадались, кто это?

– Тот самый загадочный нотариус, верно?

– В яблочко! Он наверняка знает, почему мисс Доусон необходимо было подписать завещание. Так что поедем-ка мы напрямик в Крофтон-Магна, зайдём к Пойнтеру и Уинкину и узнаем, не смогут ли они нам чем-нибудь помочь.

К несчастью, Пойнтер и Уинкин помочь ничем не могли. Мисс Доусон когда-то отказалась от услуг мистера Пробина и передала свои дела новому нотариусу. Пойнтер и Уинкин никак не были связаны с семейством Доусон. Тем не менее, они охотно сообщили адрес мистера Пробина – вилла Бьянка во Фьезоле. Они сожалели, что больше ничего не могут сделать для лорда Уимзи и мистера Паркера. Увы.

Питер кратко прокомментировал ситуацию:

– Ничего не поделаешь. Пора нам подумать о ланче, а затем написать пару писем: одно мистеру Пробину, а второе моему доброму другу епископу Ламберту в миссию Ориноко. Вдруг он знает что-нибудь о кузене Аллилуйе. Улыбнитесь, друг мой! Как говорил Инголдсби: «Ветры дуют, дуют ветры, скоро, скоро нам в погоню!» Любите Джона Пила? Знаете, где находится земля, усыпанная лимонным цветом? Не знаете? Не важно. Поищите, когда будете планировать свадебное путешествие.

13

Аллилуйя

Мои предки наверняка были славными ребятами, но мне вовсе не хотелось бы, чтобы они как-нибудь появились ко мне в гости.

Р. Шеридан. «Соперники»

Достопочтенный прелат, епископ Ламберт из миссии Ориноко, оказался человеком практического склада, притом весьма любезным. Он не был лично знаком с пресвятым Аллилуйей Доусоном, но предполагал, что тот мог принадлежать к миссии Скинии – религиозной организации, ведущей важную работу в колониях. Он изъявил желание лично связаться с лондонской штаб-квартирой этой миссии, пообещав известить лорда Уимзи о результатах. Два часа спустя секретарь епископа Ламберта дозвонился до миссии Скинии и получил исчерпывающую формацию об отце Аллилуйе Доусоне, который как раз находился в Англии, а точнее – в здании миссии в Степни. Престарелый священник пребывал в стесненных обстоятельствах – сей факт епископ счел весьма прискорбным. Он отказался от благодарности, объяснив, что всю работу выполнил его трудяга-секретарь. Епископ был рад слышать лорда Уимзи. «Кстати, как у вас идут дела? Ха-ха! А когда вас можно ждать в гости?»

Питер предусмотрительно захватил с собой Чарльза, и вдвоем они поспешили в миссию Скинии. Явление зловещей «миссис Мердль» с ее черной крышей и сверкающей латунной выхлопной трубой произвело неизгладимое впечатление на юное поколение местных жителей.

Они столпились вокруг машины и занялись испытанием клаксона еще до того, как Уимзи успел позвонить в дверь миссии. Паркер попытался урезонить ребят, пригрозив наказанием и походя упомянув о том, что является офицером полиции, чем привел непослушную молодежь в полный экстаз. Под предводительством энергичной юной особы лет двенадцати они встали в хоровод и радостно запрыгали вокруг разъяренного детектива. Паркер отпустил в их адрес несколько едких замечаний, но это лишь подогрело азарт подростков, и они стали громко распевать оскорбительные куплеты. В этот момент дверь миссии распахнулась, и оттуда вышел худощавый юноша в очках. Он погрозил расшалившимся детям пальцем, сказал: «Ну, это уж слишком». Но это не произвело на них никакого эффекта, похоже, юноша и не рассчитывал на него.

Лорд Уимзи объяснил цель своего визита.

– О, прошу вас, входите, – сказал юноша. В руке он держал книгу по теологии с красивой закладкой меж страниц. – Боюсь, что ваш друг... ну... у нас тут бывает шумновато...

Паркер наконец освободился от юных мучителей и направился к крыльцу, изрыгая угрозы и проклятия, на которые враги отвечали насмешливыми гудками клаксона.

– Этак они посадят аккумулятор, – сказал Уимзи.

– Настоящие дьяволята, никто им не указ, – пробурчал Паркер.

– Просто с ними надо обращаться по-человечески, – парировал Уимзи. – Дети – существа с теми же страстями, что политики или финансисты. Эй, Эсмеральда, – он поманил к себе их кудрявую предводительницу.

Юная леди высунула язык и показала грубый жест, однако, заметив монетку, блеснувшую в руке его светлости, подошла поближе и замерла перед ним в ожидании.

– Смотрите, – сказал Уимзи, – здесь у меня полкроны – это, как вы знаете, тридцать пенни. Как, по-вашему, они бы вамгодились?

Ничто человеческое было не чуждо этой девчонке. Онемев от такого неслыханного предложения, она принялась чесать правую ногу грязным ботинком, напыленным на левую, не обращая внимания на сползший чулок.

– Насколько я могу судить, – продолжал лорд Уимзи, – вы способны удержать ваших юных друзей в рамках дозволенного, если сами того пожелаете. Итак, если вы не дадите им прикоснуться к моей машине за то время, что я буду в доме, то получите эту монету. Если они будут нажимать на клаксон, я услышу гудки. За каждый гудок вы будете лишаться одного пенни, понятно? Если гудок прозвучит шесть раз, вы получите всего два шиллинга. Тридцать гудков – и вы не получите ничего. Кроме того, я буду периодически выглядывать в окно. Если я увижу, что кто-то прикасается к машине или сидит в

ней, вы тоже не получите ничего. Условия ясны?

– Мне над' см'треть за ваш'й м'шиной. Если кто загудит, вы оттяп'ете у м'ня медяк, – сказала девчонка, глотая буквы. Типичный жаргон жителей Степни.

– Совершенно верно, – кивнул Питер.

– Дог'ворились, мистер. Я п'смотрю, чтоб б'льше никто ее не тронул.

– Какая хорошая девочка! Итак, сэр...

Юноша в очках провел их в маленькую темную приемную, напоминающую зал ожидания железнодорожной станции; на стенах висели гравюры с текстами из Ветхого Завета.

– Я скажу мистеру Доусону, что вы пришли, – очкарик исчез, по-прежнему сжимая в руке свой богословский учебник.

Лежавшая за дверью циновка зашуршала, и Уимзи с Паркером приготовились лицом к лицу столкнуться со злоумышленником, пытающимся завладеть наследством Агаты Доусон.

Велико же было их удивление, когда в дверном проеме возник престарелый человек самого робкого и безобидного вида. Трудно было представить себе человека, менее похожего на убийцу, нежели этот старичок, глядевший на них, нервно моргая из-под очков в металлической оправе, сломанных в нескольких местах и перевязанных проволокой.

У пресвятого Аллилуйи Доусона были приятные черты лица, тонкий орлиный нос и темно-оливковая кожа уроженца одного из островов Вест-Индии. Волосы его, поредевшие и седые, вились плотными кольцами. На сутулых плечах висела прохудившаяся сутана. Выпуклые черные глаза с желтоватыми белками дружелюбно смотрели на детективов, а его улыбка была открытой и искренней.

– Вы хотели меня видеть? – спросил он на чистейшем английском, с едва заметным островным акцентом. – Кажется, я не имел удовольствия...

– Здравствуйте, мистер Доусон. Мы... видите ли, мы собираем информацию... ну, о семье Доусонов из Крофтона в Уорвикшире, и узнали, что вы могли бы просветить нас... относительно их иностранной родни, если будете так любезны...

– О, конечно! – старик выпрямил спину. – Я ведь и сам – в каком-то смысле – являюсь их родственником. Не хотите ли присесть?

– Благодарю вас. Мы так и думали.

– Вас прислала мисс Мэри Уиттакер?

В его вопросе Уимзи уловил одновременно любопытство и опаску. Не зная, что кроется за этим, он предпочел не вдаваться в подробности.

– Нет-нет. Мы... знаете ли... пишем труд об англичанах в колониях. Могилы, генеалогия – в этом роде.

– Ах, вот оно что! А я-то понадеялся... – Священник негромко вздохнул. – Но в любом случае я с удовольствием помогу вам.

– Тогда, может быть, вы расскажете, что стало с Саймоном Доусоном? Мы знаем, что он покинул семью и уплыл в Вест-Индию где-то в тысяча семьсот...

– Тысяча восемьсот десятом году, – быстро поправил его отец Аллилуйя. – Да... Попал в переделку, когда ему было шестнадцать. Связался с плохими людьми, гораздо старше себя, и оказался замешан в одно очень неприятное дело. Азартные игры, потом убийство. Не на дуэли – в те дни это никого бы не удивило... Нет, то было преднамеренное убийство, против которого наставляет нас Господь, – в общем, человек был убит, а Саймону Доусону и его друзьям пришлось скрываться от правосудия. Саймон завербовался на военную службу и уехал из страны. Прослужил пятнадцать лет, а затем его перекупил капитан одного капера, француз. Оттуда он сбежал и – если опустить детали – осел в Тринидаде под чужим именем. Какие-то английские колонизаторы поступили с ним по-доброму и дали работу на своей сахарной плантации. Он трудился на славу и, в конце концов, сам стал плантатором.

– А под каким именем он там жил?

– Харкауэй. Думаю, он боялся, что его будут преследовать как дезертира, если он объявится под собственной фамилией. Так или иначе, но ему нравилась жизнь на плантациях, и он не собирался никуда уезжать оттуда. Не думаю, что он захотел бы вернуться на родину, даже ради наследства. Кроме того, он наверняка боялся, что всплывет то старое убийство, хотя вряд ли его стали бы судить

по истечении срока давности, и потом – тогда он был слишком молод, да и злодеяние было совершено не его рукой.

– Ради наследства? – не совсем вежливо перебил священника лорд Уимзи. – Так он был старшим сыном?

– Нет. Старшим был Барнаба, но он погиб при Ватерлоо, не успев обзавестись семьей. За ним шел второй сын, Роджер – тот умер еще во младенчестве от оспы. А Саймон был третьим.

– Значит, наследство семьи получил четвертый?

– Да, Фредерик. Отец Генри Доусона. Конечно, они пытались узнать, что случилось с Саймоном, но в то время получить информацию из колоний было слишком сложно, а сам он так и не объявился. Поэтому его обошли.

– А что случилось с детьми Саймона? – спросил Паркер. – Собственно, они у него были?

Священник кивнул, и его смуглые щеки залил темный, тягучий румянец.

– Я его внук, – просто сказал он. – Вот почему я и приехал в Англию. Когда Господь призвал меня стать пастырем для моих соотечественников, я был достаточно обеспеченным человеком. От отца я унаследовал плантацию сахарного тростника, женился и был очень счастлив. Но потом пришли тяжелые времена – земля истощилась, а моя паства была слишком немногочисленной и бедной, чтобы поддерживать меня. Кроме того, я стал слишком стар и слаб, чтобы исполнять свои обязанности, да и жена моя заболела; к тому же Господь благословил нас несколькими дочерьми, которых надо было кормить. Мы испытывали сильную нужду. А потом я наткнулся на старые семейные бумаги, принадлежавшие моему деду, Саймону, и узнал, что его фамилия была вовсе не Харкауэй, а Доусон. Вот я и подумал, что, может быть, в Англии у меня есть семья и что Господь услышал мой глас вопиющего в пустыне. Поэтому, когда от нашей страны нужно было послать представителя в штаб-квартиру миссии в Лондон, я испросил разрешения оставить свой приход и приехал в Англию.

– И вам удалось разыскать кого-нибудь?

– Да. Я отправился в Крофтон – это место упоминалось в письмах моего деда – и повидался с местным нотариусом – мистером Пробинном из Крофтона. Вы с ним знакомы?

– Я слыхал о нем.

– Ну да. Он оказался весьма приятным человеком и проявил ко мне большой интерес. Мистер Пробин познакомил меня с генеалогией семьи, по которой выходило, что наследником денег и имущества семьи должен был стать мой дед.

– Но к тому времени вся собственность была утеряна?

– Да. И, к несчастью, когда я показал ему свидетельство о браке моих родителей, выяснилось, что оно поддельное. Боюсь, Саймон Доусон был большим грешником. Он взял мою мать в свой дом, как это делали многие плантаторы с цветными женщинами, и показал ей некий документ, который, по его словам, был свидетельством о браке за подписью губернатора. Но когда мистер Пробин навел справки, оказалось, что свидетельство недействительно, ибо губернатора с такой фамилией в наших краях никогда не было. Это ранило мои чувства как христианина, но, поскольку наследовать было нечего, такой поворот событий нас почти не расстроил.

– Надо же, как вам не повезло, – сочувственно сказал Паркер.

– Я просил Господа даровать мне смирение, – сказал пожилой вестиндеец, с достоинством склонив голову. Мистер Пробин снабдил меня рекомендательным письмом к мисс Агате Доусон, единственному оставшемуся в живых члену нашей семьи.

– Да, она жила в Лихемптоне.

– Она приняла меня самым любезным образом, а когда я сообщил ей, кто я такой, но, предварительно заверив, что я никоим образом не посягаю на ее собственность, пожилая леди была так добра, что выделила мне ежегодное пособие в 100 фунтов, которое выплачивала до самой своей смерти.

– И это был единственный раз, когда вы с ней виделись?

– О да! Мне не хотелось казаться навязчивым. Думаю, ей вряд ли понравилось бы, чтобы родственник с таким цветом кожи постоянно крутился возле ее дома, – с изрядной долей самоуничижения произнес отец Аллилуйя. – Но она угостила меня обедом и говорила со мной очень ласково.

– Хм... не сочтите за дерзость, но позвольте узнать: а мисс Мэри Уиттакер продолжает выплачивать вам назначенное пособие?

– Видите ли, нет – и я, конечно, не должен был на это рассчитывать, но оно играло для моей семьи большую роль. К тому же мисс Доусон тогда обнадежила меня, сказала: что бы с ней ни случилось, выплаты будут продолжаться. Еще сказала, что ей почему-то не улыбается идея с завещанием, и добавила: «Но в этом нет никакой необходимости, кузен Аллилуйя, потому что, когда я умру, Мэри унаследует все мои деньги и будет выплачивать вам пособие от моего имени». Может, мисс Уиттакер так и не получила наследства?

– Да нет, получила. Как странно! Могла ли она забыть о вас?

– Я позволил себе написать ей несколько слов утешения после кончины ее тетушки. Вероятно, ей это не понравилось. Не хочется верить, что она ожесточила свое сердце против обездоленного. Вне всякого сомнения, ее поступку объяснения нет...

Лорд Уимзи вздохнул:

– Что ж, я весьма признателен вам за ваш рассказ. Мы узнали все, что хотели, о Саймоне и его потомках. Я только хотел бы записать кое-какие имена и даты, если позволите.

– Конечно. Я принесу бумагу, которую мистер Пробин составил для меня, там есть данные обо всех членах семьи. Позвольте мне на минутку отлучиться.

Он вышел за дверь и вскоре вернулся с листом голубой бумаги, которую обычно используют для документов; на нем было изображено генеалогическое древо Доусонов.

Уимзи записал в свой блокнот даты жизни и прочие подробности, касающиеся Саймона Доусона, его сына Босана и его внука Аллилуйи. Внезапно он ткнул пальцем в имя, написанное гораздо ниже.

– Смотрите, Чарльз! Вот и наш Пол – тот самый плохой парень, который подался к папистам и постригся в монахи.

– О, в самом деле! – воскликнул Паркер. – Но, Питер, смотрите, он уже умер – в 1922-м, на два года раньше Агаты Доусон.

– Да. Так что он тоже не годится. Ладно, бывает.

Они закончили делать пометки, распрощались с пресвятым Аллилуйей и вышли на улицу, где Эсмеральда отважно защищала «миссис Мердль» от покушавшихся на нее захватчиков. Лорд Уимзи передал ей монетку и получил машину в целости и сохранности.

– Чем больше я узнаю о Мэри Уиттакер, – признался он, – тем меньше она мне нравится. Могла бы все-таки выделить этому бедолаге хотя бы ту злополучную сотню фунтов в год.

– Похоже, она весьма алчная особа, – согласился Паркер. – Так или иначе, но старина Пол почил в бозе, а кузен Аллилуйя оказался незаконнорожденным. Соответственно, версию о таинственных наследниках из заморских стран мы отмечаем.

– Черт побери! – вскричал вдруг Уимзи, бросил руль и обеими руками схватился за голову, чем привел Паркера в полное недоумение. – Я где-то слышал эту фразу. Но где же? Где?

14

Хитросплетения закона

Поступки беспримерные – вот их и надо опасаться.

У. Шекспир. «Генрих VIII»

– Я сегодня ужинаю с Мерблесом, Чарльз, – сообщил Уимзи. – Присоединяйтесь и вы. Я хотел посоветоваться с ним насчет этой истории с семейством Доусон.

– И где будет ужин?

– О, у меня дома. Меня тошнит от ресторанной еды, Бантер приготовит восхитительный ростбиф с кровью, а к нему будет подан зеленый горошек, молодой картофель и молодой зеленый лук. Джеральд специально прислал его из Денвера. В Лондоне такого не купишь. Приходите. Старая

добрая английская кухня, бутылочка вина – ирландцы называют его «Хо Бруон». Вы как?

Паркер принял приглашение. Однако он обратил внимание, что, даже говоря о столь животрепещущем предмете, как еда, Уимзи выглядел каким-то рассеянным. Казалось, будто его терзает смутная тревога. Даже когда явился Мерблес, полный сдержанного юмора, Уимзи слушал его, хотя и весьма учтиво, лишь вполуха.

Обед был наполовину съеден, когда, без всяких видимых причин, Уимзи вдруг занес вверх кулак и со всего размаху опустил его на столешницу красного дерева, отчего рука потрясенного Бантера дрогнула и большая малиновая клякса знаменитого «О-Бриона» пролилась на белую скатерть.

– Вспомнил! – воскликнул Питер.

Бантер сдавленным голосом принес милорду свои извинения.

– Мерблес, – сказал Уимзи, не обращая внимания на слова дворецкого, – новый Акт о праве собственности уже приняли?

– Ну да, приняли, – с некоторым удивлением ответил адвокат. Он как раз дошел до кульминации истории о юном юрисконсульте и еврее ростовщике, когда случился этот досадный инцидент, и был слегка сбит с толку.

– Как я и думал, эта фраза была в газетах – Чарльз, вы должны помнить, – о таинственных наследниках из заморских стран. Пару лет назад были статьи, и они как раз касались нового Акта о праве собственности. Там говорилось, какое разочарование вызовет этот акт у наших писателей романтического жанра. Стало быть, по новому акту дальние родственники не могут вообще претендовать на наследство, не так ли, Мерблес?

– В общем-то, да, – согласился адвокат. – Только не в случае отчужденного или выморочного имущества, там действуют другие законы. Но я так понимаю, что вы имеете в виду обыкновенную частную собственность, верно?

– Да; и что будет с ней, если владелец умрет, не оставив завещания?

– Вообще-то здесь все не так просто... – начал объяснять Мерблес.

– Ладно, давайте так: раньше, до принятия нового акта, собственность получал следующий по степени наследования, и не важно, если он был хоть седьмая вода на киселе.

– В общем и целом – верно. Если оставалась супруга или супруг...

– Забудьте про супругов. Предположим, что покойный не был женат и не имел близких родственников. Тогда наследство получал...

– Следующий по степени родства, кем бы он ни приходился, если можно было подтвердить его права.

– Даже в случае, когда для подтверждения этих прав надо было возвращаться ко временам Вильгельма Завоевателя?

– Если бы удалось отыскать документы той эпохи, достоверно подтверждающие право наследования, то да, – кивнул Мерблес. – Хотя, конечно, маловероятно, что...

– Знаю-знаю. А сейчас? Что теперь происходит в подобных случаях?

– По новому акту процедура наследования при отсутствии завещания значительно упрощается, – сказал Мерблес, отложил нож и вилку и прикоснулся указательным пальцем правой руки к большому пальцу левой, словно готовясь считать.

– Догадываюсь, – перебил его Уимзи. – Я знаю, что такое акт, который должен что-либо упрощать. Это акт, и создатели которого толком не знают, что имели в виду, а каждый пункт его нуждается в пространном пояснении. Но продолжайте!

– По новому акту, – заговорил Мерблес, – половина имущества переходит к мужу или жене, если таковые имеются и если это имущество представляет для них интерес, а вторая половина – к детям, в равных долях. Если же супруга и детей нет, имущество переходит к отцу или матери покойного. Если таковые оба умерли, то наследство получают его братья и сестры, дожившие до этого времени, или их потомки – то есть племянники или племянницы...

– Стоп-стоп, – перебил лорд Уимзи, – дальше не надо. Вы в этом совершенно уверены? Что имущество переходит к племянникам или племянницам усопшего?

– Да. Это значит, что если вы умрете холостяком и не оставите завещания, а ваш брат Джеральд и сестра Мэри к тому времени тоже починут в бозе, то ваши деньги будут поделены поровну между вашими племянницами и племянниками.

– А что, если я переживу и их тоже – буду коптить небо до тех пор, пока у меня не останутся только внучатые племянники и племянницы, – значит, наследство получат они?

– Ну, я предполагаю, что да, получают, – но в голосе Мерблеса не прозвучало особой уверенности. – Наверняка получат.

– Должны получить, – нетерпеливо перебил его Паркер, – раз в законе говорится о потомках братьев и сестер.

– Да, но тут мы проявляем некоторую поспешность, – сказал Мерблес, склоняясь к лорду Уимзи. – Обывательскому уму слово «потомки» кажется однозначным. Но в законе, – тут Мерблес, до этого державший вместе указательный палец правой руки и безымянный левой, что означало правомерность притязаний на наследство со стороны внучатых племянников и племянниц, положил ладонь на стол и поскреб ногтем скатерть, исподтишка указывая на Паркера, – так вот, в законе это слово может иметь несколько интерпретаций, в зависимости от того, в каком документе оно использовано и когда он был составлен.

– Но по новому акту... – продолжал настаивать лорд Питер.

– Вообще-то, – признался Мерблес, – я небольшой специалист в законах, касающихся прав собственности, поэтому не стал бы сейчас делать скоропалительных выводов, тем более что ни одного дела, связанного с новым актом, в суды пока не поступало. Однако мое предварительное и полностью личное мнение, – которое я рекомендую вам принять на веру лишь после того, как его подтвердит кто-нибудь из авторитетов в области имущественного права, – заключается в том, что, на мой взгляд, слово «потомки» означает потомство *ad infinitum*, исходя из чего внучатые племянницы и племянники тоже имеют право на получение наследства.

– Но ведь может быть и другое мнение?

– Да – вопрос непростой...

– Ну, что я вам говорил? – простонал Питер. – Я так и знал, что этот «упрощающий» акт приведет к невероятной путанице.

– Могу я поинтересоваться, зачем все-таки вам понадобилось это знать? – спросил Мерблес.

– Зачем? – переспросил Питер, вытаскивая из кармана генеалогическое древо Доусонов, полученное им от кузена Аллилуйи. – Вот зачем! Мы всегда говорили о мисс Уиттакер как о племяннице мисс Доусон, и сама она всегда называла эту достойную старую леди своей тетужкой. Но если вы взглянете сюда, то увидите, что на самом деле она была ей лишь внучатой племянницей, так как приходилась внучкой сестре мисс Агаты, Харриет.

– Совершенно верно, – заметил Мерблес, – и все равно, она была ее ближайшей родственницей, оставшейся в живых. А поскольку Агата Доусон скончалась в 1925-м, деньги без всяких вопросов перешли к мисс Уиттакер по старому акту, который однозначно подтверждал ее права наследницы.

– Подтверждал, – согласился Уимзи, – вот именно что подтверждал прежде – в этом все дело! Но...

– Боже мой! – воскликнул Паркер. – Я понял, к чему вы клоните. Когда новый акт вступил в силу, сэр?

– В январе 1926-го, – ответил Мерблес.

– А мисс Доусон, как мы знаем, скончалась – неожиданно, по мнению ее врача, – в ноябре 1925-го, – подхватил Уимзи. – Но предположим, что она дотянула бы, как с большой долей уверенности предполагал доктор Карр, до февраля или марта 1926-го... Как вы думаете, сэр, тогда Мэри Уиттакер явилась бы наследницей мисс Доусон?

Мерблес открыл было рот, собираясь заговорить, но тут же закрыл его. Несколько мгновений он молчал то снимая очки, то снова водружая их на нос.

– Похоже, Питер, вы правы, – наконец сказал он суровым тоном, – это весьма серьезный и важный вопрос. Слишком серьезный, чтобы я мог сейчас вам на него ответить. Если я правильно понял, вы предполагаете, что любая двусмысленность в толковании нового акта могла снабдить заинтересованную сторону веским основанием для того, чтобы ускорить кончину мисс Агаты Доусон?

– Именно это я и имел в виду. Конечно, если внучатая племянница наследует в любом случае, ей должно быть всё равно, умрет ее тетка до принятия нового акта или после него. Но если у нее возникают сомнения, она вполне может решиться поторопить престарелую родственницу на пути к могиле. Особенно если дни последней уже сочтены, да и других наследников, которые могли бы

возражать, все равно нет.

– Кстати, – вмешался в разговор Паркер, – если внучатая племянница не получает наследства, то кому тогда идут деньги?

– Тогда имущество признается выморочным и переходит герцогству Ланкастерскому, или, иными словами, Короне.

– То есть, – пояснил Уимзи, – никому конкретно. Признаться честно, я не считаю особым преступлением приблизить кончину старушки, испытывающей страшные боли и мучения, дабы заполучить деньги, которые она и так собирается вам передать. Какого черта уступать их герцогству Ланкастерскому? Кому есть дело до герцогства? Это все равно что смошенничать на подоходном налоге.

– С этической точки зрения, – заметил Мерблес, – у меня есть кое-какие замечания по поводу ваших слов. Да и с точки зрения закона убийство есть убийство – вне зависимости от положения жертвы и благоприятности результата.

– К тому же Агата Доусон не собиралась умирать, – добавил Паркер, – и сама говорила об этом.

– Не собиралась, да, – задумчиво повторил Уимзи, – и имела полное право вслух заявлять об этом.

– Думаю, – сказал Мерблес, – что, прежде чем делать какие-то выводы, мы должны проконсультироваться со специалистом в области имущественного права. Интересно, Тоукингтон сейчас дома? Хотя я и не признаю это новомодное изобретение – телефон, думаю, сейчас нам придется им воспользоваться.

Мистер Тоукингтон оказался дома и был совершенно свободен. Он внимательно выслушал краткое изложение дела о наследовании состояния внучатой племянницей. С учетом обстоятельств, а именно будучи захвачен врасплох и не имея возможности как следует обдумать все тонкости, он тем не менее положительно утверждал, что, скорее всего, по новому акту внучатая племянница должна быть исключена из числа наследников. Тем не менее, вопрос подлежал более пристальному рассмотрению, и он предпочел бы свериться с несколькими авторитетными источниками. «Не могли ли вы, мистер Мерблес, зайти ко мне, чтобы при личной встрече обсудить детали?» На это мистер Мерблес отвечал, что в данный момент он ужинает с двумя друзьями, которых этот вопрос также очень интересует. «В таком случае, – предложил мистер Тоукингтон, – почему бы вам с друзьями не зайти сейчас?»

– У Тоукингтона подают восхитительный портвейн, – прошептал Мерблес, предусмотрительно отведя трубку от уха и прикрыв ее рукой.

– Так, может, пойдём и отведаем его? – весело отозвался Уимзи.

– Это недалеко, в Грей-Инн, – добавил Мерблес.

– Тем лучше, – кивнул Питер.

Мерблес снова поднес трубку к уху, поблагодарил мистера Тоукингтона и сообщил, что они незамедлительно направятся в Грей-Инн. «Вот и отлично», – донесся из трубки добродушный голос, после чего Мерблес дал отбой.

Прибыв к дому мистера Тоукингтона, друзья обнаружили, что входная дверь гостеприимно приоткрыта. Не успели они постучать, как хозяин собственной персоной распахнул ее, громогласно приветствуя прибывших. Это был высокий, широкоплечий мужчина с румянцем во всю щеку и хрипотцой в голосе.

Его знаменитое «ну хватит!» повергало в ужас свидетелей, которые имели несчастье столкнуться с ним в суде, так как после этого он обычно в пух и прах разбивал все их предыдущие показания. С лордом Уимзи он был шапочно знаком, инспектора Паркера был рад приветствовать; под его восторженные возгласы гости проследовали в кабинет.

– Пока вы сюда добирались, я успел кое-что выяснить, – сказал он. – Ну не странно ли – люди, пишущие законы, сами не знают, что хотят в них сказать. Ха-ха! Как вы думаете, милорд, почему так происходит, а?

– Видимо, потому, что в законотворчестве принимают участие адвокаты, – ухмыляясь, ответил Уимзи.

– Которые делают все, чтобы у них было побольше работы, да? – добавил Тоукингтон и рассмеялся. – Похоже, вы правы. Адвокатам тоже надо жить. Ха-ха! Итак, Мерблес, давайте вернемся к вашему делу: расскажите мне о нем поподробнее, ладно?

Мерблес снова пересказал суть истории, предварительно выложив на стол генеалогическое древо и объяснив, что они пытаются найти мотив предполагаемого убийства.

– Ха-ха! – воскликнул Тоукингтон с довольным выражением на лице потирая руки. – Неплохо, очень неплохо! Ваша идея, лорд Питер? Какая изобретательность! Только подумайте! Правда, многих эта самая изобретательность приводит прямоком в Олд-Бейли. Смотрите, будьте осторожны, молодой человек, не то плохо кончите! Ха-ха! И так, Мерблес – что касается толкования слова «потомки» – в нем ведь все дело, так? Ха-ха! Так вот, вы, кажется, утверждали, что оно означает потомков *ad инфинитум*, то есть до бесконечности. Но почему? Откуда такой вывод, позвольте вас спросить?

– Я только сказал, что оно может иметь такое значение, – мягко возразил ему Мерблес. – Основным намерением авторов нового акта было исключить из числа наследников дальних родственников, сохранив право наследования лишь за потомками братьев и сестер завещателя.

– Намерение? – вскричал Тоукингтон. – Вы меня поражаете, Мерблес! Кого интересуют намерения! Что говорится в этом акте? В нем говорится: «братьям и сестрам завещателя и их потомкам». За отсутствием каких бы то ни было новых дефиниций, я должен заявить, что слово «потомок» следует толковать так же, как в предыдущем акте и остальных законах, касающихся частной собственности. Вы согласны?

– Да, – кивнул Мерблес.

– Тогда я не вижу оснований, чтобы внучатая племянница претендовала на наследство. А вы?

– Извините, – вступил в разговор Уимзи, – я понимаю, что мы, обыватели, кажемся вам юридически ужасно безграмотными, но не могли бы вы все-таки объяснить значение этого чертова слова? Вы оказали бы мне огромную услугу, честное слово!

– Ха-ха! И так, дело в следующем, – благосклонно произнес Тоукингтон. – До 1837 года...

– Королева Виктория, знаем-знаем, – блеснул эрудицией Питер.

– Совершенно верно. Так вот, когда королева Виктория только взошла на престол, у слова «потомок» не было никакого специального юридического значения – совсем никакого.

– Поразительно!

– Вы так считаете? – спросил Тоукингтон. – Вообще-то у многих слов нет специального юридического значения. Есть и такие, у которых юридическое значение сильно отличается от традиционного. Например, «признательные показания». Ничего общего с признательностью в традиционном смысле этого слова. Ха-ха! Кстати, советую никогда с ними не торопиться. И так, слова, не имеющие никакого специфического смысла в обыденной речи, в законе часто играют важную роль. Например, я могу сказать юноше вроде вас: «Значит, вы хотите завещать такую-то и такую-то собственность такому-то и такому-то». И вы запросто можете ответить: «Абсолютно верно». Но если вы включите это слово в свою духовную и напишете: «Завещаю такую-то и такую-то собственность такому-то в абсолютное пользование», – оно приобретет определенное юридическое значение и вполне может привести к путанице и прочим нежелательным результатам. Ха-ха! Теперь понятно?

– В общем и целом...

– Отлично. И так, до 1837 года слово «потомок» не имело специфического смысла. Дарственный акт в пользу и его потомства» просто означал передачу имущества в собственность этого N. Ха-ха! Но с принятием в 1837-м закона о правах собственности ситуация изменилась.

– Только в том, что касается завещаний, – добавил Мерблес.

– Именно так. После 1837-го словом «потомки» стали обозначать отпрысков, как вы говорили, *ad инфинитум* – в завещаниях. В прочих документах оно по-прежнему не имело специального юридического значения. Ха-ха! Это понятно?

– Да, – кивнул Мерблес, – и в случае, если завещание не было составлено...

– Я как раз подошел к этому, – сказал Тоукингтон.

– ...слово «потомки» все равно трактовалось как отпрыски любого колена, и так длилось вплоть до 1926 года.

– Стоп! – воскликнул Тоукингтон. – «Потомки ребенка или детей покойного», вне всякого сомнения, означало потомство *ad инфинитум* – но – «потомки человека, не являющегося ребенком покойного», означало только детей этого человека, а не их отпрысков тоже. Так говорилось в законе, действовавшем до 1926-го. А поскольку в новом акте не дается других толкований слова «потомок»,

мы должны придерживаться предыдущей дефиниции. Ха-ха! В случае, о котором мы с вами говорим, женщина, претендующая на наследство, не является ни ребенком покойной, ни потомком ребенка покойной; не является она и ребенком сестры покойной. Она всего лишь внучка покойной сестры мисс Доусон. Из чего я делаю вывод, что по новому акту у нее нет права наследования. Ясно? Ха-ха!

– Вполне, – сказал Мерблес.

– Более того, – продолжал Тоукингтон. – после 1925-го слово «потомок» не означает «потомство *ad infinitum*» не только в завещаниях, но и в других документах. Это официально подтверждено, и по этому пункту закон 1837 года претерпел изменение. Правда, прямого отношения к вашему делу это не имеет. Тем не менее, здесь можно усмотреть тенденцию современного толкования данного термина, что также повлияет на суд в случае, если будет рассматриваться дело о правах наследования такими вот «потомками» по новому акту.

– Не могу не воздать должное вашим обширным познаниям, – восхитился Мерблес.

– В любом случае, – вмешался Паркер, – сомнения, касающиеся вопроса о правах наследования, представляют собой такой же мотив для убийства, как и уверенность об отсутствии этих прав. Даже если Мэри Уиттакер просто подумала, что может потерять деньги, коли ее тетка доживет до 1926 года, у нее вполне мог возникнуть соблазн избавиться от престарелой родственницы немного раньше, просто на всякий случай.

– Очень может быть, – согласился Мерблес.

– Ловко, очень ловко, – добавил Тоукингтон. – Только вот ведь какое дело: ваша теория основана на том, что Мэри Уиттакер еще в октябре 1925-го была осведомлена о новом акте и последствиях, которые его принятие может повлечь в ее случае. Но откуда она могла все это узнать, а?

– Да откуда угодно, – сказал Уимзи. – Помню, я прочитал статью в *Ивнинг Боннер* за несколько месяцев до принятия нового Акта – его тогда как раз рассматривали во втором чтении. Я вспомнил о ней, когда услышал эту фразу – про таинственных наследников из заморских стран. Мэри Уиттакер тоже могла прочесть ту статью.

– Но если она прочла статью, то почему же она не обратилась за консультацией к юристу? – спросил Мерблес. – Кто ведет ее дела?

Уимзи покачал головой:

– Не думаю, что мисс Уиттакер пошла к своему юристу. Если она такая сообразительная, как я думаю, то вряд ли. Видите ли, если бы она обратилась к нему, а он бы ответил ей, что она не получит ничего, если только мисс Доусон не подпишет завещание или не скончается до января 1926-го, и если бы потом всплыл тот факт, что старушка очень кстати отправилась на тот свет в октябре 1925-го, опытный адвокат неизбежно заинтересовался бы этим совпадением. Это было бы весьма непредусмотрительно. Я думаю, что она должна была обратиться к кому-нибудь со стороны и, представившись чужим именем, задать ему пару-тройку вполне невинных вопросов.

– Возможно, возможно, – закивал головой Тоукингтон. – Задумай вы совершить преступление, вы бы преуспели – похоже, у вас талант!

– Ну, если бы я задумал совершить преступление, то принял бы все меры предосторожности, – ответил на это лорд Уимзи. – Преступники порой делают страшные глупости! Что же до мисс Уиттакер, то я довольно высоко оцениваю ее интеллектуальные способности. Она сумела тщательно замести все следы.

– А что, если она узнала о новом акте от мистера Пробина? – предположил Паркер. – В тот день, когда он явился к ним и пытался заставить мисс Доусон подписать завещание?

– Это сомнительно, – энергично возразил Уимзи. – Зато я уверен, что он очень старался втолковать старушке, почему без завещания не обойтись, но мисс Доусон была так напугана, что не стала его слушать. Думаю, старый Пробин – стреляный воробей. Вряд ли он мог намекнуть наследнице, что ее единственный шанс заполучить свои денежки – убрать с дороги тетку до вступления в силу нового закона. Вот вы бы сообщили ей на его месте, Тоукингтон?

– Нет, конечно, – ухмыльнулся адвокат.

– Это было бы крайне нежелательно, – согласился и Мерблес.

– В любом случае, – сказал Уимзи, – это легко проверить. Пробин сейчас в Италии – я собирался написать ему, но, возможно, будет лучше, если это сделаете вы, Мерблес. А мы с Чарльзом тем временем попытаемся выяснить, с кем мисс Уиттакер консультировалась по своему делу.

– Надеюсь, вы не забыли, – с ехидцей произнес Паркер, – что, прежде чем выяснять мотивы убийства, неплохо было бы убедиться, что таковое действительно имеет место? Пока что мы знаем, что два высококвалифицированных врача, проводивших вскрытие, единогласно подтвердили, что смерть мисс Доусон была совершенно естественной.

– Слушайте, Чарльз, сколько можно напоминать! Это становится утомительным. Вы как тот ворон, что с платана не слетает, не слетает и на статую Палласа все взирает, все взирает... – отвлекитесь уже! Подождите, скоро я публикую книгу: *Краткий справочник убийцы, или 101 способ вызвать естественную смерть*. Вам будет очень полезно ее прочитать.

– Жду не дождусь, – съязвил Паркер.

Однако на следующее утро он отправился к своему комиссару и сообщил, что считает необходимым всерьез взяться за расследование дела Агаты Доусон.

15

Искушение святого Петра

Пьеро. Скарамель, меня искушают.

Скарамель. Всегда поддавайтесь искушению.

Л. Хаусман. «Прюнелла»

На выходе из кабинета комиссара Паркера остановил младший офицер.

– Вам звонила какая-то дама, – сказал он. – Я просил ее перезвонить в 10.30, так что можно ждать звонка с минуты на минуту.

– Она представилась?

– Да. Какая-то миссис Форрест. Зачем звонит – не сказала.

«Странно», – подумал Паркер. Его расследование относительно роли миссис Форрест в деле Берты Гоутубед не привело ни к каким результатам, поэтому он на время выкинул даму в малиновой шляпке из памяти, решив вернуться к этому вопросу позднее. Внезапно ему пришла в голову мысль о том, что она, возможно, обнаружила у себя пропажу бокала и решила поручить розыски профессионалу. Его размышления были прерваны телефонным звонком – его спрашивала миссис Форрест.

– Это инспектор Паркер? Мне страшно неудобно вас беспокоить, но не могли бы вы дать мне адрес мистера Темплтона?

– Темплтона? – недоуменно переспросил Паркер.

– Да-да, Темплтона. Разве не так звали джентльмена, который приходил ко мне вместе с вами?

– Ах да... прошу прощения... я совсем забыл о том случае. Так вам нужен его адрес?

– У меня появились некоторые сведения, которые, я думаю, он будет рад услышать.

– Ну конечно. Вы можете свободно передать их мне.

– Ну, не совсем свободно, – донеслось из трубки, – вы все-таки лицо официальное, знаете ли. Я предпочла бы написать мистеру Темплтону в частном порядке, а уж он, если захочет, пусть расскажет обо всем вам.

– Ясно. – Мозг Паркера заработал с удвоенной скоростью. Пожалуй, не стоило советовать миссис Форрест написать мистеру Темплтону по адресу 110А, Пикадилли. Вряд ли это письмо найдет своего адресата. А если она заглянет туда и обнаружит, что портье не знает никакого мистера Темплтона, то забудет тревогу и скроется вместе с ценной информацией.

– Мне кажется, – сказал Паркер, – я не должен давать вам адрес мистера Темплтона, не спросив у него разрешения на это. Но вы можете позвонить ему...

– О да, вы совершенно правы. Он есть в справочнике?

– Нет, но я дам вам его номер.

– Большое спасибо. Простите, что я вас беспокою...

– Ну что вы, никакого беспокойства. – И Паркер ничтоже сумняшеся продиктовал ей телефон лорда Уимзи, что было весьма опрометчиво: ведь мнимая миссис Форрест немедля по справочнику установит, чей это номер на самом деле.

Дав отбой, Паркер сам позвонил по этому номеру.

– Слушайте, Уимзи, – сказал он, – я только что разговаривал с миссис Форрест. Она хотела написать вам. Адреса я не дал, но дал телефон, так что, если она позвонит и спросит мистера Темплтона, не забудьте, что это вы и есть.

– Чудненько! Любопытно, что понадобилось нашей прекрасной леди?

– Вероятно, она сообразила, что ее история была далека от совершенства, и решила внести в нее кое-какие поправки.

– Этак она запросто себя выдаст. Любой схематичный набросок всегда убедительнее тщательно проработанной картины.

– Согласен с вами.

– На самом деле, мне кажется, она сообразила, что Скотленд-Ярд навряд ли стал бы уделять столько внимания похождениям неверного мужа. И решила, что из такого мягкотелого дурня, как я, она, в отсутствие цербера-полицейского, запросто выжмет нужную ей информацию.

– Возможно. Тогда вы разбирайтесь с ней, а я пока займусь поисками того нотариуса.

– Задача не из легких, не так ли?

– У меня есть одна идея, надеюсь, она сработает. Сообщу, если будут результаты.

Миссис Форрест позвонила спустя двадцать минут. Она изменила свое мнение: «Не сможете ли вы, мистер Темплтон, зайти ко мне этим вечером, часиков в девять, если это вас устроит? Мне хотелось бы поговорить с вами лично – я не могу доверить свою конфиденциальную информацию бумаге».

Мистер Темплтон с удовольствием принял ее приглашение. Этим вечером он совершенно свободен. Время его полностью устраивает. Он очень обязан миссис Форрест.

«Может быть, вы, мистер Темплтон, будете столь великодушны, что сохраните свой визит в тайне? Мистер Форрест и его ищейки все еще следят за мной, а соглашение о разводе должно быть подписано лишь в конце месяца. Мне сейчас совсем не нужны неприятности. Будет лучше, если вы доедете на метро до Бонд-стрит, а затем пешком дойдете до моего дома: если вы поедете на машине, ее придется оставить у подъезда, что вызовет подозрения, а если возьмете такси, то потом водитель сможет свидетельствовать против меня», – елейным голоском пояснила миссис Форрест.

Мистер Темплтон, как настоящий рыцарь, обещал последовать ее указаниям.

Миссис Форрест сказала, что будет ждать его в девять часов.

– Бантер!

– Да, милорд?

– Я ухожу. Меня просили не говорить куда, так что я не скажу. С другой стороны, мне не хотелось бы исчезнуть бесследно с лица земли – выражаясь фигурально, – поэтому я в запечатанном конверте оставляю адрес. Если я не вернусь до завтрашнего утра, меня можно будет считать свободным от моих обязательств, не так ли?

– Совершенно верно, милорд.

– Если по этому адресу меня не будет, думаю, придется поискать где-нибудь в другом месте – например, в Эппингском лесу или Уимблдон-Коммон.

– Очень хорошо, милорд.

– Кстати, вы сфотографировали отпечатки пальцев, которые я передал вам некоторое время назад?

– О да, милорд.

– Потому что, возможно, мистеру Паркеру они понадобятся для расследования, которое ему придется провести.

– Ясно, милорд.

– Это не имеет никакого отношения к моему сегодняшнему походу, вы понимаете?

– Безусловно, милорд.

– А сейчас принесите мне каталог Кристи. Я собираюсь пойти на аукцион, а потом пообедать в клубе.

И, выбросив из головы предстоящий визит, лорд Уимзи направил свои интеллектуальные и финансовые возможности на то, чтобы, повышая ставки, заставить раскошелиться своих оппонентов – задача, как нельзя лучше соответствовавшая его озорному настроению.

Питер – мистер Темплтон – честно выполнил данное обещание и пешком добрался до дома на Южной Одли-стрит. Как и в первый раз, миссис Форрест сама открыла Дверь. Тот факт, что у нее, по всей видимости, не было ни служанки, ни компаньонки, на первый взгляд показался ему весьма необычным. Однако затем лорд Уимзи решил, что наличие дуэньи хотя и оправдывало бы миссис Форрест в глазах общества, но при определенных обстоятельствах могло бы оказаться для нее губительным. Похоже, эта дама придерживалась вполне здравого принципа: никаких сообщников. Многие злоумышленники, вспомнилось ему, «погибли вотще, не сумев соблюсти правил простых – их не больше пяти».

Миссис Форрест извинилась за то, что доставила мистеру Темплтону столько неудобств.

– Видите ли, я никогда не знаю, следят за мной или нет, – объяснила она. – Чистой воды издевательство. С учетом того, как муж обращался со мной, пока мы жили вместе, это просто чудовищно.

Ее гость согласился, что мистер Форрест должен быть настоящим чудовищем, хотя про себя и заметил, что чудовище это, скорее всего, вымышленное.

– Итак, вы, наверное, гадаете, зачем я пригласила вас сюда, – продолжала очаровательная леди. – Прошу вас, присядьте. Да-да, на диван. Что вам предложить: виски, кофе?

– Кофе, если можно.

– Дело в том, – сказала миссис Форрест, – что с тех пор, как мы виделись с вами, у меня появилась информация по поводу того дела. Я сама была в похожем положении (легкая усмешка)... и очень сочувствую жене вашего друга.

– Сильвии, – проворно вставил Уимзи. – О да! Она, конечно, женщина резкая, но в данном случае у нее были все основания так себя вести. Бедняжка! Ужасно чувствительная – до сих пор не может прийти в себя, знаете ли.

– Еще бы. – Миссис Форрест покачала головой в причудливом тюрбане. Замотанная по самые брови в золотистую ткань, с двумя полумесяцами осветленных волос, прилепленными к щекам, в экзотическом восточном костюме, украшенном вышитыми драконами, она выглядела как юный принц из сказок «Тысячи и одной ночи» Ее пальцы, унизанные кольцами, так и порхали над кофейными чашками.

– Так вот, я очень серьезно отнеслась к вашим словам, и хотя – как я уже говорила – это не имело никакого отношения ко мне, я заинтересовалась этим делом и упомянула о нем в письме к своему другу – тому, который был у меня тем вечером.

– О, – произнес Уимзи, принимая чашку с кофе из ее рук, – очень мило с вашей стороны.

– Он – мой друг – сейчас находится за границей. Письмо не сразу попало к нему, поэтому ответ пришел только сегодня. – Миссис Форрест несколько раз отпила из чашки, словно пытаясь собраться с мыслями, и продолжала: – Его письмо меня слегка удивило. Он напомнил мне, что после ужина ему стало душно, и он открыл в гостиной окно – вот это, – которое выходит на Одли-стрит. Под окном он заметил машину – небольшую, с поднятым верхом, черную или темно-синюю, в общем, темную. И вот, пока он глядел на нее – просто так, знаете, как это бывает, – из дома вышли мужчина и женщина, но не из нашего подъезда, а из другого – на один или два левее, – сели в машину и уехали. Мужчина был в смокинге, и мой друг решил, что это мог быть ваш знакомый.

Лорд Питер, поднесший было чашку к губам, замер, внимательно прислушиваясь к ее рассказу.

– А девушка тоже была в вечернем платье?

– Нет – и это моему другу показалось особенно странным. Она была в обычном темном костюме и шляпке.

Лорд Питер постарался поподробнее вспомнить одежду Берты Гоутубед. Неужели он наконец-то докопался до правды?

– Хм... это очень интересно, – пробормотал он. – А больше ваш друг ничего не запомнил?

– Нет, – миссис Форрест с сожалением вздохнула, – но он пишет, что мужчина обнимал девушку за талию, словно она нехорошо себя чувствовала, и говорил: «Свежий воздух пойдет тебе на пользу». Но вы не пьете ваш кофе!

– Прошу прощения. – Уимзи отвлекся от своих размышлений. – Я пытался кое-что сопоставить, так сказать, сложить два и два. Ах да, кофе... Вы не будете против, если я вылью этот и попрошу вас налить мне другой, без сахара?

– О, прошу прощения! Мне казалось, мужчины всегда пьют черный кофе с сахаром. Дайте мне чашку – я его вылью.

– Позвольте, я сам. – На столе не было мисочки для опивок, поэтому Уимзи быстро вскочил на ноги и вылил кофе в цветочный ящик, стоявший на подоконнике. – Вот и все. А как вы – выпьете еще чашечку?

– Благодарю, для меня это слишком – потом не смогу уснуть.

– Совсем немного!

– Ну что ж, если вы настаиваете. – Она наполнила обе чашки и отпила из своей. – Собственно, это все, что я хотела вам рассказать. Думала, вы захотите знать.

– Весьма любезно с вашей стороны, – сказал Уимзи. Они еще немного поговорили – о театре («я, знаете ли, редко выбираюсь из дому; все из-за этого бракоразводного процесса») и книгах («обожаю Мишеля Арлена»). «Читали ли вы *Влюбленных юношей?*» – «Нет – совсем недавно заказала их в библиотеке. Может быть, вы мистер Темплтон. Хотите чем-нибудь перекусить? Выпить? Бренди? Ликер?» «Нет, благодарю вас. Кажется, мне уже пора спать».

– Нет, прошу вас! В эти длинные вечера чувствуешь себя такой одинокой! – В ее голосе сквозило отчаяние. Лорд Уимзи снова сел на диван.

Миссис Форрест начала сбивчивый и путаный рассказ о своем «друге». Она стольким пожертвовала ради него! А сейчас, когда развод стал почти что свершившимся фактом, у нее появилось ужасное чувство, что ее друг уже не так пылок с ней, как в былые времена. Женщины переживают такое очень тяжело, да и вообще жизнь – нелегкая штука.

И так далее, и тому подобное.

Минуты летели, и у Питера возникло неприятное чувство, что она пристально наблюдает за ним. Она говорила торопливо, перескакивая с темы на тему, но как-то безжизненно, принужденно, тогда как выражение ее глаз свидетельствовало о том, что она тянет время, будто дожидается чего-то. Она напоминала ему человека, которому предстоит хирургическая операция: он знает, что ему станет лучше, но все равно тревожится за ее исход. Кое-как он поддерживал этот бессмысленный разговор, при этом перебирая в голове разные объяснения странному поведению собеседницы. Внезапно он осознал, что она – неуклюже, перебарывая себя – пытается соблазнить его. Сам по себе этот факт не показался Уимзи особенно удивительным. Он был достаточно богат, хорошо воспитан и привлекателен для того, чтобы за свои тридцать семь в достатке получать подобные авансы. И не всегда от женщин опытных. Ему встречались и совсем наивные, и те, кто старательно имитировал наивность. Однако столь неприкрытое заигрывание со стороны женщины, у которой, по ее собственным словам, имелись и муж и любовник, выходило за рамки всех его предыдущих опытов. Кроме того, она не вызвала в нем никакой ответной реакции. Миссис Форрест казалась достаточно милостивой, однако, она отнюдь не привлекала его. Несмотря на яркий макияж и необычное одеяние, она выглядела какой-то бесполой. Паркер – человек с жесткими представлениями о морали и ограниченным кругозором – не был чувствителен к эманациям подобного рода. Уимзи же сразу уловил в ней холодность, еще сильнее давшую о себе знать именно сейчас. Никогда еще он не встречал женщины, в которой «великое Нечто», столь превозносимое миссис Элинор Глин, отсутствовало бы столь бесповоротно.

Она прижалась к нему обнаженным плечом, и с него на черную ткань пиджака посыпались белые хлопья пудры.

Первым делом лорд Уимзи подумал о шантаже. В следующий момент на пороге должен был возникнуть приснопамятный мистер Форрест или некто, представляющий его интересы, пылающий праведным гневом и в растрепанных чувствах.

«Какая незамысловатая ловушка», – подумал Уимзи, а вслух добавил:

– Ну, мне и в самом деле пора идти.

Она схватила его за руку:

– Не уходите!

В ее жесте не было теплоты – только отчаяние. Он подумал, что ей не помешало бы немного

попрактиковаться.

– Поверьте, – сказал Питер, – я не могу остаться. Да и вам так будет безопаснее.

– Ради вас я готова рискнуть, – громко прошептала она.

Женщина страстная произнесла бы это горячо. Или задорно. Или решительно. Или вызывающе. Или загадочно.

Она же прошептала это зловещим тоном. Ее ледяные пальцы вцепились в его запястье.

«Ладно, черт с тобой, рискну, – подумал Уимзи. – Надо же узнать, в чем тут дело».

– О, бедная малышка. – Он произнес эти слова хрипловато, с придыханием, притворяясь, будто не в силах сдержать обуявшее его влечение.

Когда он положил руку миссис Форрест на плечи, ее тело напряглось, однако из груди вырвался вздох облегчения.

Он привлек ее к себе и поцеловал в губы, умело имитируя необузданную пылкость.

И тут же все понял. Единожды познавшему этот спазм отвращения, неконтролируемое движение плоти, отвергающей нежеланную ласку, невозможно спутать ни с чем. На мгновение ему показалось, что ее сейчас стошнит.

Он медленно разжал объятия и поднялся – смущенный и одновременно торжествующий. Инстинкт и на сей раз его не подвел.

– Я не должен был этого делать, – сказал лорд Уимзи. – Вы должны меня извинить. Вы не сердитесь, правда?

Она покачала головой, потрясенная.

– А теперь мне и правда пора. Ужасно поздно, и вообще... Где же моя шляпа? Ах да, в прихожей. Ну, прощайте, миссис Форрест, берегите себя. Большое спасибо, что сообщили о письме вашего друга.

– Вы в самом деле хотите уйти?

Она говорила так, словно потеряла последнюю надежду.

«Бог ты мой, – подумал Уимзи, – что же ей все-таки нужно? Конечно, она догадалась, что мистер Темплтон – вовсе не тот, за кого себя выдает. Или она собиралась задержать меня на ночь, чтобы изучить метки из прачечной на моей рубашке? А что, если взять и вручить ей визитную карточку лорда Питера Уимзи?»

Мысли с бешеной скоростью крутились у него в голове. Миссис Форрест не сказала больше ни слова.

Выйдя на лестницу, Уимзи обернулся. Она стояла посреди комнаты и смотрела ему вслед с такой ненавистью, что кровь заледенела у него в жилах.

16

Железное алиби

Ах, Либи, Либи, зачем тебе алиби?

«Пиквикская газета»

Наконец-то мисс Уиттакер, а также младшая мисс Файндлейтер вернулись из экспедиции. Мисс Климпсон, эта дотошная сыщица, вооружившись, словно талисманом, письмом лорда Уимзи, пригласила мисс Файндлейтер на чай.

В сущности, она искренне заинтересовалась девушкой. Аффектированность и порывистость Веры Файндлейтер, бесконечное повторение затверженных фраз с претензией на «эмансипированность» – все эти симптомы были хорошо знакомы мисс Климпсон, всю жизнь прожившей в статусе старой девы. По ее мнению, они говорили о том, что девушка глубоко несчастна и утомлена монотонным существованием в провинциальном городке. Кроме того, мисс Климпсон полагала, что Вера стала легкой добычей для прозорливой Мэри Уиттакер. «Отношения с положительным молодым

мужчиной, – думала она, – куда больше пошли бы ей на пользу. Нет ничего страшного в том, что школьница... слегка влюбится в свою подругу, однако для женщины двадцати двух лет это крайне нежелательно. Конечно, хитрая Мэри Уиттакер поощряет ее. Ей приятно иметь рядом с собой кого-то, кто восхищается ею и готов исполнять все ее поручения. И уж конечно, это должен быть человек не самый умный – который не сможет затмить ее. Если бы Мэри Уиттакер задумала выйти замуж, ей подошел бы разве что кролик». (Живое воображение мисс Климпсон быстро нарисовало образ подобного мужчины: лысеющего, с брюшком, за каждым словом повторяющего «мне надо посоветоваться с женой».)

Мисс Климпсон задавалась вопросом, с какой целью Провидение создает таких мужчин. По ее мнению, мужчина должен быть уверенным в себе, даже если рука об руку с этой уверенностью идет глупость или злоба. В старую деву она превратилась не по собственной воле, а в результате сложившихся обстоятельств, в противном случае из нее могла бы выйти идеальная супруга.

«Однако, – размышляла мисс Климпсон, – Мэри Уиттакер не из тех женщин, что выходят замуж. По природе она больше склонна к профессиональной деятельности. Кстати, у нее же есть профессия, только почему-то она не хочет возвращаться к ней. Возможно, для ухода за больными нужно иметь больше милосердия и сочувствия, кроме того, медсестре приходится подчиняться врачам. А Мэри Уиттакер, похоже, предпочитает командовать сама – пусть даже курами. «Лучше царить в аду, чем прислуживать в раю». О мой бог! Похоже, я только что сравнила одну из дочерей Евы с дьяволом! Как я могла позволить себе такое? Это допустимо разве что в поэзии. Тем не менее я уверена, что дружба с Мэри Уиттакер не обещает Вере Файндлейтер ничего хорошего».

Гостя мисс Климпсон охотно приступила к рассказу о месяце, проведенном в деревне. Сначала они пару дней объезжали местность, а потом услышали о восхитительной птицеферме, выставленной на продажу, – близ Орпингтона в Кенте. Они сразу же решили отправиться туда и взглянуть на нее, но по прибытии узнали, что ферма должна быть продана не позднее, чем через две недели. Конечно, неразумно было бы сразу бросаться покупать, и тут, по счастливому стечению обстоятельств, им удалось найти небольшой меблированный коттедж, расположенный неподалеку от фермы. Они арендовали его на несколько недель, и мисс Уиттакер занялась изучением состояния птицеводства в этом районе, особенностями самой фермы и тому подобным. Было так чудесно жить вместе и самим вести дом, вдали от этого глупого народца в Лихемптоне.

– Безусловно, мисс Климпсон, вас я не имею в виду. Вы приехали из Лондона и смотрите на вещи гораздо шире. Но все остальные в нашем городе – уф, терпеть их не могу! И Мэри согласна со мной.

– Это и правда чудесно, – отвечала мисс Климпсон, – вырваться из привычной среды, особенно в приятной компании.

– О да, мы с Мэри стали лучшими подругами, хотя она, конечно, намного умнее меня. Мы твердо решили, что купим ферму и будем управлять ею совместно. Разве это не замечательно?

– Но как вы, две девушки, будете жить совершенно одни? Вы не боитесь заскучать? Не стоит забывать, что в Лихемптоне вас постоянно окружали люди. Разве вам не будет недоставать тенниса, общения с молодыми людьми и прочего в этом роде?

– Ну уж нет! Если бы вы только знали, до чего они все глупы! И вообще, мы не нуждаемся в мужчинах. – Мисс Файндлейтер покачала головой. – Они страшно тщеславны. Смотрят на женщину, как на игрушку или комнатную собачку. Мэри одна стоит пятидесяти таких! Вы бы слышали, как этот индеец Маркхем рассуждал о политике с мистером Тредголдом, тараторил так, что никто слова не мог вставить, а потом и говорит: «Боюсь, эта тема скучновата для вас, мисс Уиттакер» – таким снисходительным тоном. А Мэри спокойно так ему отвечает: «О, это не тема скучновата, мистер Маркхем»; он-то ничего не понял и продолжает: «Конечно, дамам совсем ни к чему разбираться в политике. Если, конечно, они не какие-нибудь суфражистки». Подумайте только! И с чего это мужчины решили, что могут свысока отзываться о женщинах?

– Очевидно, они просто завидуют нам, – отвечала мисс Климпсон задумчиво, – а зависть делает людей раздражительными и неучтивыми. Думаю, что, когда некто пытается относиться свысока к какой-либо группе людей, но одновременно в глубине души подозревает, что не имеет на это никаких оснований, он начинает демонстрировать подчеркнуто пренебрежительное отношение к ним. Вот почему, моя дорогая, я всегда слежу за тем, чтобы не говорить презрительно о мужчинах – даже если они этого заслуживают. Поступай я так, меня немедленно сочли бы завистливой старой

девой, так ведь?

– Ну я все равно не собираюсь выходить замуж, – заявила на это мисс Файндлейтер. – Мы с Мэри уже все решили. Нас интересуют деловые вопросы, а не мужчины.

– И вы уже даже попробовали жить вместе, – сказала мисс Климпсон. – Провести вдвоем целый месяц – разве это не испытание для дружбы? А кто помогал вам выполнять работу по дому? У вас была служанка?

– О нет! Никого не было! Мы все делали сами – так забавно! Я научилась отлично выскребать полы и растапливать камин, а Мэри к тому же оказалась замечательной кулинаркой. Такая перемена после всех этих слуг, вечно бродящих по дому. Конечно, дом был современный, со всеми удобствами – кажется, он принадлежит каким-то актерам, в общем, людям из театра.

– А чем вы занимались в свободное время?

– Ну, ездили на машине по окрестностям, смотрели разные места, обходили рынки. На рынках очень интересно – видишь столько всяких фермеров и вообще разных людей. Я, конечно, и раньше посещала рынки, но с Мэри было гораздо веселее, и потом мы прикидывали, где будем продавать собственные товары, когда настанет время.

– А в Лондон вы не заезжали?

– Нет.

– А я думала, вы воспользуетесь возможностью ненадолго заскочить туда.

– Мэри ненавидит Лондон.

– А вы! Разве вам не хотелось там побывать?

– Не особенно. Не в этот раз. Я всегда думала, что мне хочется посмотреть мир, но это оказались просто капризы мятущейся души – так бывает, когда у женщины нет настоящего занятия.

Мисс Файндлейтер произнесла эти слова с видом человека, уставшего от жизни и пресытившегося впечатлениями. Мисс Климпсон сдержала улыбку – ей необходимо было сохранить свое положение confidentки.

– Итак, вы постоянно были вместе – каждую минуту?

– Совершенно верно. И ни на мгновение не заскучали друг с другом.

– Что ж, это означает, что ваш эксперимент увенчался успехом, – сказала мисс Климпсон. – А вы не думали о том, что, когда вы начнете постоянно жить вместе, вам понадобятся небольшие паузы? Смена общества иногда требуется каждому. Я знавала немало дружеских союзов, распавшихся именно из-за того, что люди слишком много времени проводили вместе.

– Значит, это была не настоящая дружба, – наставительным тоном произнесла девушка. – Мэри и я полностью счастливы друг с другом.

– И все же, – продолжала мисс Климпсон, – надеюсь, вы не обидитесь, если пожилая женщина позволит себе предупредить вас кое о чем. Не старайтесь находиться рядом каждую минуту. Предположим, мисс Уиттакер захочет передохнуть и съездить одна на пару дней в Лондон или навестить друзей – вам придется научиться не обижаться на нее за это.

– Ну конечно, я не буду обижаться. То есть... – Она прислушалась к себе. – Я хочу сказать, что Мэри предана мне точно так же, как и я ей.

– Не сомневаюсь в этом. – Мисс Климпсон вздохнула. – Чем дольше я живу, моя дорогая, тем больше убеждаюсь, что ревность – самое фатальное из всех чувств. В Библии говорится, что она «жестока, словно могила», и это действительно так. Абсолютная преданность без тени ревности – вот главное в вашем случае.

– Да. Хотя, конечно, узнать, что тебе предпочли другого человека – предпочел твой друг, которому ты был так безраздельно предан... Мисс Климпсон, а как вы считаете, в дружбе возможно быть полностью на равных?

– Тогда это идеальная дружба, – ответила мисс Климпсон, – но, по-моему, она встречается крайне редко. Я имею в виду – среди женщин. Мне, например, еще никогда не приходилось сталкиваться с такой. А вот у мужчин она действительно бывает – возможно, потому, что у них, кроме дружбы, есть и другие интересы.

– Мужская дружба – бог ты мой! Да уж, слышала я о такой. Ни за что не поверю, что это и есть настоящая дружба. Мужчина может уехать на целые годы и напрочь забыть всех своих друзей. И потом – они никогда не открывают друг другу душу. А вот я рассказываю Мэри все, и она мне тоже.

Мужчины просто считают, что их приятели – славные парни, но что они знают о душе?!

– Возможно, именно поэтому им удастся оставаться друзьями, – улыбнулась мисс Климпсон. – Они не столь требовательны друг к другу.

– Однако настоящая дружба обязывает нас быть требовательными, – с готовностью вскричала мисс Файндлейтер. – Например, для меня дружба – это все. Удивительно, как она украсила мою жизнь. Вместо того чтобы сосредоточиться на себе, человек сосредоточивается на ближнем – разве это не чудесно? Именно это я и называю христианской любовью – когда один человек готов умереть ради другого.

– Ну, не знаю, – возразила мисс Климпсон. – Однажды я слушала проповедь как раз на эту тему – ее читал один замечательный священник. Так вот, в ней говорилось, что такая любовь вполне может перейти в идолопоклонство. Он говорил, что слова Мильтона о Еве: «Он – одному Богу, Она – Богу в нем» – идут вразрез с католической доктриной. Важно во всем соблюдать меру, а разве это мера, когда один человек смотрит на все глазами другого?

– Конечно, Господь всегда должен оставаться на первом месте, – прохладно согласилась мисс Файндлейтер. – Однако если дружба взаимна – а мы говорим именно о такой, – то она никак не может пойти во вред.

– Любовь хороша в том случае, если это любовь правильного свойства, – продолжала гнуть свое мисс Климпсон, – но я не думаю, что она должна быть собственнической. Вам надо постараться... – Она заколебалась, но потом набралась решимости и произнесла: – Видите ли, дорогая, мне все-таки кажется, что гораздо лучше – естественнее, скажем так, – когда спутниками становятся мужчина и женщина, а не люди одного пола. Такой союз обычно бывает гораздо более плодотворным, – слегка игривым тоном добавила она, – и я уверена, что когда на вашем горизонте появится подходящий мужчина...

– Мне не нужен никакой мужчина! – гневно воскликнула мисс Файндлейтер. – Ненавижу подобные разговоры! Чувствуешь себя коровой, которую привели продавать на сельскую ярмарку, честное слово! В наше время только ограниченные люди могут думать так.

Мисс Климпсон подумала, что в порыве искреннего сочувствия отвлеклась от обязанностей детектива и чуть было не лишилась расположения своего информатора. Ей пришлось немедленно сменить тему разговора. Тем не менее, она могла верить лорда Питера в одном: кого бы ни увидела миссис Кроппер в Ливерпуле, это была не Мэри Уиттакер. Гарантом тому выступала Вера Файндлейтер, ни на миг не отходившая от нее.

17

История провинциального адвоката

И тот, кто дал нам новых правителей, может дать нам и новые законы.

Уизер. «Рассуждения человека, довольного жизнью»

Письмо от мистера Пробина, адвоката в отставке, Вилла Бьянка, Фьезоле, мистеру Мерблесу, адвокату, в Стейпл-Инн

Только для Вашего сведения.

Уважаемый сэр, я внимательно прочел Ваше письмо, касающееся смерти мисс Агаты Доусон из Лихемптона, и постараюсь как можно точнее ответить на Ваши вопросы с тем условием, что сведения о делах моей бывшей клиентки, которые я собираюсь сообщить, будут сохранены в строгой тайне. Я делаю для вас исключение потому, что Вы обратились ко мне с запросом от лица офицера полиции, занимающегося расследованием этого случая.

Итак, Вас интересует: 1) знала ли мисс Агата Доусон о том, что, в соответствии с новым актом, если она хочет быть уверена, что мисс Уиттакер унаследует ее имущество, ей необходимо составить завещание; 2) обсуждал ли я с ней вопрос составления завещания и какова была ее реакция; 3) поставил ли я мисс Мэри Уиттакер в известность о положении, в котором она может оказаться, если ее тетка скончается позднее 31 декабря 1925 года, не оформив завещания?

Итак, весной 1925 года один из моих знакомых юристов обратил внимание на некоторую расплывчатость формулировок в новом акте; в особенности это касалось термина «потомки». Я немедленно пересмотрел дела всех своих клиентов, чтобы убедиться, что они сделали необходимые распоряжения, которые позволят избежать судебных тяжб по вопросам наследования. В процессе этого пересмотра мне стало ясно, что наследование мисс Уиттакер собственности Агаты Доусон полностью зависит от интерпретации термина «потомки», использованного в новом законе. Я знал, что мисс Доусон, преследуемая страхом смерти, с которым нам в нашей профессии часто приходится сталкиваться, упорствовала в своем нежелании составить завещание. Тем не менее, я решил, что должен разъяснить ей ситуацию и сделать все, что в моих силах, чтобы завещание было подписано. С этой целью я и прибыл в Лихемптон; точную дату моего визита я назвать не могу – кажется, 14 марта.

К сожалению, я застал мисс Доусон в тот момент, когда ее сопротивление самой идее подписания завещания достигло апогея. Доктор недавно проинформировал ее о том, что скоро ей потребуется новая операция, которая должна будет состояться через несколько недель; для обсуждения вопросов, связанных с ее возможной кончиной, момент был самый неблагоприятный. Она не хотела даже думать о смерти и утверждала, что окружающие плетут заговор, надеясь запугать ее до такой степени, чтобы она не пережила предстоящую ей операцию. Похоже, что бестактная медсестра строила в ее присутствии подобные предположения перед первой операцией – однако мисс Доусон пережила ее и рассчитывала пережить вторую, если только ее не будут пугать и тревожить.

На самом деле, случись ей действительно умереть во время операции, необходимость в завещании отпадала сама собой.

Я указал мисс Доусон на это, объяснив, что прошу ее подписать завещание именно потому, что не сомневаюсь в благополучном исходе операции, и еще раз, с максимальной ясностью, растолковал ей положения нового акта. Она ответила, что в таком случае мне вообще не надо было приезжать и беспокоить ее этими разговорами. У нее будет достаточно времени, когда Акт о праве собственности вступит в силу.

Дело в том, что ее врач настоял на том, чтобы ей не сообщали, какой болезнью она страдает, – они всегда так делают, – поэтому она была уверена, что вторая операция поставит ее на ноги и что она проживет еще много лет. Когда я попытался настаивать – говоря, что мы, юристы, предпочитаем, чтобы все было прояснено и четко оформлено, – она пришла в ярость и практически выставила меня из дома. Через несколько дней я получил от нее письмо: она обвиняла меня в неуважении и сообщала, что больше не может доверять человеку, который повел себя с ней так грубо. По требованию мисс Доусон я передал ее дела мистеру Ходжсону из Лихемптона и с тех пор не поддерживал никаких связей с ней или другими членами семьи.

На первых два ваших вопроса я ответил. Что же касается третьего, то я совершенно точно не считал нужным ставить мисс Уиттакер в известность о том, что она гарантированно получит наследство только в том случае, если ее тетка либо умрет до 31 декабря 1925 года, либо подпишет завещание. Хотя у меня и не было повода заподозрить юную леди в злонамеренности, я всегда придерживался того мнения, что потенциальным наследникам не нужно знать в точности, на что они могут рассчитывать в случае неожиданной кончины наследодателя. Если смерть произойдет при необычных обстоятельствах, они окажутся в сложном положении, а факт подобной осведомленности будет говорить против них.

Единственное, что я считал нужным сделать, – это сообщить ей о своей готовности прибыть в их дом по первому требованию, в любое время дня и ночи. Конечно, передача бумаг мисс Доусон в руки другого нотариуса положила конец моему участию в этом деле.

В октябре 1925 года мое здоровье пошатнулось; я решил оставить свою должность и переехать в Италию. Британские газеты в эту страну поступают нерегулярно, поэтому я пропустил сообщение о смерти мисс Агаты Доусон. Но то, что она произошла столь внезапно и при обстоятельствах, которые можно назвать загадочными, безусловно, насторожило меня.

Вы хотели также узнать мое мнение о состоянии рассудка мисс Агаты Доусон на момент нашей с ней последней встречи. Так вот, она была в здравом уме и трезвой памяти – по крайней мере настолько, чтобы самостоятельно заниматься дедами. Безусловно, юридические тонкости не были ее сильной стороной, поэтому мне пришлось приложить немало усилий, чтобы объяснить ей, к каким последствиям может привести принятие нового акта. Будучи всю жизнь уверена, что наследство всегда переходит к следующему по степени родства, старая леди не допускала и мысли, что такое положение может измениться. Мисс Доусон утверждала, что правительство никогда не примет этот закон. Я попытался внушить ей, что именно так и будет, но на это она ответила, что в судах сидят разумные люди, которые в любом случае не допустят, чтобы ее деньги и недвижимость наследовал кто-либо кроме Мэри Уиттакер, какие бы новые законы ни принимал парламент. «Почему это герцогство Ланкастерское должно получить мои деньги? – упрямо повторяла она. – Я даже незнакома с герцогом». Несмотря на приложенные усилия, я не был уверен, что она до конца поняла то, что я ей говорил о выморочной собственности, если не будет написано и подписано ею грамотное завещание. Но она всеми силами старалась положить конец обсуждению этой неприятной темы.

Тем не менее, у меня не возникло никаких сомнений в том, что она пребывала целиком и полностью в своем уме. Подписание же завещания казалось мне необходимым потому, что я опасался за исход операции, в результате которой она могла утратить дееспособность, например, находясь под постоянным воздействием опиатов.

Надеюсь, я сообщил Вам все, что Вы хотели узнать.

Искренне Ваш

Т. Пробин

Мерблес дважды внимательно перечитал это письмо. При всей своей осторожности, он не мог отделаться от мысли, что случай со смертью мисс Доусон все больше напоминал уголовное дело. Мелким старческим почерком он набросал короткую записку инспектору Паркеру, в которой просил его при первой же возможности заглянуть в Стейпл-Инн.

Увы, таковая возможность представилась Чарльзу не сразу. Два дня подряд он обходил нотариальные конторы, его уже подташнивало при виде очередной медной таблички на дверях. Периодически он вытаскивал из кармана список и безнадежно подсчитывал количество контор, которые ему еще предстояло посетить.

Паркер был человеком педантичным и усердным. Когда они с Уимзи совместно расследовали какое-либо дело, по молчаливому уговору само собой разумелось, что всю муторную, кропотливую, утомительную работу должен проделывать именно он. То, что лорд Уимзи спокойно перекладывал эти занудные обязанности на плечи дотошного инспектора Скотленд-Ярда, иногда здорово раздражало Паркера. Так было и на сей раз. День выдался жаркий. На мостовых толстым слоем лежала пыль. Ветер гонял по улицам обрывки бумаги. Раскаленные автобусы были битком набиты пассажирами. Небольшое кафе, в которое Паркер заскочил, чтобы перекусить на скорую руку, насквозь провоняло жареной камбалой и спитым чаем.

Уимзи же, как было известно нашему инспектору, обедал в тот день у себя в клубе, а затем вместе с Фредди Арбатнотом собирался смотреть каких-то новозеландцев. Паркер столкнулся с ним, когда милорд в элегантном сером костюме беззаботно фланировал по Пэлл-Мэлл. Чертов Уимзи! Почему бы ему не успокоиться самому и не оставить в покое эту мисс Доусон? Пусть бы лежала себе в могиле – так нет же, Уимзи влез в это дело и довел его до такой стадии, когда Паркеру волей-неволей пришлось заниматься им. А теперь еще эти бесчисленные нотариусы!

Паркер действовал по собственной системе, которая могла принести плоды – но могла и не принести. Он еще раз изучил новый Акт о праве собственности и пришел к заключению, что, ознакомившись с ним, мисс Уиттакер непременно должна была посоветоваться с опытным юристом.

Первым делом она наверняка подумала бы о тех, кто жил в Лихемптоне, и обратилась бы к ним – если только мысль об убийстве уже тогда не засела у нее в голове. Соответственно, прежде всего Паркер отправился в Лихемптон и поговорил с тремя нотариусами, занимавшимися собственностью и практиковавшими в городке. Все трое утверждали, что в 1925 году ни мисс Уиттакер, ни кто-либо другой не обращались к ним с подобными запросами. Один из них – старший партнер фирмы «Ходжсон и Ходжсон», которой мисс Доусон передала свои дела после стычки с мистером

Пробином, – с изумлением взглянул на Паркера, когда тот изложил ему суть дела.

– Уверяю вас, инспектор, – сказал он, – что, если бы этот вопрос был мне задан, я, в свете дальнейших событий, наверняка вспомнил бы о нем.

– Вполне возможно, что вы не рассматривали новый закон именно под этим углом, поэтому у вас и не возникло подозрений, когда вы оформляли наследство мисс Уиттакер, – предположил Паркер.

– Вы совершенно правы. Если бы нам пришлось разыскивать наследника, то я, вероятно, и вспомнил бы об акте. Однако у меня были четкие распоряжения, переданные мистером Пробином. Мисс Доусон скончалась за два месяца до вступления нового акта в силу – поэтому вопрос о наследовании был решен, в общем, автоматически. В действительности я даже не предполагал, что новый акт каким-то образом может повлиять на это дело.

Паркер заявил, что это весьма удивляет его, а затем познакомил мистера Ходжсона с просвещенным мнением мистера Тоукинтона, которое того весьма заинтересовало. Таков был единственный результат посещения Паркером Лихемптона, если не считать того, что он весьма польстил мисс Климпсон, навестив ее и выслушав отчет о беседе с Верой Файндлейтер. Мисс Климпсон проводила его до станции в надежде повстречаться с мисс Уиттакер – «уверена, вам будет очень интересно взглянуть на нее», – однако на сей раз им не повезло. Паркер подумал, что, может быть, это и к лучшему. Хотя ему и хотелось повидать Мэри Уиттакер, он решил: не нужно, чтобы та видела его, особенно в компании с мисс Климпсон.

– Кстати, – сказал он своей спутнице, – вам придется как-то объяснить мой визит миссис Бадж, чтобы она не проявляла излишнего любопытства.

– О, я уже объяснила, – заверила его мисс Климпсон с обезоруживающей улыбкой. – Когда миссис Бадж сказала, что меня хочет видеть некий мистер Паркер, я сразу же подумала, что ей вовсе не обязательно знать, кто вы такой, и быстро ответила, что вы – мой племянник Адольфус. Надеюсь, вы не против немного побыть Адольфусом? Забавно, но это было единственное имя, которое пришло мне в голову. Уж не знаю почему – у меня никогда не было знакомых Адольфусов.

– Мисс Климпсон, – торжественно произнес Паркер, – вы – восхитительная женщина, и я бы не обиделся на вас, назови вы меня хоть Мармадьюком.

Теперь расследование пошло в новом направлении. Если мисс Уиттакер не обращалась к юристам и нотариусам в Лихемптоне, то с кем же она тогда консультировалась? Ведь для чего-то она приготовила бумаги и двух свидетельниц, дабы быстренько узаконить завещание в свою пользу! Конечно, существовал еще мистер Пробин, однако вряд ли она выбрала бы его. Она не могла знать сего достопочтенного мужа по Крофтону, ибо никогда прежде не жила вместе ни с Кларой Уиттакер, ни с Агатой Доусон. Впервые они встретились, когда Пробин приехал в Лихемптон побеседовать с мисс Доусон. Нотариус не считал нужным поставить Мэри Уиттакер в известность о цели своего визита, однако по реакции тетки она, безусловно, поняла, что речь шла о завещании. Будучи осведомлена о новом акте, Мэри могла решить, что именно эту тему обсуждали ее тетка и мистер Пробин, и огорченный нотариус, покидая дом, не стал рассказывать племяннице о безрезультатной встрече со своей доверительницей. Спроси она его о причинах подобной скрытности, он наверняка ответил бы, что больше не желает заниматься делами мисс Доусон, и перенаправил ее к мистеру Ходжсону. Кроме того, если бы она обратилась к нему с вопросом, после смерти ее тетки нотариус наверняка вспомнил бы об этом. Нет, кандидатура Пробины исключалась. Итак – что же дальше?

Для человека, которому было что скрывать, который хотел затеряться среди других людей, словно лист в лесу, которому нужно было сохранить инкогнито, существовала лишь одна возможность обеспечить себе безопасность и скорейшее забвение. Лондон. Большой город-муравейник, где соседи отнюдь не стремятся знакомиться друг с другом. Здесь владельцы магазинов не узнают в лицо даже своих постоянных покупателей. Здесь врачей зачастую приглашают к совершенно незнакомым пациентам, которых они никогда больше не увидят.

Здесь вы можете лежать мертвым в собственном доме, и о вас никто не вспомнит до тех пор, пока инспектор из газовой компании не придет проверять счетчик. Здесь незнакомцы ведут себя дружелюбно, а друзья появляются и исчезают подобно мотылькам. Лондон, в чреве которого похоронены самые невероятные тайны. Лондон – нелюбопытный, неразборчивый, равнодушный.

«Десять к одному, что она отправилась в Лондон, – решил Паркер. – Все они думают, что будут здесь в безопасности».

Конечно же, Мэри Уиттакер хорошо знала Лондон. Она работала в Королевском госпитале. Это означало, что район Блумсберри был известен ей лучше всего. Паркер отлично знал, что лондонцы редко выходят за пределы своих тесных орбит. Если только за время службы в госпитале ей не случилось по чьей-либо рекомендации обращаться к юристу в другом квартале, то, скорее всего, она пошла в одну из контор Блумсберри или Холборна.

К несчастью для Паркера, этот район так и кишел юридическими и нотариальными бюро. Грейз-Инн-роуд, сам Грейз-Инн, Бедфорд-роуд, Холборн, Линкольнз-Инн – медные таблички гроздьями пестрели на дверях, словно ягоды в малиннике.

Вот почему в этот жаркий июньский полдень Паркер был так утомлен и раздосадован.

Нетерпеливым движением он оттолкнул от себя пустую тарелку, расплатился с официанткой и пошел по направлению к Бедфорд-роуд, который решил обследовать в тот день после полудня.

Он начал с первой конторы, попавшейся ему по пути – она принадлежала Дж. Ф. Триггу. Паркеру повезло. Юная грация, сидевшая в приемной, проинформировала его, что мистер Тригг только что вернулся с ланча, как раз сейчас свободен и может побеседовать с посетителем. Паркера пригласили войти.

Мистер Тригг оказался обходительным, розовощеким джентльменом, недавно разменявшим четвертый десяток. Он предложил детективу присесть и спросил, чем может ему помочь.

В тридцать седьмой раз Паркер приступил к изложению сюжета, сочиненного им специально на этот случай.

– Я только временно остановился в Лондоне, мистер Тригг, и вас мне порекомендовал молодой человек, с которым мы разговорились в ресторане. Он называл свое имя, но оно, к несчастью, вылетело у меня из головы, кроме того, это не имеет особого значения, ведь так? Дело в следующем. Мы с женой приехали в Лондон, чтобы повидаться с ее теткой, точнее, не совсем теткой: моя жена приходится ей внучатой племянницей. Эта тетка серьезно больна. Собственно, она умирает.

Так вот, старушка питает самые теплые чувства к моей жене, и всегда подразумевалось, что после смерти тетки миссис Паркер унаследует ее состояние. Оно довольно значительное, и мы... не то чтобы очень в нем нуждались, но в общем-то рассчитывали его получить, чтобы когда-нибудь обеспечить себе спокойную старость. Вы меня понимаете?.. Других родственников у старушки нет, поэтому, хотя она иногда и заговаривала о том, чтобы оформить завещание, мы не слишком-то о нем тревожились, считая, что моя жена в любом случае наследует состояние своей тетушки. Однако вчера мы говорили с одним знакомым, и он поверг нас в недоумение, сообщив, что недавно был принят какой-то закон, по которому, если старая леди не подпишет завещания в пользу своей внучатой племянницы, то моя жена ничего не получит. Кажется, он сказал, что состояние признают выморочным и все деньги пойдут Короне. Я, конечно, ему не поверил, но моя жена сильно разволновалась – видите ли, здесь затронуты и интересы наших детей, – поэтому я решил обратиться за советом к юристу, ведь тетка может скончаться в любую минуту, а мы так и не знаем, приглашала ли она нотариуса, подписала завещание или нет. Итак, каково же положение внучатой племянницы в соответствии с новым Актом о правах собственности?

– Окончательной ясности здесь пока нет, – важно ответил мистер Тригг, – однако я бы посоветовал вам все-таки выяснить, было ли оформлено завещание, а если нет, то оформить его как можно скорее, пока наследодатель в состоянии это сделать. В противном случае вашей жене действительно грозит опасность лишиться наследства.

– Похоже, вы неплохо знакомы с этим вопросом, – улыбнулся Паркер. – Вероятно, вам неоднократно задавали его, с тех пор как новый акт вступил в силу?

– Ну, я бы так не сказал. Видите ли, это довольно редкий случай, когда единственной наследницей остается лишь внучатая племянница.

– Правда? А вы не помните, не обращался ли к вам кто-либо с этим же вопросом летом 1925 года, мистер Тригг?

На лице нотариуса появилось озадаченное и слегка встревоженное выражение.

– А почему вы спрашиваете?

– Вы можете без колебаний ответить мне. – Паркер вытащил из кармана свою полицейскую карточку. – Я инспектор полиции и провожу расследование. Пришлось изложить вам придуманную историю, чтобы узнать ваше мнение по данному вопросу.

– Ясно. Что ж, инспектор, в таком случае, думаю, я могу рассказать вам о том случае. Мне действительно задавали этот вопрос летом 1925 года.

– Вы помните, при каких обстоятельствах это произошло?

– Конечно. Я никогда их не забуду – точнее, их последствий.

– Интересно... Прошу вас, расскажите мне обо всем, что случилось, и как можно подробнее.

– Непременно. Одну минутку... – Мистер Тригг высунул голову в приемную. – Бэдкок, я занят с мистером Паркером и никого не принимаю. Итак, мистер Паркер, я к вашим услугам. Не хотите ли закурить?

Паркер принял предложение и раскурил свою выдавшую виды вересковую трубку. Мистер Тригг же, дымя сигаретой, перешел к изложению приключившейся с ним истории.

18

История лондонского нотариуса

Детективные романы, большим поклонником которых я являюсь, нередко начинаются с того, что врача приглашают к незнакомому пациенту, живущему в каком-нибудь таинственном доме... Как правило, это служит завязкой весьма захватывающей истории.

«Лондонец»

– Итак, – начал Тригг, – дело было в июне 1925 года, 15-го или 16-го числа. Ко мне явилась одна дама и задала тот же самый вопрос, что и вы, – правда, она сказала, что представляет интересы подруги, имени которой не упомянула. Могу ли я описать ее? Да, думаю, что могу. Высокая, красивая, со светлой кожей, темными волосами и голубыми глазами – очень привлекательная девушка. Брови тонкие, прямые, лицо бледное, одета во что-то летнее, но без тени небрежности. Кажется, женщины называют такой наряд летним льняным костюмом с вышивкой – я в этом плохо разбираюсь. На голове белая соломенная шляпа с широкими полями.

– Похоже, вы очень хорошо ее запомнили, – заметил Паркер.

– Это правда. Вообще, на память мне жаловаться не приходится; кроме того, как станет ясно дальше, мне пришлось встретиться с ней еще несколько раз. Итак, нанеся мне первый визит, она сообщила – почти как вы, – что находится в Лондоне проездом, а меня ей будто бы рекомендовал случайный знакомый. Я сообщил ей, что, прежде чем ответить на ее вопрос, должен проконсультироваться с коллегой. Новый акт, если вы помните, тогда только-только прошел последнее чтение, и я еще не был готов комментировать его.

Я сказал мисс Грант – так она представилась, – что мне потребуется некоторое время, чтобы всесторонне изучить этот закон, и попросил ее зайти на следующий день. Она согласилась, встала и протянула мне руку. Пожимая ее, я заметил уродливый шрам, проходящий через все пальцы, – как будто долото соскочило и поранило ей руку. Тогда я не придавал этому особого значения, однако впоследствии оказалось, что моя наблюдательность сослужила мне хорошую службу.

На следующий день мисс Грант пришла ко мне снова. К тому времени я успел проконсультироваться с одним из специалистов по вопросам наследования и ответил ей то же, что и вам. Мне показалось, что она была очень обеспокоена, даже, пожалуй, расстроена. «До чего же это несправедливо, – сказала она, – что семейные деньги отойдут Короне. В конце концов, внучатая племянница – разве это не достаточно близкий родственник?» Я ответил, что если внучатой племяннице удастся найти свидетелей, которые смогут подтвердить, что покойная родственница собиралась оставить свои деньги ей, то государство, скорее всего, выделит часть из этих средств наследнице в соответствии с желанием наследодателя. Тем не менее, решение вопроса будет целиком и полностью зависеть от мнения судьи, и если выяснится, что между наследодателем и наследницей были какие-либо трения, судья, скорее всего, вынесет постановление не в пользу

последней.

«В любом случае, – добавил я, – я не могу сказать наверняка, что по новому акту внучатая племянница исключается из очереди наследования, я только говорю, что такое может случиться. Кроме того, до вступления акта в силу остается еще полгода, а за это время много всего может случиться».

«Вы хотите сказать, что тетушка может умереть? – спросила она. – Но ее болезнь не так уж опасна, скорее она нервного свойства – так утверждает лечащий врач».

Она расплатилась и ушла. Правда, я успел заметить, что «тетка одной подруги» внезапно превратилась в «тетушку», и понял, что моя клиентка лично заинтересована в данном вопросе.

– Еще бы, – вставил Паркер. – И когда же вы увиделись с ней в следующий раз?

– В декабре. Я зашел в ресторанчик в Сохо, чтобы поужинать на скорую руку, прежде чем идти на спектакль. Все столики были заняты, поэтому мне пришлось подсесть к какой-то даме. Как принято, я спросил, могу ли занять место рядом с ней. Тут она подняла глаза, и я узнал в ней ту свою клиентку.

«О, мисс Грант, как поживаете?» – спросил я. «Извините, – довольно резко ответила она, – но вы ошиблись».

«Нет, это вы меня извините, – сказал я, тоже довольно резко, – но меня зовут Тригг, и вы приходили ко мне на Бедфорд-роуд в прошлом июне за консультацией. Однако если я помешал, то готов принести свои извинения и немедленно удалиться».

Тут она улыбнулась и говорит: «О, простите, я не сразу вас узнала. Прошу, садитесь».

Для поддержания разговора я спросил, консультировалась ли она еще с кем-нибудь по вопросу наследования. Она ответила, что была вполне удовлетворена сведениями, полученными от меня. Я спросил, опять же для поддержания разговора, подписала ли та тетушка завещание. На это она коротко сообщила, что завещания не потребовалось: пожилая леди вскорости скончалась. Я обратил внимание, что она была в трауре; это лишний раз подтверждало мою догадку о ее личной заинтересованности в том деле.

Мы еще некоторое время поговорили, и не буду скрывать, инспектор, что мисс Грант показалась мне весьма интересной собеседницей. У нее был, можно сказать, мужской ум. Я вообще предпочитаю женщин с головой. Да, в этом смысле я человек современный. Если когда-нибудь я соберусь жениться, то постараюсь найти женщину, которая станет для меня достойным интеллектуальным партнером...

Паркер сказал, что точка зрения его собеседника заслуживает всяческого уважения. Про себя же он подумал, что мистер Тригг, судя по всему, не отказался бы также от женщины, унаследовавшей приличное состояние и не обремененной родственными узами.

– Редко удается встретить девушку, – продолжал Тригг, – интересующуюся юриспруденцией. Мисс Грант в этом отношении была весьма необычной особой. Она задавала мне вопросы, касавшиеся разных преступлений, о которых в то время писали газеты, – сейчас я уже не помню, о каких именно, – причем вопросы весьма разумные. Должен сказать, что мне было очень приятно беседовать с ней. Постепенно мы перешли к более личным темам, и я, среди прочего, упомянул, что живу в Голдерз-Грин.

– А она оставила вам свой адрес?

– Она сказала, что остановилась в «Певерил-отеле», в Блумсберри, и сейчас ищет дом в городе. Я ответил, что могу справиться о свободных домах в районе Хемпстеда, и предложил ей свободно обращаться ко мне, если возникнет такая необходимость. После ужина я проводил ее в отель, и там, в холле, мы с ней распрощались.

– Значит, она действительно там остановилась?

– Судя по всему, да. Через две недели я услышал о том, что в Голдерз-Грин освобождается для аренды один из жилых домов – он принадлежал моему клиенту. Исполняя свое обещание, я написал мисс Грант в «Певерил», но ответа так и не получил. Я решил навести справки в отеле, и обнаружил, что она выехала оттуда через день после нашей встречи, не оставив адреса. В книге регистрации гостей она написала только, что живет в Манчестере. Я был немного разочарован, но довольно быстро забыл об этом случае.

Примерно месяц спустя – 26 января, если говорить точнее – я сидел у себя в гостиной и читал книгу, собираясь ложиться спать. Должен заметить, что занимаю квартиру, точнее, мезонин, в

небольшом доме, который разделен на двоих владельцев. Семья, живущая на первом этаже, в то время отсутствовала, поэтому в доме я был один. Служанка приходит ко мне только днем, на несколько часов. Зазвонил телефон – я заметил время: была четверть одиннадцатого. Я поднял трубку и услышал женский голос: меня настоятельно просили как можно скорее прибыть в Хемпстед-Хис, чтобы составить завещание для женщины, находившейся на смертном одре.

– Вы узнали голос?

– Нет. Мне показалось, что говорила служанка. У нее был сильный простонародный акцент. Я спросил, не потерпит ли это до завтра, однако меня умоляли поторопиться – завтра могло быть слишком поздно. Раздосадованный, я оделся и вышел из дома. Ночь была отвратительная: холодно и сыро. Мне еще повезло – я сразу поймал такси. Мы поехали по адресу, в крошечной темноте отыскать нужный дом стало целой проблемой. Это оказался небольшой коттедж, стоявший на отшибе, – к нему даже подъезда толком не было. Я оставил такси на дороге, в нескольких ярдах от дома, и попросил водителя дожидаться меня, так как практически не надеялся отыскать другую машину в этом захолустье в столь позднее время.

Таксист запросил с меня кучу денег, однако согласился ждать в ответ на мое обещание, что я пробуду там недолго. Я пошел к дому. Сначала мне показалось, что в нем совершенно темно, но, подойдя поближе, я заметил слабый свет в одном из окон первого этажа. Я позвонил в дверь – безрезультатно. Никто не открывал, хотя звонок в прихожей так и надрывался. Я попытался стучать – никакого ответа. Холод становился пронизывающим. Я зажег спичку, чтобы убедиться, что не ошибся адресом, и тут заметил, что дверь чуть приоткрыта.

Я подумал, что служанка, звонившая мне, хлопчет возле своей больной госпожи и не может оставить ее, чтобы встретить меня у двери. Решив, что должен поспешить ей на помощь, я распахнул дверь и вошел. Прихожая была погружена во тьму, я наткнулся на стойку для зонтов, установленную при входе. Тут мне послышался слабый голос – он то ли звал меня, то ли стонал, и, когда мои глаза привыкли к темноте, я бросился вперед. Из двери комнаты, расположенной слева, пробивался тусклый свет.

– Это была та самая комната, в которой вы заметили свет, находясь снаружи?

– Думаю, что да. Я спросил, можно ли мне войти, и тихий, еле слышный голос ответил: «Пожалуйста, войдите». Я открыл дверь и прошел в комнату – это оказалась гостиная. В одном из углов стоял диван, на который, как мне показалось, в спешке были набросаны постельные принадлежности, чтобы его можно было использовать как кровать. На диване лежала женщина; больше в комнате никого не было.

Мне почти не удалось разглядеть ее. Гостиную освещала только крошечная масляная лампа с зеленым абажуром, защищавшим глаза больной от света. Угли в камине еле тлели. Тем не менее, я заметил, что голова и лицо женщины замотаны бинтами. Я протянул руку и нащупал выключатель, однако тут она сказала: «Пожалуйста, не включайте свет, он режет мне глаза».

– А как она увидела, что вы потянулись к выключателю?

– Ну, – сказал Тригг, – на самом деле она сказала это только тогда, когда я уже щелкнул им. Только ничего не произошло – свет не зажегся. Странно, правда?

– Да уж.

– Я решил, что лампочка перегорела или ее выкрутили из патрона. Тем не менее, я ничего не сказал и подошел поближе к постели. Она прошептала: «Вы нотариус?»

Я ответил «да» и спросил, чем могу ей помочь.

Она сказала: «Я попала в ужасную аварию. Дни мои сочтены. Я хочу как можно скорее составить завещание». Я спросил, почему она одна. Больная поспешно заверила меня, что при ней находится служанка, просто сейчас она отправилась за доктором. «Но, – сказал я, – разве она не могла просто позвонить? Нельзя же оставлять вас одну в таком состоянии?» «Мы не смогли дозвониться ни до одного врача, – отвечала больная, – но ничего страшного. Служанка скоро вернется. Давайте не будем тратить время. Я хочу оформить завещание». Она металась, хватала ртом воздух, и я подумал, что лучше будет не волновать ее и сделать так, как она хочет. Я придвинул стул к столику, на котором стояла лампа, достал свою ручку и готовый бланк завещания, коим предусмотрительно запасся перед выходом, и объявил, что я к ее услугам.

Прежде чем начать, она попросила меня налить ей виски с содовой из сифона, который стоял на

столике. Я подал ей напиток, она отхлебнула глоток – казалось, виски придавало ей сил. Я поставил стакан так, чтобы она могла дотянуться до него, и, последовав ее приглашению, налил виски и себе. Это было очень кстати – как я уже говорил, на улице, да и в гостиной было страшно холодно. Я огляделся вокруг, поискал, нет ли поблизости корзины с углем, но ничего не обнаружил.

– Довольно странно, – заметил Паркер.

– Мне тоже это показалось странным. Однако ситуация сама по себе была необычной. Итак, я заявил, что готов. Она сказала: «Вы можете подумать, что я не в своем уме, потому что у меня ранена голова. Но это не так. И он не получит ни пенни из моих денег». Я спросил, кто же напал на нее. Она ответила: «Мой муж. Он думает, что разделался со мной. Но я еще успею составить завещание, чтобы мои деньги не достались ему». Затем она сообщила, что ее зовут миссис Мэрион Мид и что она планирует распределить свое состояние, размером около 10 тысяч фунтов стерлингов, между несколькими наследниками, включая свою дочь и трех или четырех сестер. Завещание было достаточно сложным, так как в него входили указания по организации трастового фонда для дочери, которым ни при каких условиях не мог воспользоваться ее отец.

– А вы записали имена и адреса упомянутых сторон?

– О да, но, как вы узнаете далее, мне не пришлось ими воспользоваться. Наследодательница, вне всякого сомнения, находилась в здравом уме и хорошо понимала, о чем идет речь, хотя все время говорила полупшепотом и повысила голос только один раз – когда просила меня не включать свет.

Я завершил составление черновика и начал переписывать его на бланк. Служанка все никак не возвращалась, и я уже был не на шутку встревожен. Кроме того, сильный ли холод был тому причиной или позднее время, но я страшно хотел спать. Я налил себе еще немного виски, чтобы взбодриться и согреться, и продолжал оформление завещания.

Закончив, я сказал: «Теперь вы можете подписать его. Только нам понадобится свидетель, чтобы завещание обрело законную силу».

Она ответила: «Моя служанка вернется с минуты на минуту. Надеюсь, с ней ничего не случилось». «А что, если она заблудилась в тумане? – спросил я. – В любом случае я останусь и подожду ее. Не могу же я бросить вас здесь одну».

Слабым голосом она поблагодарила меня, и некоторое время мы сидели в тишине. Постепенно мною овладевало какое-то странное оцепенение. Большая тяжело дышала, время от времени из ее груди вырывались стоны. Я же все сильнее хотел спать и не понимал, что со мной происходит.

Внезапно мне в голову пришла спасительная мысль: надо пригласить таксиста – если он все еще дожидается меня на улице, – зайти в дом и подписать завещание, а затем самому отправиться за врачом. Я попытался собраться с силами, чтобы объяснить женщине, что я собираюсь сделать. Однако на меня будто навалилась каменная плита. Каждое движение давалось мне с огромным трудом.

И тут случилось нечто, заставившее меня прийти в себя. Миссис Мид слегка повернулась на своем ложе и пристально посмотрела на меня. Чтобы помочь себе приподняться, она обеими руками взялась за край стола. Я обратил внимание на то, что обручального кольца у нее не было. А потом заметил еще кое-что. Пальцы ее правой руки пересекал шрам – как будто долото соскочило, поранив их.

Паркер резко выпрямился в своем кресле.

– Любопытно, не правда ли? – сказал Тригг. – Я был потрясен. Хотя это не совсем то слово. В тот момент мне показалось, что я сплю и вижу кошмарный сон. Я попытался подняться со стула, и женщина сразу же откинулась обратно на подушки.

И в этот момент в дверь позвонили.

– Служанка?

– Нет. Слава Господу, это был водитель такси, которому надоело дожидаться меня. Я подумал – не помню точно, что я подумал, но я постарался крикнуть. У меня изо рта вырвалось подобие стоны, и этот человек вошел прямо в комнату. К счастью, я оставил входную дверь открытой.

Мне удалось прийти в себя настолько, чтобы попросить его засвидетельствовать завещание. Должно быть, я вел себя странно, потому что он очень выразительно посмотрел на меня, а затем на бутылку с виски. Тем не менее, он поставил свою подпись на завещании миссис Мид, которая слабой, дрожащей рукой, лежа на спине, также вывела там свои инициалы.

«И что дальше?» – спросил таксист, когда с завещанием было покончено.

Я чувствовал себя смертельно больным, пот катился с меня градом, хотя я и дрожал. Единственное, что я смог выговорить: «Отвезите меня домой».

Он взглянул на миссис Мид, потом на меня и сказал: «А кто же присмотрит за леди, сэр?»

Я ответил: «Вызовите врача. Но сначала отвезите меня домой».

Опираясь на его руку, я выбрался из коттеджа. Я слышал, как таксист вполголоса чертыхается, проклиная пьянчуг вроде меня. Как мы добрались домой, я не помню. Я пришел в себя в собственной постели, рядом стоял один из наших местных докторов.

Боюсь, что мой рассказ показался вам слишком затянутым. Не вдаваясь в подробности, скажу, что таксист, оказавшийся весьма здравомыслящим малым, в конце поездки обнаружил меня в бессознательном состоянии на заднем сиденье своей машины. Он не знал, кто я такой, однако, покопавшись у меня в карманах, нашел мою визитную карточку и ключи от дома. Он отпер дверь, проводил меня в спальню, а затем решил, что если я и пьян, то до такой степени, каковой он, за свою многотрудную жизнь, ни разу не видел, и поэтому предпочел вызвать врача.

Вердикт врача был однозначным – меня опоили вероналом или подобным ему лекарством. К счастью, убийца ошибся с дозой – судя по всему, я принял не больше 30 гран вещества. Отследить наличие этого лекарства в организме достаточно сложно, но доктор тщательно все взвесил и пришел именно к такому выводу. Вне всякого сомнения, виски было отравлено.

Конечно же, на следующий день мы отправились обратно в этот дом. Он был заперт, а молочник сообщил нам, что хозяев нет уже с неделю, и вернутся они не раньше, чем через десять дней. Мы связались с ними – это оказались самые обыкновенные люди, которые ничего не знали о том, что происходило в коттедже в их отсутствие. Они довольно часто уезжали и закрывали дом, не беспокоясь о том, чтобы попросить кого-нибудь присматривать за ним. Отец семейства приехал и осмотрел коттедж, однако обнаружил, что пропало лишь немного угля, да простынями и подушками явно кто-то пользовался. Угольный подвал, где находился также и распределительный щиток, был заперт, а электричество они отключили перед отъездом – все-таки эти люди обладали здравым смыслом, – этим и объяснялись холод и темнота, царившие в доме в ту ночь. Незваный гость явно проскользнул в дом через окно кладовой – открыл его с помощью перочинного ножа – и принес с собой лампу, сифон с содовой и виски. Поступок смелый, хотя и не требующий особой изобретательности.

Не стоит говорить о том, что нам так и не удалось отыскать ни мисс Грант, ни миссис Мид. Хозяева дома не стали требовать расследования – в конце концов, у них пропало всего-то на пару шиллингов угля. Я тоже решил спустить все на тормозах – у меня не было уверенности, что меня пытались убить. Тем не менее, случай был довольно неприятный.

– Совершенно верно. Значит, вы больше ничего не слышали о мисс Грант?

– На самом деле слышал. Она звонила мне дважды – в первый раз через два месяца после той ночи, а во второй – две недели назад, и просила о встрече. Можете считать меня трусом, мистер Паркер, но каждый раз я отказывался. Не знаю, к чему может привести такая встреча. Я думаю, что меня завлекли в тот дом, чтобы заставить провести там ночь, а потом шантажировать. Это единственное объяснение, которое приходит мне в голову. Я решил держаться подальше от этой женщины и дал моему секретарю и моей служанке указание: если мне будет звонить некая мисс Грант, меня нет, а когда я вернусь – неизвестно.

– Хм... Как вы думаете, она знает, что вы заметили шрам у нее на руке?

– Уверен, что нет. В противном случае она вряд ли попыталась бы связаться со мной еще раз под тем же самым именем.

– Пожалуй, вы правы. Что ж, мистер Тригг, я весьма признателен вам за эту информацию, которая может оказаться очень ценной для нашего расследования. Теперь вот что – если мисс Грант позвонит вам еще раз... кстати, а вы не пытались отследить ее звонки?

– Оба раза она звонила из телефонной будки. Я знаю это, потому что операторы всегда предупреждают, если звонят с телефона-автомата. Так что отследить ее звонки у меня не было возможности.

– Ну да, понятно. Так вот, если она позвонит еще раз, назначьте ей встречу и сразу же дайте мне знать. Вы всегда найдете меня, позвонив в Скотленд-Ярд.

Мистер Тригг обещал, что именно так и поступит, и Паркер откланялся.

«Итак, теперь мы знаем, – думал он по дороге домой, – что некто – весьма неразборчивый в средствах – задавал вопросы по поводу внучатых племянниц летом 1925-го. Дело за малым – связаться с мисс Климпсон и выяснить, есть ли на правой руке Мэри Уиттакер шрам, или мне придется продолжать обход нотариальных контор».

Улицы уже не казались Паркеру такими раскаленными. Он пребывал в отличном настроении и даже подарил нарядный вкладыш из пачки с табаком уличному мальчишке, попавшемуся ему на пути.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ МОТИВ И МЕТОД

*«Преступного в том нет,
Но преступленье есть,
Коль взглянем мы на мир,
Каков он стал отныне».*

Е.Б. Браунинг. «Аврора Ли»

19

Исчезнувшие бесследно

Последняя воля сама по себе не может быть плохой или хорошей.

Эпиктет

– Думаю, вы не станете возражать, – сказал лорд Уимзи, – что с людьми, обладавшими ценной информацией о последних днях жизни мисс Агаты Доусон, произошли странные события. Берта Гоутубед внезапно умирает – при весьма подозрительных обстоятельствах; ее сестре кажется, что она видит мисс Уиттакер, ожидающую ее в доках Ливерпуля; мистера Тригга завлекают в некий таинственный коттедж и пытаются отравить. Представляю, что случилось бы с мистером Пробином, если бы он не проявил предусмотрительность и не уехал бы в Италию.

– Возражать не стану, – отвечал на это Паркер, – замечу только, что в период, когда вышеперечисленные неприятности обрушились на семейство Гоутубед, ваша подозреваемая находилась в Кенте с Верой Файндлейтер, которая ни на минуту не оставляла ее одну.

– Аргумент серьезный, – заметил лорд Уимзи, – но мне есть что ему противопоставить: письмо мисс Климпсон, в котором, помимо кучи разных сплетен, – не стану ими вас утомлять, – содержатся ценные сведения о мисс Уиттакер: на правой руке у нее действительно имеется шрам, в точности соответствующий описанию мистера Григга.

– Да что вы? В таком случае мы можем говорить о связи мисс Уиттакер с делом Тригга. Однако я по-прежнему не согласен с вашей версией о том, что она пытается устранить всех, кто знал что-либо о смерти мисс Доусон. Все-таки это слишком тяжелая задача для девушки. Кстати, если это так, то почему тогда не пострадал доктор Карр? И сестра Филлитер? И сестра Форбс? И прочие медицинские работники? А также все оставшееся население Лихемптона, если говорить глобально?

– Эта мысль уже приходила мне в голову. Думаю, я знаю, в чем причина. До сего момента случай Доусон состоял из двух частей – юридической и медицинской, – то есть мотива и метода, если хотите. Возможность совершить преступление была у двух человек – мисс Уиттакер и сестры Форбс. Однако сиделка ничего не выигрывала от убийства своей пациентки, поэтому мы со спокойной душой можем вычеркнуть ее из списка подозреваемых.

Теперь что касается медицинской части – метода убийства. Должен сказать, что пока у меня нет никаких предположений на этот счет. «Я в тупике, Уотсон (сказал он, и его орлиные глаза гневно блеснули из-под полупущенных век). Но это ненадолго! (вскричал он, вновь ощутив прилив уверенности в себе). Моя Честь (с заглавной буквы) поставлена на карту, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы отыскать этого Дьявола (с заглавной буквы) в человеческом обличье в его логове и пригвоздить его к позорному столбу, даже если это будет стоить мне жизни! (Продолжительные

аплодисменты.) Он зарылся подбородком в ворот халата и выдул несколько нот из своего саксофона, своего верного товарища в часы одиноких бдений в туалетной комнате».

Паркер с утомленным видом потянулся за книгой, которую отложил в момент появления Уимзи.

– Скажите, когда закончите, – язвительно произнес он.

– Я еще только начинаю! Метод, как я уже говорил, пока не поддается выявлению – думаю, преступник на это и рассчитывал. Мы с вами не наблюдаем повышения смертности среди докторов и сестер. Значит, в этом смысле наша дамочка чувствует себя в безопасности. Ее слабая сторона – мотив, вот почему она так торопится заткнуть рты всем, кто знал о юридической стороне этого дела.

– Ясно. Кстати, миссис Кроппер уже отплыла обратно в Канаду. Как видите, с ней ничего не случилось.

– Нет, и именно поэтому я уверен, что в Ливерпуле за ней действительно следили. Убивать ее имело смысл только в том случае, если бы она не успела никому рассказать свою историю. Вот почему я решил встретить ее и проводить до Лондона, причем так, чтобы наша компания все время была на виду.

– Да ладно вам, Питер! Даже если мисс Уиттакер и была там – а мы знаем, что это крайне маловероятно, – откуда она могла узнать, что вы говорили о деле Доусон? Она же понятия не имеет, кто вы такой!

– Зато она могла знать, кто такой Мерблес! Объявление, с которого все началось, было подписано его именем, если помните.

– В таком случае, почему она не покушалась на Мерблеса? Или на вас?

– Мерблес – стреляный воробей. На него не так-то просто покушаться. Он не принимает клиентов женского пола, не отвечает на приглашения и никогда не выходит из дому без сопровождения.

– Не знал, что он так серьезно к этому отнесся.

– О да! Мерблес достаточно стар, чтобы высоко ценить собственную жизнь. Что касается меня – вы не заметили сходства между историей мистера Тригга и моим собственным небольшим приключением, если его можно так назвать, на Южной Одли-стрит?

– Вы имеете в виду миссис Форрест?

– Совершенно верно. Неожиданное приглашение. Выпивка. Попытка любой ценой заставить меня остаться на ночь. Я совершенно уверен, Чарльз, что в том сахаре содержалось некое вещество, которое не должно было в нем содержаться – смотрите Свод законов о здравоохранении, Фальсификация продуктов питания, разное.

– Вы считаете, что миссис Форрест – ее сообщница?

– Именно так. Я не знаю, какую цель она преследовала – возможно, всего лишь деньги. Однако я уверен, что между ними есть связь: отчасти из-за пятифунтового билета, найденного у Берты Гоутубед, отчасти из-за того, что вся история миссис Форрест – очевидная ложь. У этой женщины никогда не было любовника – о муже я и не говорю. Подлинную неопытность скрыть невозможно. Кроме того, не забывайте о сходстве методов. Преступники зачастую склонны повторяться. Вспомните Джорджа Джозефа Смита и его невест. Или Нейла Крима. Или Армстронга с его чаепитиями.

– Ну, если у нее действительно была сообщница, это облегчает дело. В большинстве случаев сообщники сдаются первыми.

– Да. И потом – у нас есть преимущество: думаю, они и не подозревают, что мы догадались о связи между ними.

– И все-таки у нас по-прежнему нет доказательств того, что мы имеем дело с преступлениями. Можете считать меня излишне придирчивым, если хотите. Но если вы опишете мне способ убийства, не оставляющий никаких следов, мне будет легче вам поверить.

– Способ? Ну, на данный момент он мне неизвестен.

– Хотя бы попытайтесь.

– Ладно... Возьмем две жертвы...

– Предполагаемых жертвы!

– Ладно, старый вы зануда. Две предполагаемые жертвы и две потенциальные жертвы. Мисс Доусон была больна и беспомощна; Берта Гоутубед, вероятно, осоловела от обильной еды и непривычно большого количества вина; Тригг получил достаточную дозу веронала, чтобы крепко

заснуть, и мне, по всей вероятности, подсыпали нечто подобное – жаль, мне так и не удалось заполучить пробу того кофе. Какой вывод мы можем из этого сделать?

– Думаю, речь идет о методе, который можно применить только к человеку более или менее беспомощному или находящемуся в бессознательном состоянии.

– Именно! Например, это могла быть инъекция – хотя, похоже, им ничего не вводили. Или некое хирургическое вмешательство; правда, я понятия не имею какое. Или ингаляция – скажем, хлороформа, – но признаков удушья мы так и не обнаружили.

– Да уж.

– Но это уже что-то. Кроме того, должны существовать способы умерщвления, о которых профессиональная медсестра могла услышать в своей среде. Мисс Уиттакер была профессиональной медсестрой, не забывайте об этом, и благодаря своим знаниям смогла организовать тот жалостливый спектакль для мистера Тригга.

– Тогда эти способы должны быть достаточно простыми – не такими, которые смог бы использовать только хирург, то есть требующими специальных навыков.

– О нет. Вероятно, нечто, о чем она могла узнать из разговора между врачами или другими сестрами. Может, нам стоит попытаться еще раз поговорить с доктором Карром? Впрочем, нет – будь у него соображения на этот счет, он давно бы их выложил нам. Знаю! Надо спросить Люббока, патологоанатома. Он наверняка что-нибудь мне подскажет. Обязательно свяжусь с ним завтра.

– А пока, – резюмировал Паркер, – нам ничего не остается, как сидеть и ждать следующего убийства.

– Кошмарно, не правда ли? Я все еще чувствую кровь Берты Гоутубед у себя на руках – это иносказательно... – И тут Уимзи воскликнул: – Придумал!

– Что?

– У нас же есть неопровержимое доказательство по делу Тригга! Значит, вы можете арестовать ее за кражу со взломом, а мы тем временем докопаемся до остального. Взлом же действительно имел место... Она под покровом ночи забралась в чужой дом и позаимствовала у хозяев уголь, использовав его в собственных целях. Тригг наверняка опознает преступницу – за те несколько встреч он успел ее неплохо разглядеть, – кроме того, мы сможем привлечь водителя такси в качестве свидетеля.

Несколько минут Паркер в задумчивости попыхивал трубкой.

– В этом что-то есть, – сказал он наконец. – Думаю, я могу обратиться к начальству за ордером. Однако мы не должны торопиться. Но лучше было бы подсобрать еще доказательств. Не забывайте о Хабеас Корпус – вы не можете задерживать людей до бесконечности по обвинению в краже угля...

– Там было еще незаконное проникновение! В общем, настоящая кража со взломом. За нее можно и на каторгу попасть.

– Это будет зависеть от того, как судья расценит факт использования чужого угля. Если он решит, что у преступницы не было предварительного намерения похитить уголь, он вынесет вердикт, что имел место судебно наказуемый проступок или гражданское правонарушение. В конце концов, мы же не хотим, чтобы ее судили за кражу угля. Но я постараюсь выяснить, чего мы можем добиться, предъявив ей подобное обвинение. Тем временем я еще раз свяжусь с Триггом и разыщу водителя такси. Да, и еще врача, который обследовал Тригга. Можно представить это как попытку убийства или, по меньшей мере, нанесения тяжких телесных повреждений. И все равно мне нужны еще доказательства...

– Мне они тоже нужны. Но я не могу взять их из воздуха. В конце концов, есть у вас совесть или нет? Я и так выстроил вам дело практически из ничего. И какое любопытное! Неблагодарный – вот вы кто!

На наведение справок Паркеру понадобилось некоторое время, а пока июнь вступил в свои права.

Чемберлен и Левайн перелетели Атлантику, Сигрейв выбыл из соревнований в Брукленде. Газета «Дейли Мейл» активно выступала против красных, утверждая, что ее журналисты раскрыли большевистский заговор. Как-то чех заявлял, что переплыл Ла-Манш. В Москве росло число убийств, Фокслоу выиграл Золотой кубок, а в Оксее разверзлась земля, поглотив чей-то палисадник. Оксфорд по-прежнему видел в женщинах опасность, на собачьих бегах стали использовать электрического зайца. Превосходство англичан на Уимблдоне оказалось под вопросом, палата лордов сдавала свои

позиции.

Уимзи был целиком поглощен своим опус магнум – поиском ста и одного способа спровоцировать внезапную смерть. Листки с выписками порхали по всей квартире, угрожая погрести под собой Бантера, в чьи обязанности входило разбирать их – иными словами, обращать хаос в подобие порядка. Среди них были отрывки из восточных манускриптов, описывавших процессы экстракции ядов из растительного сырья, и рассказы о страшных экспериментах, проводившихся в лабораториях Германии. Жизнь сэра Джеймса Люббока, имевшего несчастье являться близким другом лорда Питера, стала поистине невыносимой из-за бесконечных расспросов, касающихся посмертных признаков воздействия хлороформа, яда кураре, цианидов, газов и прочих диэтилсульфатметил-метанов.

– Наверняка должно быть такое вещество, которое убивает, не оставляя следов, – настаивал Уимзи в ответ на уговоры прекратить свои изыскания. – Такая нужная штука – ученым не составило бы труда изобрести ее. Она точно существует. Только почему-то ее совсем не рекламируют. А ведь реклама бы не помешала! Порошочек, который каждому может понадобиться.

– Вы не понимаете, – увещевал его сэр Джеймс Люббок, – многие яды не оставляют после себя следов. Особенно это касается растительных – их вообще очень трудно обнаружить в организме при вскрытии, если не знать, какой именно яд вы ищете. Например, если вы проверяете труп на мышьяк, то анализ не покажет наличие стрихнина. А если ищете стрихнин, то не найдете морфина. Приходится проводить серию анализов, чтобы обнаружить яд. Кроме того, существуют яды, которые вообще не поддаются анализу.

– Это я знаю, – упрямо отвечал Уимзи. – Проверял. Но как же эти яды, не поддающиеся анализу, – по каким признакам вы определяете, что убийца использовал их?

– Смотрим на симптомы. Изучаем дело целиком.

– Да, но мне нужен яд, который не дает никаких симптомов. За исключением смерти, конечно же, – если ее можно назвать симптомом. Существует ли яд, не дающий симптомов и не поддающийся определению при анализе? Нечто, что просто отправляет человека на тот свет?

– Разумеется, нет, – раздраженно сказал патологоанатом. – В своей работе мы опираемся на анализы и симптомы. А ваше предположение подрывает основы нашей профессии. Симптомы есть всегда.

По счастью, в этот момент раздался звонок – это был Паркер.

– Я еду в Лихемптон с ордером на арест, – сказал он. Шеф решил, что за это дело стоит взяться всерьез. Случай в Бэттерси, дело Дэниелса, убийство Берты Гоутубед – складывается впечатление, что в этот год произошло слишком много загадочных трагедий, да еще пресса подливает масла в огонь, будь она неладна! На этой неделе в Гражданине появилась статья, а к ней иллюстрация: «Восемьдесят шесть убийц крупным планом», – а в «Ивнинг Ньюс» редакторская колонка вышла под заголовком «За шесть недель полиции так и не удалось приблизиться к разгадке». В общем, вы понимаете. Так как, поедете со мной?

– Конечно. Думаю, сельский воздух пойдет мне на пользу. Пора поразмяться, стряхнуть, так сказать, паутину. Возможно, там я изобрету идеальный способ умерщвления людей. «О, вдохновенье, дивное дитя, что в чаще леса прячется глубокой»... Это кто-то сказал или я придумал только что? Звучит как-то знакомо...

Паркер, пытаясь держать себя в руках и не взорваться, коротко ответил, что полицейская машина отправляется в Лихемптон ровно через час.

– Я прибуду, – ответил Уимзи, – хотя, конечно, мне не доставляет никакого удовольствия ехать в машине, которой управляю не я сам. По-моему, это небезопасно. Но ничего. Я буду горд, решителен и смел – как сказала королева Виктория о епископе Кентерберийском.

Вопреки опасениям Уимзи, они добрались до Лихемптона без всяких приключений. Паркер захватил с собой еще одного офицера, а по дороге к ним присоединился главный констебль графства, не скрывавший своего скептического отношения к их предприятию. При виде пятерых мужчин, отправившихся на поимку одной-единственной девушки, лорд Питер вспомнил маркизу де Бринвильер: «Как, вся эта вода для меня одной?»

После этого его мысли вновь обратились к ядам и вращались вокруг этой темы до тех пор, пока машина не остановилась перед домом на Веллингтон-авеню.

Паркер поднялся по ступеням, следом за ним – главный констебль. Дверь открыла перепуганная служанка; увидев за ней полицейских, она вскричала:

– О, сэр, неужели с мисс Уиттакер что-то случилось?

– То есть вы хотите сказать, что дома ее нет?

– Нет, сэр. Она уехала на машине вместе с мисс Верой Файндлейтер в понедельник – четыре дня назад, сэр, – и до сих пор не вернулась, и мисс Файндлейтер тоже; мы боимся, что с ними что-то случилось. Когда я вас увидела, сэр, то решила, что вы пришли сообщить о каком-нибудь страшном происшествии. Мы уж и не знаем, что думать, сэр.

«Сбежала, чертовка», – подумал Паркер, однако справился с собой и спросил:

– А вы не знаете, куда они поехали?

– На Кроу-бич. Так сказала мисс Уиттакер, сэр.

– Добрых пятьдесят миль, – заметил главный констебль. – Наверняка решили задержаться там на денек-другой.

«А еще более вероятно – отправились прямо в противоположном направлении», – подумал Паркер.

– Но они не захватили никаких вещей, даже ночной сорочки, сэр. Выехали часов в десять утра. Сказали, что пообедают там, а к вечеру вернуться домой. И с тех пор – ни слова. Мисс Уиттакер никогда себе такого не позволяла. Мы с кухаркой прямо не знаем, что делать...

– Думаю, с ними все в порядке, – сказал главный констебль. – Жаль, конечно, что их нет дома, нам бы не помешало переговорить с мисс Уиттакер. Когда она объявится, передайте, что заходил сэр Чарльз Пиллингтон с друзьями.

– Конечно, сэр. Но, сэр, что же нам делать?

– Ничего. И не волнуйтесь так. Я наведу справки. Я же главный констебль, так что сразу узнаю, если они попали в аварию или еще куда. Правда, случись такое, я уже был бы в курсе. Давай, дорогуша, успокойся, тут не о чем плакать. Я сообщу, если появится что-нибудь новое.

Однако вид у сэра Чарльза был встревоженный. Похоже, дело принимало неожиданный оборот.

Лорд Питер воспринял новость с присущей ему жизнерадостностью.

– Что же, – воскликнул он, – им не сидится на месте! Такое часто бывает с преступниками. Подтверждаются мои худшие подозрения. Интересно только, зачем она потащила за собой девчонку? Кстати, неплохо было бы заглянуть к Файндлейтерам. Может, они что-нибудь слышали?

Предложение Уимзи было немедленно воплощено в жизнь. Правда, безрезультатно. Все семейство, оказывается, отправилось на побережье, за исключением мисс Веры, которая жила на Веллингтон-авеню вместе с мисс Уиттакер. Служанка не выразила никакой обеспокоенности на ее счет. Сыщики постарались не возбудить у нее подозрений и, оставив традиционное любезное сообщение от сэра Чарльза, удалились для совещания.

– Нам ничего не остается, – сказал Паркер, – как оповестить дорожную полицию и попытаться отыскать машину и женщин. И, конечно, нужно уведомить порты. Прошло четыре дня – бог знает, где они сейчас. Жаль, что я не начал раньше, пусть даже без официального разрешения. А как выглядит эта мисс Файндлейтер? Надо бы вернуться к ним в дом и попросить ее фотографии, а также и снимок мисс Уиттакер. А вам, Уимзи, следует зайти к мисс Климпсон и узнать, нет ли у нее какой-нибудь информации.

– Да, и сообщите в Скотленд-Ярд, чтобы они присматривали за квартирой миссис Форрест, – посоветовал лорд Уимзи. – Когда с преступником происходит нечто неожиданное, бывает полезно проследить за его сообщником.

– Уверен, что вы оба ошибаетесь, – вмешался сэр Чарльз Пиллингтон. – Преступник, сообщник... Господи боже! Я прожил долгую жизнь – гораздо более долгую, чем вы, джентльмены, и убежден, что мисс Уиттакер, которую я знаю, абсолютно порядочная девушка! Однако мне кажется, что с ними что-то могло случиться, и мы обязаны приступить к поискам. Я отправлю полицейских на Кроу-бич, как только получу описание машины.

– Это «Остин-7», номер ХХ9917, – сказал Уимзи, немало удивив главного констебля. – Только я сомневаюсь, что вы найдете ее на Кроу-бич или где-нибудь поблизости

– Ладно, пора за дело, – бросил Паркер. – Нам лучше разделиться. Встретимся через час в ресторанчике «У Георга». Там же можно будет пообедать.

Уимзи не повезло. Мисс Климпсон не оказалось дома. Она наскоро перекусила и ушла, сообщив квартирной хозяйке, что собирается совершить длительную пешую прогулку по полям, каковая, несомненно, должна пойти ей на пользу. Миссис Бадж опасалась, что ее жилища получила какие-то неприятные известия: со вчерашнего вечера на ней лица не было.

– Впрочем, сэр, – добавила она, – если вы поспешите, то сможете застать ее в церкви. Она часто заглядывает туда, чтобы помолиться. Я не очень одобряю подобные отношения с церковью, знаете ли. Разве можно забегать в Дом Господень впопыхах, в будний день, словно к одной из своих соседок? Или месса – она всегда приходит с нее такая веселая, смеется, шуточки отпускает. Не понимаю, как можно так относиться к религии – безо всякого благоговения, без уважения даже. Правда, у всех нас свои слабости, а мисс Климпсон все равно очень приятная женщина, хотя и ведет себя порой как какая-нибудь сектантка.

Решив, что сейчас не время вступать в теологические дискуссии, лорд Уимзи бросился в церковь, надеясь перехватить там мисс Климпсон. Двери церкви Святого Онисима были гостеприимно распахнуты, в ее сумеречных глубинах призывно тлела лампада. Войдя внутрь и дав глазам привыкнуть к полутьме после сияющего июньского дня, Уимзи огляделся по сторонам. Увидев темную коленопреклоненную фигуру перед распятием, он уже было обрадовался, думая, что нашел мисс Климпсон. Однако, подойдя поближе, понял, что это всего лишь монахиня в черном одеянии. Заслышав шаги, монахиня обернулась, чтобы взглянуть на посетителя. Кроме нее в Церкви присутствовал лишь один человек – священник в сутане, занимавшийся праздничным убранством алтаря.

Уимзи вспомнил, что близится День святого Иоанна. Он заглянул в боковые приделы, надеясь обнаружить там мисс Климпсон, спрятавшуюся в каком-нибудь из темных закоулков. Его ботинки нещадно скрипели по навощенному паркету, отчего лорд Питер пришел в негодование. Вот Бантер всегда ходил бесшумно.

Уимзи поймал себя на странной фантазии: ему почудилось, что скрип издает дьявол, овладевший его душой, – так он протестует против того, что его насильственно увлекли под своды церкви. Усмехнувшись про себя, он уверенным шагом двинулся вперед.

Скрип ботинок донесся до священника: тот прервал свое занятие и направился к посетителю. Без сомнения, подумал Уимзи, чтобы предложить свои услуги экзорциста.

– Ищете кого-нибудь? – доброжелательно спросил священник.

– Видите ли, я действительно ищу одну даму, – начал Уимзи. Тут он понял, что подобные слова в данной ситуации могут прозвучать довольно неуместно, и стал торопливо объяснять, кого же он разыскивает, – все это приглушенным тоном, который считается подходящим для разговора в Доме Божьем.

– Да-да, – безмятежно отвечал ему священник, – мисс Климпсон заходила сюда некоторое время назад, однако, мне кажется, она уже ушла. Не то чтобы я постоянно слежу за тем, кто из моей паствы заглядывает в церковь, – добавил он с улыбкой, – но, прежде чем уйти, она поговорила со мной. А вам она срочно нужна? Жаль, что вы ее не застали. Может, я могу ей что-нибудь передать?

– Нет, спасибо, – сказал Уимзи. – Простите, что побеспокоил. Не в моих правилах отлавливать людей в церкви, но дело и правда весьма срочное. Я оставлю ей послание дома. Большое вам спасибо.

Он повернулся и направился к выходу; потом вдруг остановился и пошел назад.

– Скажите, – обратился он к священнику, – вы же даете советы по вопросам морали и тому подобное, да?

– Ну, по крайней мере пытаюсь, – улыбнулся тот. – Вас что-то беспокоит?

– Д-да... – сказал Уимзи, – правда, это не имеет отношения к религии, то есть, простите, речь идет не о Непорочном зачатии Девы Марии, ничего такого. Просто у меня появились кое-какие сомнения...

Священник – это и был тот самый викарий, мистер Тредголд – заметил, что он целиком и полностью к услугам лорда Питера.

– Как мило с вашей стороны! А мы не можем выйти, чтобы мне не надо было шептать? Видите ли, я терпеть не могу разговаривать шепотом. Меня от этого прямо-таки парализует.

– Пойдемте на улицу, – предложил мистер Тредголд. Они вышли во двор, уселись на плоский

могильный камень, и Уимзи стал выкладывать свои сомнения:

– Дело в следующем. Я буду говорить гипотетически, уж не взыщите. Предположим, есть один человек, который очень болен и дни которого сочтены. Ужасные страдания, постоянно на морфине – в общем, практически и так уже на том свете. И есть другой человек – так вот, если первый умрет как можно скорее, случится нечто, чего они оба желали и чего не случилось бы, проживи первый подольше. (Я не могу выражаться точнее, поскольку не хочу выдавать частные подробности.) Вы понимаете, что я имею в виду? Ну вот. Предположим, что второй человек немножко поможет первому – так сказать, слегка поторопит события... Как вы думаете, это будет тяжкое преступление?

– По закону... – медленно начал мистер Тредголд.

– По закону это, конечно, преступление, тут и думать нечего, – перебил его лорд Уимзи. – Но неужели вы искренне считаете, что это так уж плохо? Знаю, вы зовете это грехом, но что тут особенно страшного? Такой поступок никому не принес бы вреда.

– Мы не можем дать ответ на этот вопрос, – Тредголд покачал головой, – ибо нам неведомы пути, которыми следует душа человека по этой земле. Что, если в эти последние недели или часы, пусть даже проведенные в страданиях или без сознания, душа проходит через важные превращения? Нет, нам не дано право прерывать этот путь. Кто мы такие, чтобы решать: жить другому человеку или умереть?

– Ну, мы это делаем постоянно, тем или иным образом. Судьи, солдаты, врачи – что вы скажете о них? Правда, в данном случае у меня тоже нет однозначной уверенности. Кроме того, вмешиваясь – то есть пытаюсь разобраться, как было на самом деле, – можно натворить еще больших бед. Положить начало всяким событиям...

– По-моему, – сказал викарий, – грех – нет, это слово сюда не подходит, – вред, нанесенный обществу, «неправильность» поступков заключается в первую очередь в последствиях для самого убийцы, а не для его жертвы или общества в целом. Особенно в случае, если убийство совершается в своекорыстных интересах. Последствия, о которых вы упомянули, – то, чего хотели оба действующих лица, – они же были бы выгодны лишь второму человеку, не так ли?

– Да. Совершенно верно. Выгодны.

– Соответственно, мы должны рассматривать этот случай как убийство из соображений корысти, а не как милосердие, проявленное к ближнему. Грех – в намерении, а не в деянии. Вот в чем разница между законом божественным и законом человеческим. Человек не должен думать, что может распоряжаться жизнью другого в собственных интересах. Тогда он может решить, что стоит выше любых законов. Вот почему – по крайней мере, это одна из причин – Господь запрещает месть.

– Вы хотите сказать, что одно убийство может повлечь за собой и другое?

– Зачастую. В любом случае оно влечет за собой готовность совершить новые убийства.

– Верно. В том-то вся и проблема. Но их бы не было, если бы я не начал расследование. Может, мне оставить все, как есть?

– Сложный вопрос... Я понимаю, как вам тяжело. Вы несете бремя вины...

– Да!

– А сами вы никому не мстите?

– О нет. Ко мне это вообще не имеет никакого отношения. Все началось с того, что я решил помочь человеку, попавшему в беду из-за подозрений, которые у него возникли. Но, увы, мое вмешательство привело к новым преступлениям.

– Я бы на вашем месте не слишком тревожился из-за этого. Вполне вероятно, что страхи убийцы и его чувство вины привели бы к новым преступлениям и без вашего вмешательства.

– Возможно, – кивнул Уимзи, вспомнив о Тригге.

– Я бы посоветовал вам поступать так, как подсказывает ваша совесть, в соответствии с божественными законами, уважение к которым мы впитываем с молоком матери. Оставьте Господу решать, каковы будут последствия. И старайтесь проявлять снисходительность даже к преступникам. Вы понимаете, что я имею в виду. Отдайте их во власть правосудия, но не забывайте, что всех нас ждет Высший суд – и нам с вами его тоже не избежать.

– Понимаю. Одержав победу, не добивай противника. Конечно! Простите, что потревожил вас. Я вынужден спешно откланяться – у меня назначена встреча с друзьями. Еще раз огромное вам спасибо. Теперь я тревожусь гораздо меньше. А то было так тяжело на душе!

Мистер Тредголд смотрел вслед незнакомцу, пока тот пробирался меж надгробными памятниками. «Надо же, – думал он, – до чего приятный человек. Такой трогательный, и вдумчивый, и такой не приспособленный к жизни – стоит только ему оказаться за пределами своего круга! Насколько же они нервные и чувствительные, эти аристократы. Все-таки нелегко им живется. Надо помянуть его в молитве на завтрашней мессе».

Будучи человеком практическим, мистер Тредголд немедленно завязал узелок на своем носовом платке, чтобы не забыть об этом богоугодном решении.

«Вмешиваться или нет – ничего себе проблема! Конечно, для полицейского тут все ясно. Но для простого человека – как сложно не впутывать сюда личные мотивы! Интересно, что же все-таки привело его ко мне? А что, если... Нет! – остановил себя викарий. – Я не должен строить никаких предположений». Он снова вытащил носовой платок и завязал еще один узелок – в напоминание о том, как он чуть было не впал во грех любопытства, о чем необходимо было упомянуть на следующей мессе.

20

Убийство

Зигфрид. Что это значит?

Айзеренд. Похищение – только и всего.

Беддоу. «Детективные рассказы»

Паркер был разочарован не меньше Уимзи. Похоже, мисс Уиттакер не только не любила фотографироваться: она будто специально уничтожила все свои портреты, какие только смогла найти, сразу же после смерти мисс Доусон. Конечно, друзья девушки могли располагать ее снимками – в частности, мисс Файндлейтер. Однако Паркеру пока не хотелось поднимать шум в стоячем болоте Лихемптона. Он решил, что мисс Климпсон сможет помочь ему с фотографией, и отправился на Нельсон-авеню. Мисс Климпсон не оказалось дома; до него ее уже спрашивал другой джентльмен. Глаза миссис Бадж вспыхнули от любопытства: вряд ли она поверила в историю с «племянником» своей постоялицы и его друзьями. Паркер обошел местных фотографов – их было пятеро. У двоих нашлись групповые снимки, на которых присутствовала и мисс Уиттакер – совершенно неузнаваемая, – сделанные во время церковных распродаж и любительских спектаклей. Ни разу за все время пребывания в Лихемптоне она не снималась в студии.

Тем не менее, ему удалось обзавестись несколькими превосходными портретами Веры Файндлейтер – белокурой девицы сентиментального вида, пухленькой и довольно симпатичной. Паркер переслал их в Лондон, попросив распространить по полицейским участкам вместе с описанием платья, в котором ее видели в последний раз.

Единственными членами экспедиции, пребывавшими в хорошем настроении, когда все собрались в ресторанчике «У Георга», были второй полицейский – он приятно провел время, обходя гаражи и беседуя с их владельцами, – и главный констебль, утвердившийся в собственной правоте и потому торжествующий. Он обзвонил полицейские участки в районе Кроу-бич и узнал, что в прошлый понедельник какой-то мальчишка видел «Остин-7» на дороге к пляжу. Лондонские пришельцы с их предположениями оказались посрамлены – как выяснилось, поездка на Кроу-бич действительно имела место. Уимзи и Паркер, хотя и без особого воодушевления, согласились поехать туда и провести расследование.

Тем временем один из фотографов, чей кузен работал в газете «Лихемптонский Меркурий», позвонил в редакцию сего злободневного печатного органа, последний номер которого был готов к выходу. Последовало объявление об отсрочке номера, а затем в свет вышел специальный выпуск с сенсационным сообщением; кто-то из местных жителей немедленно сообщил об этом в лондонскую «Ивнинг Ньюс», разразившуюся крикливой передовицей, и на следующее утро все газеты пестрели

заголовками, посвященными таинственному исчезновению двух девушек.

На Кроу-бич, респектабельном водном курорте, никто слыхом не слыхивал ни о мисс Уиттакер или мисс Файндлейтер, ни о машине с номером ХХ9917. В отелях не было записей о том, что они останавливались там, ни в одном гараже не чинили и не заправляли их машину. Главный констебль придерживался своей версии о несчастном случае, поэтому приказал разослать по окрестностям поисковые партии. В Скотленд-Ярд потоком хлынули телеграммы из Дувра, Ньюкасла, Шеффилда, Винчестера и Регби.

Две молодые женщины – весьма подозрительного вида – пили чай в Фолкстоне; какая-то машина с грохотом пронеслась через Дорчестер поздно ночью в понедельник; темноволосая девушка, «сильно расстроенная», зашла в паб в Нью-Олресфорде прямо перед закрытием и спросила дорогу на Хазельмир. Однако внимание Паркера привлекло сообщение бойскаута, который утверждал, что утром в субботу видел машину и двух девушек, устроивших пикник на холмах близ Шелли-Хед. Машина была марки «Остин-7» – мальчик был уверен в этом, так как увлекался автомобилями (вот где крылась причина подобной наблюдательности). На машине был лондонский номер, правда, цифры он не запомнил.

Шелли-Хед оказался весьма уединенным местом – как это ни удивительно с учетом его близости к популярному курорту: до Кроу-бич оттуда было не больше десяти миль. Узкий безлюдный песчаный пляж ограничивался подступающими утесами, на которых не стояло ни одной постройки. Известняковые скалы густо заросли жесткой травой; они переходили в пологие холмы, покрытые вереском. За ними шла полоска сосняка, а дальше – узкая ухабистая дорога, которая вела к бетонированному шоссе, соединявшему между собой Рэмборо и Райдерс-Хис. Туристы редко заезжали на эти холмы, хотя там было немало дорог, вполне пригодных для передвижения на машине, если, конечно, пассажиров не очень заботили соображения комфорта, а водителю не было жаль рессор.

Следуя указаниям бойскаута, полицейский вел машину по колдобинам одной из этих дорог. Найти там следы других автомобилей не представлялось возможным: известняковая порода была твердая и сухая, а на травах и вереске не оставалось никакой колеи.

Местность была испещрена небольшими лощинами – совершенно одинаковыми, в которых запросто могла скрываться маленькая машина, не говоря уже о следах недавнего пикника. Прибыв на место, которое их маленький гид ориентировочно определил как «то самое», они разбили территорию на пять участков и разошлись, чтобы обследовать их.

В тот день Уимзи навсегда возненавидел вереск. Кустов было так много, и все – ужасно плотные. Под любым могла найтись сигаретная пачка, обертка от сэндвича, лоскуток ткани или какая-нибудь другая улика. Питер обреченно брел между ними, сгорбившись и не отрывая глаз от земли. С пригорка вниз, потом опять на пригорок, поворот – он старался не выпускать из виду полицейскую машину, ориентируясь по ней; снова вниз и вверх, на следующий пригорок...

Да. В лощине что-то было.

Нечто заостренное выглядывало из-за верескового куста. Светлое... напоминает ногу... Уимзи ощутил тошноту.

– Кажется, кто-то прилег подремать, – вслух произнес он.

Потом подумал: «Как странно, почему всегда торчит именно нога...»

Лорд Уимзи бросился бежать сквозь заросли, поскользнулся на жестком дерне и чуть было не съехал с холма на собственных ягодицах. Выругался вполголоса.

Спящая лежала в очень странной позе. Почему-то она не обращала внимания на мух, роем кружившихся вокруг ее головы.

Уимзи вспомнил, что в это время года мухи еще только-только появляются. В какой-то из газет ему попался призыв: «Уничтожьте одну муху сегодня, и осенью их будет на триста меньше». Или на тысячу? Нет, забыл.

Он взял себя в руки и пошел к девушке. Мухи облаком взвились вверх.

Похоже, удар был очень сильным – чтобы так размозжить череп. Кровь запеклась на белокурых волосах. Жертва лежала ничком, закрыв лицо руками.

Он перевернул ее на спину.

Насколько он мог судить по фотографии, перед ним находилась Вера Файндлейтер.

Осмотр занял у него не больше тридцати секунд.

Уимзи вскарабкался на холм и закричал.

Маленькая черная фигурка в отдалении остановилась и обернулась к нему. Лицо казалось белым пятнышком, без всякого выражения на нем. Уимзи снова закричал и стал размахивать руками, пытаясь жестами объяснить, что произошло. Фигурка бросилась бежать к нему; медленно, вперевалку она приближалась к нему по вересковым зарослям. Это оказался полисмен, тучный, осоловевший от жары. Уимзи продолжал кричать, полицейский выкрикнул что-то ему в ответ. Питер увидел, что и остальные полицейские движутся по направлению к нему. Мальчишка-бойскаут, гротескным силуэтом вырисовываясь на фоне неба, с вершины холма помахал им своим посохом, затем скрылся из поля зрения. Полисмен был уже близко. Он сдвинул шляпу на затылок, что-то поблескивало у него на часовой цепочке в такт движению. Уимзи внезапно осознал, что бежит ему навстречу и все еще кричит, жестами объясняя: на холме мертвая девушка! Но тучный полисмен никак не мог его слышать, однако лорд Питер продолжал жестикулировать, указывая рукой направление. К тому моменту, когда полисмен наконец преодолел заросли и взобрался на холм, Уимзи уже практически лишился голоса и не мог дышать. Полисмен, впрочем, тоже. Наклонив головы, оба попытались отдышаться. Впору было рассмеяться, глядя друг на друга, если бы не труп. Уимзи опять побежал, полицейский – за ним. Наконец, все члены экспедиции собрались вместе; они размахивали руками, делали записи, заглядывали под вересковые кусты. Уимзи присел на землю, испытывая смертельную усталость.

– Питер, – донесся до него голос Паркера, – взгляните-ка на это!

Уимзи вскочил на ноги.

На земле были разложены остатки от пикника. Полицейский держал в руках небольшой пакет – он вытащил его из-под тела и сейчас исследовал его содержимое. Рядом с головой валялся большой, тяжелый гаечный ключ – перепачканный кровью, с налипшими на нем светлыми волосами. Однако Паркер говорил не о пакете и не о ключе, а о мужской шляпе тусклого лилового цвета.

– Где вы ее нашли? – спросил Уимзи.

– Альф подобрал на вершине холма, – пояснил Паркер.

– Валялась в зарослях утесника, – добавил юный следопыт, – донышком вниз, как будто слетела у кого-то с головы.

– А следы там были?

– Нет. Но кусты все переломаны. Похоже на следы борьбы. Но где же «Остин»? Эй! Не трогай этот ключ, малыш, на нем могут быть отпечатки пальцев. Такое впечатление, что тут поработала целая банда. В кошельке остались деньги? Десять шиллингов одной купюрой, шестипенсовик и медяки. Ясно. Думаю, у второй женщины при себе было побольше. Правда, ее нигде нет. Неужели Веру похитили с целью выкупа? – Паркер наклонился и аккуратно обернул гаечный ключ своим шелковым платком. – Думаю, нам лучше разделиться и поискать машину. Наверняка она стоит где-нибудь там, в сосняке. Очень подходящее место. Да, Хопкинс, вам придется поехать на нашей машине на Кроу-бич и сообщить обо всем в участок. Потом захватите фотографа и возвращайтесь сюда. Отправьте вот эту телеграмму комиссару в Скотленд-Ярд, найдите доктора и привезите его тоже. Надо будет нанять еще одну машину, на тот случай, если мы не найдем «Остин» – на одной мы все никак не сможем вернуться. Если не уверены, что сможете сами найти это место на обратной дороге, возьмите с собой Альфа. Да, Хопкинс, и купите нам что-нибудь поесть, будьте добры. Думаю, мы здесь застрянем надолго. Вот вам деньги – этого достаточно?

– Вполне, благодарю вас, сэр.

Полицейский отправился в путь, захватив Альфа, который разрывался между желанием остаться и поучаствовать в расследовании, и соблазном первому прибыть в город с сенсационными новостями. Паркер поблагодарил его за сотрудничество – мальчишка немедленно раздулся от гордости – и повернулся к главному констеблю.

– Они явно ехали в этом направлении. Может быть, вы зайдете слева, сэр, вы, Питер, справа, а я буду двигаться прямо?

Главный констебль, потрясенный неожиданной находкой, подчинился беспрекословно. Уимзи схватил Паркера за рукав:

– Слушайте, вы внимательно осмотрели рану? Есть в ней что-то странное, не так ли? По-моему,

крови должно быть больше. Как вы думаете?

– Я пока никак не думаю, – отозвался Паркер с легкой усмешкой. – Давайтеждемся врача. Пойдемте же, Стив! Нам надо поскорее найти машину.

– Да, а еще шляпа! Куплена в магазине у какого-то еврея, в Степни. Почти новая. От нее так и разит «Калифорнийским маком» – это марка бриллиантина. Похоже, наш гангстер – большой модник. Правда, местного пошиба.

– Думаю, шляпа поможет нам его найти. Слава богу, преступники часто проявляют неосмотрительность. Ладно, пошли.

Найти машину оказалось нетрудно. Паркер наткнулся на нее почти сразу же, как только вошел в лес. Меж сосен пробивался родник, рядом с которым и стоял «Остин». Кроме сосен там росли и другие деревья, родник делал петлю и разливался небольшим озерцом с заболоченными берегами.

Крыша машины была спущена, и Паркер опасался увидеть в салоне нечто ужасающее, однако там было пусто. Он проверил передачу – она стояла в нейтральном положении, машину удерживал на месте ручной тормоз. На сиденье валялся платок, сильно испачканный, без инициалов или метки из прачечной. Паркер снова подивился рассеянности преступника, повсюду разбрасывавшего свое имущество. На влажной почве отпечатались следы: две пары мужских и одни – женские.

Женщина, видимо, выбралась из машины первой – ее левый каблук продавил глубокую ямку в земле, пока она вылезала с заднего сиденья. След от правого каблука был не таким глубоким. Нетвердо ступая, она бросилась бежать. Однако один из мужчин перехватил ее. Он вышел из-за кустов папоротника; на нем были ботинки на резиновом ходу – рядом со следами от них на земле остались бороздки, как будто девушка пыталась вырваться, а он ее и отпускал. Второй мужчина – его туфли были узкие, с длинными мысами – вылез из машины после, его следы перекрывали женские следы. Все трое некоторое время топтались на одном месте.

Затем следы продолжились: теперь девушка шла между мужчинами. Они довели ее до места, где на земле остались отпечатки шин «Мишлен». На «Остине» шины были другие – обыкновенный «Данлоп»; кроме того, автомобиль, стоявший здесь, был явно большего размера. Похоже, он ждал их некоторое время – на землю стекла лужица моторного масла. Машина тронулась с места и поехала по колею между деревьями. Паркер пошел было по ней, но отпечатки шин вскоре исчезли на ковре из сухих сосновых игл. В любом случае другой дороги там не было. Он повернул обратно к «Остину». Тут из леса донеслись крики, напомнившие Паркеру о двух других членах их разведывательной группы. Он отозвался, и вскоре лорд Питер Уимзи и сэр Чарльз Пиллингтон выбрались из зарослей папоротника и присоединились к нему.

– Итак, – сказал Уимзи, – этот элегантный головной убор лилового цвета наверняка принадлежал человеку в остроносых туфлях. Думаю, они были желтые, такие, знаете ли, на пуговицах. Как он, должно быть, горюет по своей великолепной шляпе! Женские отпечатки принадлежат мисс Уиттакер – в этом я не сомневаюсь.

– Согласен с вами. Это никак не могут быть следы Веры Файндлейтер. Эта женщина либо сама приехала сюда на машине, либо ее привезли насильно.

– Они не могут принадлежать мисс Файндлейтер и по другой причине – когда мы нашли тело, на подошвах ее туфель не было грязи.

– Надо же! Как это вы разглядели? Я-то думал, вы голову потеряли, обнаружив ее.

– Вообще-то так оно и было, но наблюдательность мне все равно не изменила. Кстати, а это что?

Он сунул руку между подушками заднего сиденья и вытащил оттуда американский журнал – выходящий ежемесячно сборник детективных и фантастических историй под названием *Черный плащ*.

– Легкое чтение для широкой аудитории, – ухмыльнулся Паркер.

– Наверное, это тот, в желтых ботинках, захватил журнал с собой, – предположил главный констебль.

– Скорее уж мисс Файндлейтер, – сказал Уимзи.

– Станный выбор для девушки, – удивился уязвленный сэр Чарльз.

– Вполне закономерный. Насколько я знаю, мисс Уиттакер была резко настроена против всяческой сентиментальности, розочек и купидонов, а вторая девушка во всем ее копировала. Думаю, их вкусы в литературе также были близки к мужским.

– Ну, это не столь уж важно, – заметил Паркер.

– Подождите-ка минутку... Вот, взгляните! Кто-то сделал на нем пометку.

Уимзи протянул своим собеседникам обложку для ознакомления. Первое слово в названии журнала кто-то обвел толстой карандашной линией.

– Вы не думаете, что это может быть своего рода послание? Что, если журнал лежал на сиденье, и девушка втайне от похитителей сделала на нем пометку, а потом спрятала между подушками?

– Весьма изобретательно, – произнес сэр Чарльз, – но что все-таки она имела в виду? *Черный*. Бессмыслица акая-то.

– А что, если человек в длинноносых туфлях – спросил вдруг Паркер. – Негр вполне способен вырядиться в такие туфли и намазать голову бриллиантинном. А если не негр, то индус, например. Или еще какой-нибудь абориген...

– Господи помилуй! – вскричал потрясенный сэр Чарльз. – Англичанка в руках туземца! Какая гнусность!

– Остается надеяться, что это не так. Что мы будем делать дальше?

– Наверное, надо вернуться к телу, – предложил Паркер. – Следы и так никуда не денутся.

Под прозрачной зеленой сенью соснового леса они зашагали обратно к холмам.

Родник продолжал себе хлопотливо журчать, пробивая себе дорогу на юго-запад, к реке, а оттуда к морю.

Вот ты все болтаешь и болтаешь, – обратился к нему лорд Уимзи, – так почему бы тебе не рассказать, что же все-таки тут произошло?

21

Каким же образом?

У смерти есть немало возможностей положить конец жизни.

Бомон и Флетчер. «Сельские обычаи»

Доктор оказался обрюзгшим, неопрятным человечком – про себя Уимзи немедленно прозвал его «недетепой». Он суетился над разможенной головой Веры Файндлейтер, непрерывно бормоча себе под нос:

– Так-так-так... Надо же, какая рана! И за что ее так? Не представляю. Так-так... Как давно это случилось? О, думаю, несколько дней назад. Так-так – да, повреждения тяжелые. Какое потрясение для несчастных родителей! И ее сестер тоже. Они такие приятные девушки; вы же знакомы с ними, да, сэр Чарльз? Хм... Так-так...

– Итак, у нас нет сомнений в том, что это – Вера Файндлейтер, – уточнил Паркер.

– Ни малейших, – ответил сэр Чарльз.

– Ну, раз вы можете подтвердить ее личность, нет необходимости привлекать родственников к опознанию – для них это было бы тяжким испытанием. Одну минутку, доктор, фотограф должен снять тело в этом положении, прежде чем вы повернете ее. Простите. Мистер Эндрюс, вы уже делали снимки подобного рода? Нет? Ну, ничего страшного. Конечно, работа не из приятных. Одно фото вот отсюда, будьте добры, чтобы было видно положение тела, теперь сверху – совершенно верно – и рану с близкого расстояния. Вот так. Большое спасибо.

Теперь, доктор, вы можете ее перевернуть; простите, мистер Эндрюс, представляю, какие чувства вы сейчас испытываете, но это обязательно нужно сделать. Смотрите-ка – у нее расцарапаны руки. Как будто она боролась с кем-то перед смертью. Правое запястье и левый локоть разбиты – похоже, что ее пытались удержать в лежачем положении, а она вырывалась. Нам понадобятся снимки этих царапин, мистер Эндрюс. А что вы скажете о ее лице, доктор?

Врач бегло осмотрел лицо девушки, после чего выдал следующее заключение:

– Насколько я могу судить, с учетом изменений, произошедших с телом после смерти, похоже, что

кожа вокруг носа и губ обгорела. Так-так... На переносице, шее и лбу следов ожога нет, иначе я сказал бы, что это действие ультрафиолетовых лучей.

– А может, ожог от хлороформа? – предположил Паркер.

– Вы, полицейские, вечно забегаете вперед, – заметил доктор, раздраженный тем, что сам не додумался до этого. – Я как раз собирался сказать – и сказал бы, если бы вы меня не перебили, – что, поскольку эти ожоги нельзя приписать воздействию ультрафиолетовых лучей, остается еще вариант, предложенный вами. Я не могу положительно утверждать, что это следы хлороформа – медицинские заключения подобного рода даются только после тщательного исследования, – однако я был готов предположить, что такое возможно.

– Значит, – вставил Уимзи, – она могла умереть от воздействия хлороформа? Например, если ей дали его слишком много, а сердце у нее было слабое?

– Друг мой, – сказал доктор, на сей раз глубоко оскорбленный, – взгляните на рану у нее на голове и спросите себя, какая еще тут может быть причина смерти? Если девушку отравили хлороформом, то зачем было бить ее по голове?

– Именно это мне и хотелось бы узнать.

– Я надеюсь, – продолжал доктор, – вы не ставите под сомнение мою врачебную квалификацию?

– Ни в коем случае, – ответил Уимзи, – однако, как вы только что сказали, медицинские заключения подобного рода даются только после тщательного исследования.

– Но здесь для него не место, – вставил Паркер. – Думаю, на данный момент мы сделали все, что могли. Необходимо сопроводить тело в морг. Доктор, вы поедете? Мистер Эндрюс, я был бы вам весьма признателен, если бы вы последовали за мной и сделали снимки некоторых следов, обнаруженных нами в лесу. Боюсь, освещение там не самое лучшее, но делать нечего.

Он взял Уимзи под руку.

– Врач, конечно, никуда не годится, – прошептал он на ухо Питеру, – однако у нас будет возможность получить мнение другого специалиста. Пока же, думаю, мы должны остановиться на первом, поверхностном объяснении.

– А что вас смущает? – любопытствовал сэр Чарльз.

– Да так, ничего особенного, – ответил Паркер. – В основном все подтверждает версию о бандитах, которые напали на девушек и увезли мисс Уиттакер с собой, чтобы потребовать за нее выкуп, а мисс Файндлейтер, которая попыталась сопротивляться, ударили по голове и убили. Возможно, эта версия пока подходит. Небольшие нестыковки наверняка прояснятся со временем. После подробного медицинского исследования мы узнаем больше.

Они вернулись в лес, где сделали снимки и тщательно измерили следы.

Главный констебль с интересом наблюдал за их действиями, заглядывая через плечо Паркеру, пока тот делал заметки в своем блокноте.

– Кстати, – внезапно заметил он, – вам не кажется странным...

– Кто-то идет, – перебил его Паркер.

Рев мотоциклетного мотора возвестил прибытие молодого человека, вооруженного фотоаппаратом.

– Бог ты мой, – простонал Паркер, – пресса уже тут!

Однако принял он журналиста достаточно любезно, показал ему отпечатки шин и следы ног, а затем, по дороге к тому месту, где было обнаружено тело, в общих чертах изложил версию с похищением.

– Инспектор, а вы не могли бы примерно описать подозреваемых?

– Ну, – сказал Паркер, – один из них своего рода денди: он носит лиловую шляпу и туфли с острыми мысами, кроме того, как можно судить по этой отметке, оставленной на обложке журнала, он или второй подозреваемый может оказаться чернокожим. О втором мы знаем только, что он был в ботинках 42-го размера на резиновой подошве.

– Я как раз собирался сказать, – снова вмешался Пиллингтон, – по поводу этих ботинок стоит обратить внимание...

– А вот здесь мы нашли тело мисс Файндлейтер, – бесцеремонно перебил его Паркер. Он описал рану на голове и положение тела, а журналист сделал несколько фотографий, в том числе групповой снимок Уимзи, Паркера и главного констебля – сэра Пиллингтона как раз указывал тростью на место

преступления, скрытое вересковыми кустами.

– Теперь, когда вы получили все, что хотели, – добродушно сказал Паркер, – будьте добры удалиться. Это касается и ваших коллег. Мы сообщили вам все, что могли сообщить, и у нас есть еще полно других дел, помимо раздачи интервью.

Репортеру больше ничего и не требовалось. Он уже стал обладателем эксклюзивной информации – главной ценности современного журналиста, который в погоне за ней дал бы фору даже почтенной матроне викторианской эпохи, готовой на любые ухищрения, лишь бы первой узнать семейные сплетни соседей.

– Итак, сэр Чарльз, – сказал Паркер, когда репортер упаковал свой фотоаппарат и отбыл с места преступления, – что вы хотели сказать насчет ботинок?

Однако сэр Пиллингтон был оскорблен в своих лучших чувствах. Детектив из Скотленд-Ярда пренебрег его мнением и подверг сомнению его предположение.

– Ничего, – обиженно буркнул он. – Уверен, что мои наблюдения показались бы вам не заслуживающими внимания.

На обратном пути до города главный констебль хранил суровое молчание.

Дело Файндлейтер – Уиттакер, начавшееся в ресторанчике Сохо со случайно оброненных слов, было предано огласке и потрясло Англию от одного побережья до другого. Даже Уимблдонский турнир оказался отодвинут на задний план. Сообщение об убийстве и похищении появилось в тот же вечер в специальном выпуске «Ивнинг Ньюс». На следующее утро статьи об этом преступлении были опубликованы во всех газетах, с фотографиями и множеством подробностей, как реальных, так и вымышленных. Весть о том, что две англичанки попали в лапы туземцев, которые убили одну из них и похитили другую, заставила население страны негодовать со всей страстью, на какую только способен англосаксонский амбициозный темперамент. Репортеры слетались на Кроу-бич, словно саранча, – холмы Шелли-Хед стали похожи на сельскую ярмарку, столько там было мотоциклов, велосипедов и пеших групп, членам которых не терпелось своими глазами увидеть место кровавого преступления.

Паркер, который вместе с Уимзи поселился в отеле «Зеленый лев», беспрестанно отвечал на телефонные звонки, письма и телеграммы, слетавшиеся к нему со всех сторон, а полицейский за дверью охранял его от вторжения посторонних.

Уимзи возбужденно ходил из одного угла комнаты в другой и курил сигарету за сигаретой.

– На сей раз им от нас не уйти, – говорил он. – Скоро мы их изловим.

– Непременно. Прошу вас, только имейте терпение. Мы их наверняка поймаем, однако прежде нам надо собрать все факты.

– А что сообщают ваши люди, которые следят за миссис Форрест?

– Она вернулась к себе в квартиру в понедельник вечером – так сказал владелец гаража. Наши сотрудники постоянно следят за ней; они дадут знать, когда кто-нибудь придет ее навестить.

– Вечером в понедельник!

– Да. Однако само по себе это не доказательство. Вечер понедельника – обычное время для возвращения после уик-энда. Потом, я не хочу спугнуть ее, прежде чем мы не узнаем наверняка, является она организатором преступлений или только сообщницей. Смотрите, Питер, – вот еще сообщение от одного из моих людей. Он отслеживал финансовые дела мисс Уиттакер и миссис Форрест. С декабря прошлого года мисс Уиттакер стала снимать со своего счета крупные суммы, все – в чеках на предъявителя, и они практически один в один совпадают со вкладами, которые вносила на свой счет миссис Форрест. Эта женщина явно имела большую власть над мисс Уиттакер, с тех пор как умерла Агата Доусон. Можно сказать, она просто села ей на шею, Питер.

– Ясно. Она выполняла всю работу, пока Мэри Уиттакер обеспечивала себе алиби в Кенте. Боже мой, Чарльз, только бы все получилось! Пока эти женщины на свободе, столько жизней находится в опасности!

– Женщина, если она бездушная и беспринципная, – суровым тоном произнес Паркер, – это самый жестокий преступник. В сто раз хуже любого мужчины. Если уж что задумала – никогда не отступится.

– Да уж. Мы, мужчины, вечно носимся с ними, считая их такими нежными, романтическими существами... А ведь на самом деле женщины гораздо менее сентиментальны. Черт, опять телефон!

Паркер схватил трубку:

– Да-да, говорите. Господи! Быть не может! Ясно... Да. Да, задержите. Думаю, его просто подставили, однако он должен быть арестован и допрошен. И проследите, чтобы это было во всех газетах. Скажите, что полиция считает его тем самым похитителем. Вы поняли? Постарайтесь вбить им в головы, что это и есть официальная версия. И еще – подождите минутку – мне нужны фотографии чека и отпечатков пальцев, если они на нем есть. Отправьте их как можно скорее с курьером. Надеюсь, чек настоящий? В банке подтвердили это? Отлично! А что он сам говорит? Ах, вот как... А конверт? Выбросил? Черт побери! Ладно. Благодарю вас. До свидания.

Торжествующий Паркер повернулся к лорду Уимзи.

– Аллилуйя Доусон пришел вчера в отделение Ллойдс-банка в Степни и представил чек, подписанный Мэри Уиттакер, на сумму 10 тысяч фунтов, выданный Лихемптонским отделением банка и датированный пятницей, 24-м числом. Поскольку сумма была весьма значительной, а пятничные вечерние газеты сообщили о похищении, они попросили его зайти на следующий день, а тем временем связались с Лихемптоном. Когда вчера в газетах появилась новость об убийстве, управляющий из Лихемптона вспомнил про тот звонок и обратился в Скотленд-Ярд, поэтому сегодня утром священника задержали для допроса. Он утверждает, что получил чек в субботу утром, в конверте, без какого-либо сопроводительного письма или записки.

Конечно, старый растяпа выбросил конверт, поэтому мы не можем ни проверить его версию, ни проследить отправителя. Наши люди решили, что все это выглядит довольно странно, и взяли Аллилуйю под стражу – иными словами, арестовали за убийство и похищение женщины.

– Бедный старый Аллилуйя! Чарльз, это просто ужас что такое! Он же и мухи не обидит!

– Да знаю я! Но делать нечего – придется ему потерпеть. Да и для нас так лучше. Кажется, кто-то стучит? Войдите!

– К вам доктор Фолкнер, сэр, – сказал констебль, сунув голову в дверь.

– Чудесно! Проходите, доктор. Вы уже провели осмотр тела?

– Да, инспектор. Весьма любопытно. Вы оказались правы. С большой долей вероятности можно допустить, что все так и было.

– Рад это слышать. Садитесь же и расскажите нам о результатах осмотра.

– Я буду краток, – сказал доктор. Это был лондонский врач, присланный Скотленд-Ярдом и привыкший к сотрудничеству с полицией – худой, деловитый, с острым глазом; прямая противоположность тому недотепе, с которым Паркеру пришлось иметь дело днем раньше. – Прежде всего, удар по голове действительно не был причиной смерти. Как вы совершенно верно заметили, рана почти не кровоточила. Она была нанесена уже после того, как девушка умерла – явно с целью ввести полицию в заблуждение и придать инциденту сходство с нападением бандитов. То же самое касается царапин на руках. Чистой воды маскировка.

– Ясно. Ваш коллега...

– Мой коллега, если его можно так назвать, просто тупица, – фыркнул доктор. – Странно, что при таком враче на курорте Кроу-бич кому-то удастся выздоравливать. Впрочем, это не имеет отношения к делу. Хотите узнать причину смерти?

– Хлороформ?

– Весьма вероятно. Я провел вскрытие, но не обнаружил ни следов яда, ни чего-либо подобного. Часть органов я, по вашему настоянию, изъясил и отправил на исследование сэру Джеймсу Люббоку, однако положила руку на сердце, я не вижу в этом особого смысла. При вскрытии грудной клетки запах хлороформа не ощущался. Или с момента смерти прошло слишком много времени – что наиболее вероятно, с учетом того, насколько это вещество летучее, – или доза была слишком мала. Я не нашел никаких признаков слабости сердца – девушка была вполне здорова, и, чтобы убить ее, нужно было держать ее под хлороформом довольно долго. Об этом свидетельствуют следы ожогов у нее на лице.

– Это объясняет также наличие в машине забытого носового платка, – сказал Уимзи.

– Думаю, – произнес Паркер, – что это должен был делать человек весьма сильный и решительный. Наверняка она сопротивлялась.

– Должна была, – задумчиво сказал доктор, – однако, как ни странно, не сопротивлялась. Я уже говорил – все следы борьбы появились на теле уже после смерти.

– Предположим, что она спала, – вмешался Уимзи. – В этом случае можно было дать ей хлороформ без особого шума?

– О да, вполне. Несколько раз вдохнув его, она впала бы в полузабытье, а затем дозу хлороформа можно было усилить. Мне кажется, она могла уснуть на солнце – тем временем бандиты похитили ее подругу, бродившую поблизости, а затем вернулись, чтобы избавиться от мисс Файндлейтер.

– Только зачем? – удивился Паркер. – Для чего им понадобилось возвращаться к ней?

– Вы хотите сказать, что они обе уснули и были отравлены хлороформом в одно и то же время? По-моему, это маловероятно.

– Я не то имел в виду. Между нами...

И он рассказал врачу об их подозрениях насчет Мэри Уиттакер, которые тот выслушал с испуганным изумлением.

– Мы считаем, – продолжал Паркер, – что дело было так. По какой-то причине Мэри Уиттакер понадобилось избавиться от бедной девушки, которая была ей столь предана. Она устроила этот пикник, причем позаботилась о том, чтобы прислуга узнала, куда они поедут.

Затем, когда Вера Файндлейтер прилегла вздремнуть на солнышке, она убила ее – с помощью хлороформа, или, что более вероятно, тем же способом, которым разделалась с остальными своими жертвами, каков бы он ни был. Затем она нанесла ей удар по голове и оставила царапины, которые мы должны были принять за следы борьбы, а в кустах бросила шляпу, которую приобрела заранее и испачкала бриллиантом. Мы сейчас пытаемся проследить, где она была куплена. Мисс Уиттакер – высокая, крепкая девушка, думаю, сил у нее достаточно, чтобы оставить такую рану на голове уже бездыханной подруги.

– Откуда же тогда следы в лесу?

– Я как раз собирался перейти к ним. Тут есть две странности. Прежде всего: если речь идет о бандитах, то как можно объяснить, что они выбрали единственное во всей округе влажное, болотистое место, где оставили целую кучу следов, хотя могли приехать и уехать по сухой траве или сосновым иглам, не оставив их вовсе?

– Ценное наблюдение, – сказал доктор. – Могу добавить, что бандиты вряд ли бросили бы шляпу на месте преступления. В конце концов, они могли вернуться и забрать ее.

– Совершенно верно. Теперь следующее. Судя по следам, обувь на обоих мужчинах была совершенно новая. Я имею в виду, что ни на каблуках, ни на подошвах не видно никаких следов износа. Резиновые боты вообще были только что из магазина. Нам вот-вот должны доставить фотографии отпечатков, вы сможете сами в этом убедиться. Конечно, не исключено, что преступники купили себе новые ботинки, но в общем и целом это представляется маловероятным.

– Согласен, – кивнул доктор.

– А сейчас мы подходим к самому интересному. Один из наших предполагаемых бандитов носит обувь гораздо большего размера, чем второй. Отсюда можно сделать вывод, что это человек более рослый, тяжелый и, соответственно, с большей длиной шага. Однако, измерив следы, мы обнаружили вот что. У всех троих – высокого мужчины, маленького мужчины и женщины – длина шага оказалась одинаковая. Мало того, глубина их следов одна и та же, а это означает, что все они одного веса. Это уже никак нельзя объяснить простым совпадением.

Несколько секунд доктор Фолкнер осмысливал услышанное.

– Ваши доказательства вполне убедительны, – выговорил он наконец. – Думаю, вы абсолютно правы.

– Это бросилось в глаза даже сэру Чарльзу Пиллингтону, который вообще-то не особенно прозорлив, – сказал Паркер. – Мне с трудом удалось помешать ему сообщить о своих догадках репортеру из «Ивнинг Ньюс».

– Значит, вы убеждены, что мисс Уиттакер прибыла на место, предварительно запасшись мужской обувью, и сама же оставила там все эти следы.

– Да, каждый раз возвращаясь к машине через кусты. Очень умно. Кроме того, она поступила совершенно правильно, наложив одни следы поверх других. Следы постоянно пересекаются – создается впечатление, что все трое топтались там одновременно. Я бы сказал, что она неплохо изучила труды Остина Фримена.

– И что же дальше?

– Думаю, нам надо найти миссис Форрест, которая, судя по всему, является ее сообщницей. Это она пригнала вторую машину – ту, большую – и дожидалась Мэри Уиттакер в лесу. Возможно, она и оставила следы, а мисс Уиттакер тем временем убила Веру Файндлейтер. В любом случае она должна была приехать в лес уже после того, как Мэри и Вера оставили там «Остин» и пошли на холмы. Когда мисс Уиттакер закончила свою часть работы, они бросили платок и журнал *Черный плащ* на заднее сиденье «Остина» и уехали на машине миссис Форрест. Это темно-синий «рено», четырехместный, с шинами «Мишлен», номер Х04247. Нам известно, что машина вернулась в гараж вечером в понедельник и миссис Форрест сидела за рулем.

– Но где же тогда мисс Уиттакер?

– Скрывается. В любом случае ей от нас не уйти. Она не может получить деньги в своем банке – мы предупредили служащих. Если миссис Форрест попытается получить их вместо нее, за ней проследят. В самом худшем случае мы будем ждать, пока она сама не выберется из своего убежища. Но у нас есть и еще одна зацепка. Была совершена попытка бросить подозрение на дальнего родственника мисс Уиттакер – темнокожего священника с примечательным именем Аллилуйя Доусон. Он был родственником мисс Агаты Доусон, которая выплачивала ему ежегодно по сто фунтов и обещала ему, что и после ее смерти мисс Уиттакер будет продолжать эти выплаты. Это не было оформлено по закону, но любой достойный и гуманный человек непременно удовлетворил бы желание покойной тетушки. Тем не менее, мисс Мэри этого не сделала, и старика можно было бы заподозрить в том, будто он обозлился против нее. Вчера утром он попытался обналечить присланный ею чек на предъявителя, на сумму 10 тысяч фунтов, рассказав при этом малоубедительную историю о том, что тот прибыл по почте без всякой сопроводительной записки. Конечно же, его задержали как одного из похитителей.

– Но у него же наверняка есть алиби!

– Думаю, она будет утверждать, будто бы он нанял гангстеров, которые сделали всю работу за него. Он живет в миссии в Степии – там-то и была куплена лиловая шляпа, – где можно без труда нанять целую дюжину головорезов. Мы стараемся, чтобы эта история во всех подробностях была освещена в газетах.

– А что дальше?

– Думаю, рано или поздно мисс Уиттакер объявится где-нибудь, в растрепанных чувствах, с выдуманной историей о похищении и требованиях выкупа. Если кузен Аллилуйя не сможет доказать свое алиби, она будет утверждать, что он самолично присутствовал на месте преступления и руководил убийцами. Если же мы подтвердим, что его там не было, она наверняка упомянет его имя – скажет, например, что он приходил в то страшное логово, где ее держали, в день, который она, конечно, не сможет указать в точности, равно как и местность, где это логово находилось.

– Дьявольская изобретательность!

– О да. Мисс Уиттакер – изобретательная молодая леди. Если и есть вещи, перед которыми она остановилась бы, то мне они неизвестны. И эта милая миссис Форрест – одного с ней поля ягода. Итак, доктор, теперь вы знакомы с нашей версией событий и, надеюсь, согласитесь хранить ее в тайне. Вы понимаете, что вопрос поимки Мэри Уиттакер зависит от того, проглотит ли она наживку, решив, что мы приняли ее фальшивые улики за чистую монету.

– Я вообще не люблю болтовни, – сказал доктор. – Банда так банда. А мисс Файндлейтер получила удар по голове – от него и скончалась. Я только надеюсь, что мой коллега и главный констебль будут не менее осмотрительны, чем мы с вами.

– Все это прекрасно, – кивнул лорд Уимзи, – но какие в действительности мы имеем улики против этой женщины? Любой ловкий адвокат камня на камне не оставит от нашей теории. Единственное, что мы можем убедительно доказать, это факт проникновения в коттедж в Хемпстеде и кражу угля. Все смерти, по результатам дознания, были вызваны естественными причинами. Что же касается мисс Файндлейтер: если даже мы докажем, что ее отравили хлороформом, то его не так уж трудно достать, это вам не мышьяк или цианид. И если даже на гаечном ключе мы найдем отпечатки пальцев...

– Их там нет, – сказал Паркер. – Девушка знает, что делает.

– Пойдите-ка, – внезапно вмешался доктор. – А зачем вообще ей понадобилось убивать Веру Файндлейтер? Насколько я понял, это была ее самая ценная свидетельница. Она одна могла

подтвердить алиби мисс Уиттакер в момент совершения остальных преступлений – если, конечно, таковые имели место.

– Думаю, ей стало известно о связи мисс Уиттакер и миссис Форрест. Мне кажется, что Вера Файндлейтер уже выполнила свою задачу и стала опасной. Сейчас нас интересует, как Уиттакер и Форрест связаны между собой. Как только мы это узнаем...

– Взгляните-ка, – доктор Фолкнер подошел к окну. – Не хочу тревожить вас без надобности, но, похоже, перед нами сэр Чарльз Пиллингтон, беседующий со специальным корреспондентом газеты «Телеграф». На первой полосе сегодняшнего номера «Гласа» опубликована ваша гангстерская история, в которой британцев предупреждают о предстоящей угрозе, исходящей от темнокожих иностранцев. Думаю, мне не надо напоминать вам, что «Телеграф» согласится очернить даже Михаила-архангела, чтобы только переплюнуть «Глас».

– Вот черт! – воскликнул Паркер и быстро подошел к окну.

– Слишком поздно, – сказал доктор. – Человек из «Гласа» уже вошел в здание почты. Конечно, вы можете позвонить в газету и остановить их.

Паркер так и сделал – редактор «Гласа» заверил его, что телеграмму пока не получал, но, если таковая будет доставлена, он непременно выполнит указания инспектора.

Он говорил чистую правду. Телеграмму доставили не ему, а редактору газеты «Ивнинг Боннер», принадлежавшей тем же владельцам. В подобные моменты правой руке совершенно не обязательно ничего знать, что творит левая. Особенно если дело касается эксклюзивного материала.

22

Угрызения совести

*Но знаю, ты к религии привержен,
В тебе есть то, что совестью зовут;
Поповских выдумок и церемоний
Усердный, знаю, исполнитель ты.*

У. Шекспир. «Тит Андроник»

В четверг, 23 июня, был канун праздника святого Иоанна. Церковь, сменившая пышное убранство Дня Святой Троицы на обычные зеленые покровы, снова преобразилась и засверкала. Вечерняя только что закончилась – под сводами витал густой аромат ладана, коротышка псаломщик, вооружившись длиннющими медными щипцами, снимал нагар со свечей, от чего запах горячего воска – неприятный, но привычный – становился еще сильнее. Прихожане – в основном пожилые дамы – с трудом разгибали колени, поднимаясь со скамеечек, и одна за другой покидали церковь. Мисс Климпсон собрала свои молитвенники и потянулась за перчатками. Записная книжка выпала у нее из рук: пасхальные открытки, закладки, карточки с изображениями святых, засохшие веточки вербы и листки с молитвами рассыпались по полу рядом с исповедальней.

У мисс Климпсон вырвался возглас негодования, за который она немедленно укорила себя: храм – не место для проявлений гнева. «Дисциплина, – прошептала она, подбирая с пола свое имущество, – дисциплина. Надо уметь держать себя в руках».

Она затолкала бумажки в записную книжку, схватила перчатки и сумочку, еще раз склонилась перед распятием, выронила сумочку, с видом великомученицы подняла ее и пошла через всю церковь к южному входу, где с ключом в руках стоял ризничий, дожидаясь, пока она выйдет. Стоя в дверях, она оглянулась и посмотрела на алтарь, опустевший и темный. В полумраке белые свечи напоминали привидения. Внезапно церковь показалась ей мрачной, угрожающей.

– Доброго вам вечера, мистер Станнифорт, – быстро попрощалась она.

– Доброго вечера, мисс Климпсон.

Приятно было спуститься с тенистого крыльца и очутиться среди зелени, подсвеченной золотыми

лучами закатного солнца. Однако ощущение угрозы не проходило. Что могло его вызвать? Призывы к покаянию? Молитва, в которой говорилось об искоренении порока? Мисс Климпсон решила поспешить домой и там почитать Евангелие – ей требовалось смягчить душу после мессы, посвященной суровому и бескомпромиссному святому Иоанну. «А потом надо будет разобрать мои бумажки», – подумала она.

После прогулки по свежему воздуху гостиная на первом этаже дома миссис Бадж показалась ей душной. Мисс Климпсон распахнула окно и присела рядом с ним, чтобы навести порядок в записной книжке. Открытка с «Тайной вечерей» оказалась рядом с молитвой, которую следует читать перед причастием; «Благовещение» Фра Анжелико выпало со своей странички, 25 марта, и попало на одно из воскресений после Троицы; изображение Святого Сердца с текстом на французском надо было вернуть на место, ближе к празднику Тела Господня; а это...

– О! – воскликнула мисс Климпсон. – Наверное, я подобрала его в церкви!

Крошечный листок бумаги был исписан чужим почерком. Наверняка кто-то выронил его.

Вполне естественно было бы прочесть его, чтобы убедиться, не содержится ли там нечто важное.

Мисс Климпсон была из тех людей, которые никогда не станут читать чужие письма. Они так и говорят про себя: «Я не тот человек, который читает чужие письма».

Обычно это следует понимать в прямо противоположном смысле. Провидение для того и заставляяет их повторять эти слова, чтобы окружающие знали, что им не стоит доверять свою корреспонденцию. Если люди и дальше продолжают разбрасывать письма где попало, это уже их личное дело.

Мисс Климпсон развернула листок.

В руководствах по самосовершенствованию для верных католиков часто встречается следующий совет: готовясь к исповеди, составьте небольшой список своих прегрешений, чтобы ничего не упустить. Конечно, вы не должны упоминать имена других людей, показывать этот список друзьям или оставлять его где-нибудь на виду. Однако такое случается – поэтому церковь не всегда одобряет составление подобных списков, ведь о своих грехах человек должен прошептать на ухо священнику, который, в свою очередь, обязан немедленно предать их забвению.

Тем не менее, некто недавно составил этот список и записал его на листке бумаги – скорее всего, это было в прошлую субботу, – а потом листок завалился между скамейкой для коленопреклонений и исповедальней, скрытый от глаз уборщика. И вот записка, содержание которой должен был знать только Господь, лежала на круглом столике красного дерева в гостиной миссис Бадж, перед глазами простой смертной.

Справедливости ради следует сказать, что мисс Климпсон была готова уничтожить листок, не читая, и сделала бы это, если бы ее внимание не привлекли следующие слова: *«Ложь, на которую я пошла ради М.У.»*

В тот же момент она осознала, что это почерк Веры Файндлейтер, и тут у нее в мозгу – «словно молния», как она потом говорила, – промелькнула мысль о том, что могло означать это предложение.

Целых полчаса мисс Климпсон сидела в одиночестве, претерпевая муки совести. Природная пытливость твердила ей «прочти»; религиозные убеждения говорили «не читай»; чувство долга по отношению к Уимзи, нанявшему ее на работу, нашептывало «разберись, в чем тут дело»; правила хорошего тона настаивали «не надо»; и тут суровый голос провозгласил: «Речь идет об Убийстве. Ты готова стать сообщницей Убийцы?» Словно Ланселот, она разрывалась между собственной совестью и дьявольским искушением; однако что было совестью и что – искушением?

Она вспомнила молитву об искоренении порока, которую только что читали в церкви.

Убийство.

Если судить по этой записке, оно действительно могло произойти.

Или не могло? Что, если она просто не так поняла?

А тогда разве ее долг не в том, чтобы изгнать из своего разума эти беспочвенные подозрения?

Ей захотелось немедленно отправиться к мистеру Тредголду и попросить у него совета. Скорее всего, он попросил бы ее сжечь записку и очистить свой разум при помощи молитвы.

Она встала и начала искать спички. Будет лучше, если она как можно скорее избавится от листка.

Но ведь тем самым она может уничтожить единственный ключ к загадочному Убийству!

Каждый раз, когда мисс Климпсон про себя произносила это слово, оно всплывало перед ее глазами, словно отпечатанное заглавными буквами. УБИЙСТВО. Как в полицейской сводке.

Потом у нее возникла новая идея. Паркер ведь полицейский – и вообще не похоже, чтобы он слишком благоговел перед тайной исповеди. Выглядит как протестант, а может, вообще не придерживается никакой конкретной религии. В любом случае профессиональные обязанности для него превыше всего. Почему бы не отправить записку ему, не читая, с кратким пояснением по поводу того, как она к ней попала? Тогда вся ответственность ляжет на него.

По здравом размышлении мисс Климпсон отвергла этот план как иезуитски лицемерный. Отправив листок другому человеку, тем самым она предавала его содержание огласке – это было еще хуже, чем прочесть записку самой. Кроме того, ее внутреннее «я» снова подняло голову – в конце концов, если некто все равно прочтет список, так почему бы и ей не удовлетворить свое, вполне законное любопытство? Предположим, что она ошибается. В конце концов, упомянутая «ложь» может не иметь никакого отношения к алиби Мэри Уиттакер. Получится, что она преднамеренно разгласила тайну другого человека, ничего при этом не добившись. Если уж показывать кому-то листок, сначала надо прочесть его самой – чтобы не причинить ненужного ущерба всем задействованным сторонам.

Возможно, прочитав еще несколько строк, она поймет, что список никак не связан с УБИЙСТВОМ, и сможет спокойно его сжечь. Она знала, что если уничтожит записку не читая, то никогда, до конца своих дней не сможет ее забыть. Подозрения вечным грузом будут лежать у нее на душе. В Мэри Уиттакер ей будет мерещиться Убийца. Глядя в ее холодные голубые глаза, она будет гадать, какое выражение было в них, когда эта женщина обдумывала УБИЙСТВО. Конечно, она подозревала ее и раньше, с подачи Уимзи, но никогда еще эти подозрения не были столь реальными. Сейчас же они выкристаллизовались у нее в голове, превратились из чужих в ее собственные.

«Что же мне делать?»

Она бросила еще один короткий взгляд на листок. На сей раз глаза выхватили слово «Лондон».

Мисс Климпсон ахнула, как человек, шагнувший под холодный душ.

«Что ж, – решила она, – если я совершаю грех, то, надеюсь, он мне простится».

Залившись краской так, словно ее взору предстало некое крайне неприличное зрелище, мисс Климпсон погрузилась в чтение записки.

Она была написана кратко и весьма туманно. Паркер вряд ли смог бы сделать из нее ценные выводы, однако для мисс Климпсон, хорошо разбирающейся в подобной сентиментальной скорописи, смысл был яснее ясного.

«РЕВНОСТЬ» – написано большими буквами и подчеркнуто. Далее упоминалась некая ссора, обвинения и злые слова, а также озабоченность автора по поводу того, как Господь теперь относится к ней. «КУМИР» – и длинная черта.

По этому скудному костяку мисс Климпсон без труда восстановила одну из тех ссор, которым, живя в женском окружении, не раз становилась свидетельницей. «Я делаю для тебя все – а ты про меня вовсе не думаешь – ты ужасно со мной обращаешься – знаю, я просто тебе надоела!» А в ответ: «Не будь смешной. Честное слово, это становится невыносимо. Да перестань же, Вера! Ненавижу, когда ты так разговариваешь». Унизительные, отвратительные, изматывающие сцены ревности... Они разворачиваются повсюду – в женских школах, пансионах, небольших квартирах в Блумсберри. Постепенно жертва начинает терять терпение. Глупая ревность убивает былую привязанность. Ненависть и стыд – вот к чему это ведет.

– Вот ведь чертовка, – позволила себе крепкое выражение мисс Климпсон. – Похоже, она просто воспользовалась девушкой.

Далее автор записки – Вера – перешла к более сложной проблеме.

По отрывочным намекам мисс Климпсон быстро разобралась, о чем шла речь. Девушка солгала – это был грех, хотя и в интересах подруги. Об этом следовало рассказать на исповеди. Но (спрашивала себя девушка), что движет ею в ее стремлении исповедаться: ненависть ко лжи или злость на подругу? Какими сложными путями идет порой человеческая душа! А может, надо не только признаться священнику, но рассказать правду и всему миру?

Мисс Климпсон не сомневалась насчет того, каков был ответ исповедника. «Вы не должны обманывать доверие подруги. Храните молчание, если можете, но если решите говорить, то говорите

правду. Скажите своей подруге, что больше не будете лгать ради нее. Она может просить вас сохранить ее секрет – но не более того».

Мисс Климпсон стала читать дальше.

«Должна ли я смотреть сквозь пальцы на поступки, которые считаю неправильными?» И дальше нечто вроде пояснения: «мужчина на Южной Одли-стрит».

Довольно загадочно... Нет! Напротив, это все объясняет – и ревность, и ссоры, и злость.

Оказывается, те несколько недель в апреле – мае, которые Мэри Уиттакер якобы посвятила поездке в Кент вместе с Верой Файндлейтер, она на самом деле провела в Лондоне. Вера пообещала говорить, что Мэри неотлучно находилась при ней. Поездка в Лондон была связана с мужчиной с Южной Одли-стрит, причем между ними происходило нечто греховное. Любовная связь? Мисс Климпсон слегка надула губы, однако она была скорее удивлена, чем шокирована. Мэри Уиттакер! Вот уж от кого она не ожидала ничего подобного. Однако это объясняет и ревность и скандалы. Вера почувствовала себя брошенной. Но откуда она узнала?

Может, Мэри Уиттакер сама рассказала ей? Нет – вот тут, под пунктом «ревность» – где же это? – ага, «поехала за М.У. в Лондон». Значит, она выследила ее. А потом в какой-то момент не смогла сдержаться и стала упрекать подругу. Началась ссора. Но ведь поездка в Лондон произошла еще до их беседы с Верой, и тогда девушка, казалось, была полностью уверена в преданности Мэри Уиттакер. А может, просто старалась убедить себя, решительно противясь любому упоминанию о мужчинах? Вполне может быть и так. Мэри наверняка повела себя с ней грубо, Вера озвучила свои подозрения... Вот вам и грандиозный скандал.

«Удивительно, – думала мисс Климпсон, – что Вера не обратилась ко мне за советом. Стесняется, наверное, бедное дитя. Я ведь уже неделю ее не видела. Надо бы зайти к ней – может, она все и расскажет. И тогда, – мисс Климпсон возликовала, словно узник, выпущенный из темницы, – получится, что я узнала эту историю законным путем, так что я смогу с полным правом рассказать ее лорду Питеру».

На следующий день – это была пятница – она проснулась по-прежнему с подспудным ощущением тревоги. Листок, засунутый между страницами записной книжки, все еще беспокоил ее. Мисс Климпсон отправилась в дом Файндлейтеров, однако там ей сказали, что Вера гостит у мисс Уиттакер. «Значит, помирились», – подумала она. Ей не хотелось сейчас видаться с Мэри Уиттакер, не важно, что та скрывала – убийство или заурядный адюльтер; однако ею двигало желание как можно быстрее разобраться с алиби – ради лорда Уимзи.

На Веллингтон-авеню она узнала, что девушки уехали в понедельник и до сих пор не вернулись.

Мисс Климпсон попыталась успокоить служанку, однако сердце ее было не на месте. Она зашла в церковь, но ей так и не удалось сосредоточиться на молитве. Повинуясь внезапному импульсу, она обратилась к мистеру Тредголду, занимавшемуся украшением алтаря к празднику, с вопросом о том, не найдет ли он завтра вечером немного времени, чтобы обсудить с ней одну проблему этического свойства. Тут она подумала, что ей пошла бы на пользу длинная прогулка – пора немного проветриться и привести мысли в порядок.

Она покинула церковь, на четверть часа разминувшись с лордом Уимзи, и села на поезд, идущий в Гилдфорд. Мисс Климпсон как следует погуляла, пообедала в небольшом сельском кабачке, вернулась в Гилдфорд и поехала домой. По прибытии она узнала, что мистер Паркер и еще несколько джентльменов спрашивали ее в течение всего дня, кроме того, «ужасная новость, мисс! Мисс Уиттакер и мисс Файндлейтер пропали, и полиция ищет их, вообще, эти автомобили такие опасные, не правда ли? Предполагается, что они попали в аварию».

И тут, подобно озарению, в голове мисс Климпсон пронеслось: «Южная Одли-стрит».

Конечно, она не знала, что Уимзи сейчас находится на курорте Кроу-бич. Она надеялась застать его в Лондоне. Ее целиком захватило желание немедленно отправиться на Южную Одли-стрит. Она не знала, что будет делать, добравшись туда, но чувствовала, что должна ехать. Душа ее противилась тому, чтобы обнародовать найденную в церкви записку. Услышать историю от самой Веры Файндлейтер – вот что было ей сейчас нужно. Она села на первый поезд до Ватерлоо, оставив для Уимзи и Паркера дома письмо, загадочное и изобилующее невероятным количеством заглавных букв и подчеркиваний, которое они, кстати, так и не получили.

На Пикадилли она обнаружила Бантера, от которого узнала, что милорд сейчас находится на

Кроу-бич вместе с мистером Паркером. Сам Бантер как раз отправлялся в путь, чтобы присоединиться к ним. Пользуясь случаем, мисс Климпсон попросила его передать лорду Питеру записку – еще более туманного содержания, чем вышеупомянутое письмо, и отбыла в направлении Южной Одли-стрит. Только добравшись туда, она поняла, насколько смутно представляет себе цель своей поездки и как мало можно узнать, просто бродя по улице взад-вперед. Кроме того, внезапно она осознала, что если мисс Уиттакер действительно проворачивает какие-то тайные дела на Южной Одли-стрит, то встреча со знакомой, патрулирующей квартал, может показаться ей весьма подозрительной. Потрясенная собственным открытием, мисс Климпсон зашла в аптеку, чтобы перевести дух. Она сделала вид, что выбирает зубную щетку, – сравнение разных форм, цветов и размеров должно было занять некоторое время, а аптекари порой бывают такими разговорчивыми...

Оглядывая помещение аптеки, мисс Климпсон заметила полку, на которой стояли жестянки с мазью от кашля – средство было названо по фамилии аптекаря.

– И еще, пожалуйста, баночку вот этой мази, – сказала она. – Восхитительное лекарство, просто потрясающее. Я пользуюсь им уже много лет и просто обожаю его. Я советую его всем моим друзьям, особенно при инфлюэнце. Одна моя подруга – кстати, она частенько проходит мимо вашей аптеки – только вчера пожаловалась мне на то, что подцепила страшный кашель. «Дорогая моя, – сказала я ей, – вам обязательно следует купить баночку этой чудесной мази, и у вас больше не будет с кашлем никаких проблем». Подруга была так мне признательна за рекомендацию! Кстати, она еще не заходила к вам? – И мисс Климпсон подробно описала аптекарю Мэри Уиттакер.

Следует отметить, что в борьбе между ее совестью и тем, что Уилки Коллинз называет «страстью к расследованию», совесть неуклонно сдавала свои позиции, так что мисс Климпсон стала прибегать к прямой лжи, чего раньше никогда бы не позволила себе.

Тем временем аптекарь ответил, что женщина с такой внешностью к нему не заходила. Мисс Климпсон ничего не оставалось, как ретироваться и подумать, что делать дальше. Перед тем как покинуть аптеку, она тихонько пустила свой ключ в корзину с губками, на которую опиралась локтем. Ей мог понадобиться предлог, для того чтобы прийти на Южную Одли-стрит еще раз.

Совесть тяжело вздохнула, а ангел-хранитель уронил в корзину с губками несколько слезинок.

Зайдя в ближайшее кафе, мисс Климпсон заказала чашку кофе и стала сочинять план поквартирного обследования улицы. Ей нужен был предлог – и маскировка. В немолодой пансионерке проснулся дух авантюризма, и первая дюжина придуманных ею вариантов была скорее фантастического, но никак не практического свойства.

Затем ей на ум пришла поистине блестящая идея. Мисс Климпсон относилась (и не скрывала этого) к тому типу людей, которые нередко занимаются сбором пожертвований. Более того, церковь, которую она посещала в Лондоне, владела небольшой миссией, постоянно нуждавшейся в средствах, и у мисс Климпсон было несколько подписных листов, что давало ей законное право на сбор пожертвований. Обход квартир с целью сбора средств – что может быть лучше!

Да и вопрос с маскировкой оказался не столь уж мудреным. Мисс Уиттакер видела ее только при полном параде – и в совершенно другой обстановке. Будет достаточно уродливых стоптанных ботинок, потрепанной шляпы, бесформенного пальто и темных очков, чтобы Мэри не узнала ее на расстоянии.

При столкновении лицом к лицу будет не важно, узнает ее мисс Уиттакер или нет, ведь, если таковое произойдет, это будет означать, что задача мисс Климпсон выполнена и нужный дом обнаружен.

Она встала из-за столика, расплатилась и поспешила в магазин, чтобы купить очки, поскольку была суббота. Обзаведясь солнцезащитными очками, которые отлично скрывали ее глаза, при этом не привлекая к себе внимание излишней загадочностью, она сняла комнату близ площади Святого Георга, чтобы как следует подготовиться к предстоящей аванюре. Было ясно, что до понедельника начинать обход не имеет смысла: для сбора пожертвований вторая половина субботы и воскресенье – время безнадежное.

Подбор одежды и аксессуаров занял практически весь вечер. Удовлетворенная проделанной работой, мисс Климпсон спустилась вниз, чтобы выпить чаю с квартирной хозяйкой.

– Прошу вас, садитесь, мисс, – пригласила ее та. – Вы уже слышали про убийство? Это просто ужас какой-то!

– Что за убийство? – рассеянно спросила мисс Климпсон.

Квартирная хозяйка протянула ей газету «Ивнинг Ньюс», на первой полосе которой была опубликована заметка о смерти Веры Файндлейтер.

Следующее воскресенье стало самым тяжким днем в жизни мисс Климпсон. Будучи женщиной энергичной, она проклинала свое бездействие и предавалась бесконечным размышлениям о случившейся трагедии. Не зная о предположениях Уимзи и Паркера, она приняла историю с похищением за чистую монету. Теперь она считала, что Мэри Уиттакер была не причастна к предыдущим убийствам – за исключением, конечно, смерти Агаты Доусон, если таковая являлась убийством, – и приписывала преступления злодею с Южной Одли-стрит.

Она рисовала себе ужасающий образ коварного душегуба с руками, обгавленными кровью, который нанял чернокожих головорезов, похитивших девушку. К чести мисс Климпсон следует сказать, что она ни на секунду не поколебалась в своей решимости застигнуть этого монстра в его логове.

Она написала лорду Уимзи длинное письмо, подробно изложив свои планы. Бантера на Пикадилли уже не было, потому, немного поразмыслив, она адресовала конверт лорду Питеру Уимзи, через инспектора Паркера, в полицейский участок Кроу-бич. Правда, в воскресенье корреспонденцию из Лондона не отправляли – но ничего, письмо уйдет с ночной почтой.

Утром в понедельник мисс Климпсон поднялась рано, надела выбранные обноски и темные очки и отправилась на Южную Одли-стрит. Никогда еще ее природная любознательность и навыки общения, приобретенные за годы жизни в третьеразрядных пансионах, не находили столь благодатного применения. Она умела без смущения задавать вопросы, быть настойчивой, пытливающей и наблюдательной.

Заходя в дом к чужим людям, она вела себя естественно, а говорила так убежденно, что редко из какой квартиры выходила без подписки и отовсюду – с информацией о хозяевах жилища.

До вечернего чая она успела обойти одну сторону улицы и половину второй – правда, безрезультатно. Мисс Климпсон уже подумывала о том, чтобы перекусить, когда внезапно заметила женщину, шагавшую впереди, приблизительно в ста ярдах от нее, в том же самом направлении.

Если с лицом иногда еще можно ошибиться, то со спины не узнать человека невозможно. Сердце мисс Климпсон подпрыгнуло. «Мэри Уиттакер!» – произнесла она про себя и бросилась следом за ней.

Женщина остановилась, разглядывая витрину. Мисс Климпсон решила держаться от нее на некотором расстоянии.

Если Мэри Уиттакер на свободе, значит, она заодно с похитителями. В недоумении мисс Климпсон решила подождать и посмотреть, что будет дальше. Женщина зашла в магазин. Аптека, где она побывала вчера, находилась как раз напротив. Мисс Климпсон решила, что сейчас самый подходящий момент, чтобы затребовать обратно свой утерянный ключ. Она вошла в аптеку и спросила, не находил ли кто его. «Находили», – ответили ей и немедленно выдали ключ. Та женщина все еще находилась в магазине. Мисс Климпсон стала многословно извиняться, благодарить за находку и рассказывать о других проявлениях своей рассеянности. Женщина вышла. Мисс Климпсон дала ей небольшую фору, попрощалась с аптекарем и пошла следом, снова нацепив на нос очки, которые сняла при входе в аптеку.

Женщина шагала уверенной поступью, нигде не останавливаясь, время от времени поглядывая на витрины. Торговец фруктами, кативший по тротуару свою тележку, когда она прошла мимо него, снял кепку и почесал затылок. Внезапно женщина развернулась и направилась назад. Торговец схватил тележку за ручки и быстро свернул в боковую улочку. Женщина шла прямо на мисс Климпсон: той пришлось спешно юркнуть в какой-то подъезд и притвориться, будто она завязывает шнурок.

Судя по всему, женщина просто забыла купить сигареты. Она заглянула в табачную лавку и вышла оттуда через минуту, снова пройдя мимо мисс Климпсон, едва не задев ее. На сей раз наша сыщица сделала вид, что уронила сумочку, и принялась торопливо собирать свои пожитки с мостовой. Женщина прошла мимо, даже не взглянув на нее. Мисс Климпсон, с раскрасневшимся лицом, последовала за ней. Женщина зашла в подъезд жилого дома, на первом этаже которого находился цветочный магазин. Мисс Климпсон, боясь потерять ее, ринулась туда же.

Мэри Уиттакер – если это действительно была она – проследовала через холл к лифту, вошла в

кабину и захлопнула дверь. Мисс Климпсон остановилась перед витриной цветочного магазина, как будто для того, чтобы рассмотреть розы и орхидеи. Когда лифт уехал, она достала из сумочки свои подписные листы и вошла в подъезд.

В стеклянной будке рядом со входом сидел консьерж. Поскольку мисс Климпсон не жила в этом доме, он спросил леди, чем может ей помочь. Мисс Климпсон взглянула на список жильцов, висевший на двери, и наугад сказала, что ей нужна миссис Форрест. Консьерж ответил, что ее квартира находится на четвертом этаже, и вызвал для мисс Климпсон лифт. Мужчина, с которым он до этого беседовал, тихонько отошел от будки и занял место рядом с дверью. Дожидаясь лифта, мисс Климпсон заметила, что торговец фруктами вернулся – его тележка стояла прямо у подъезда.

Любезный консьерж поднялся наверх вместе с ней и указал на двери квартиры миссис Форрест. Его присутствие действовало на нее успокаивающе. Мисс Климпсон предпочла бы, чтобы он был неподалеку, пока она будет находиться в квартире миссис Форрест. Она нажала на кнопку звонка.

В первый момент ей показалось, что в квартире никого нет, однако после второго звонка она услышала шаги. Дверь открыла замотанная в странный наряд дама с обесцвеченными волосами, которую лорд Уимзи наверняка – хотя и без восторга! – узнал бы.

– Я пришла, – начала мисс Климпсон, быстро делая шаг в прихожую, как поступают опытные коммивояжеры, – чтобы предложить вам пожертвовать средства для нашей миссии. Позвольте мне войти? Уверена, вы...

– Нет, спасибо, – коротко бросила миссис Форрест. Она говорила полушепотом, с придыханием – словно боялась, что кто-то может ее подслушать. – Я не интересуюсь миссиями.

Она попыталась закрыть дверь. Однако мисс Климпсон увидела и услышала достаточно.

– Боже мой! – вскричала она. – Не может быть! Это вы...

– Входите. – Миссис Форрест грубо схватила ее за руку и втащила через порог, захлопнув дверь у нее за спиной.

– Ну надо же, – простодушно призналась мисс Климпсон. – Я с трудом узнала вас, мисс Уиттакер, с этой прической и в этом наряде...

– Вы! – воскликнула Мэри Уиттакер. – Из всех людей – именно вы!

Они сидели в гостиной, напротив друг друга, на диванах кричаще-розового цвета.

– Вечно вы всюду суете свой нос! – прошипела хозяйка квартиры. – Как вы сюда попали? Кто еще с вами?

– О нет... видите ли... так получилось... – начала мисс Климпсон. Одна мысль владела сейчас ее рассудком. – Как вам удалось освободиться? Что произошло? Кто убил Веру? – Она понимала, что совершает глупость, задавая эти вопросы, но не могла остановиться. – Почему вы в таком виде?

– Кто вас прислал сюда? – спросила Мэри Уиттакер, зловеще кривя губы. Сейчас она была похожа на фурию.

– Что у вас за дела с этим мужчиной? – продолжала мисс Климпсон. – Он сейчас здесь? Это он – убийца?

– О ком вы говорите?

– О мужчине, которого Вера видела выходящим из этой квартиры. Разве он не...

– Так вот в чем дело! Вера рассказала вам. Лгунья! А я-то думала, что успела...

Внезапно мисс Климпсон поняла, что не давало ей покоя все это время. Выражение глаз Мэри Уиттакер. Когда-то давно мисс Климпсон помогала родственнице управлять пансионом, и один из постояльцев сильно задержал плату. Ей пришлось чуть ли не силой заставить его подписать чек, и он сделал это – против воли, сидя под ее присмотром за столом, покрытым бархатной скатертью, в кабинете хозяйки пансиона.

После этого он выехал – потихоньку собрал свои вещи и был таков. Чек вернулся назад – он оказался фальшивым. Подделка. Мисс Климпсон давала показания в полиции. Она до сих пор помнила тут странный, дерзкий взгляд, который бросил на нее постоялец, когда поднес перо к тому чеку, готовясь совершить преступление. И вот сегодня она увидела этот взгляд снова – взгляд, в котором смешались тревога и убийственный холодный расчет. Такой же взгляд когда-то насторожил Уимзи – насторожил сейчас и мисс Климпсон. Дыхание ее участилось от волнения.

– Так что это за мужчина?

– Мужчина? – Мэри Уиттакер внезапно рассмеялась. – Его зовут Темплтон, только никаких дел у

меня с ним нет. Забавно, что вы так подумали. Честно говоря, я бы с удовольствием прикончила его – если бы могла!..

– Но где он? Что здесь происходит? Разве вы не знаете, что вас повсюду ищут? Почему вы...

– Вот почему!

Мэри Уиттакер протянула ей утреннюю газету, лежавшую на диване. Мисс Климпсон прочла жирные заголовки:

**ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА КУРОРТЕ В КРОУ-БИЧ ПРИНИМАЕТ НЕОЖИДАННЫЙ ОБОРОТ
РАНЫ НАНЕСЕНЫ ПОСЛЕ СМЕРТИ
СЛЕДЫ НА ЗЕМЛЕ – ПОДДЕЛКА**

Мисс Климпсон задохнулась от удивления и склонилась над газетой, чтобы разобрать сообщение, набранное петитом.

– Надо же! – воскликнула она, быстро поднимая голову.

Слишком поздно. Тяжелая медная лампа, занесенная над ней, хотя и прошла мимо головы, обрушилась ей на плечо. Вскрикнув, мисс Климпсон попыталась подняться, но сильные руки с тонкими белыми пальцами уже сомкнулись у нее на шее.

23

Укол смерти

Ромео. Друг, ободрись. Ведь рана неопасна.

Меркуцио. Да, она не так глубока, как колодезь, и не так широка, как церковные врата. Но и этого хватит...

У. Шекспир. «Ромео и Джульетта»

Лорд Уимзи не получил ни одного из писем мисс Климпсон. Увлеченный расследованием, он и не думал возвращаться в Лихемптон. Вечером в субботу на «миссис Мердль» прибыл Бантер. Полиция развернула в окрестностях Кроу-бич, а также в Саутгемптоне и Портсмуте бешеную активность, якобы разыскивая банду, которая рыщет по окрестностям. Оставалось только ждать. «Когда она поймет, что находится в безопасности, – говорил Паркер, – то сразу объявится. Сыграем с ней в кошки-мышки». Уимзи дрожал от нетерпения. Ему хотелось поскорее узнать результаты исследования тела на предмет ядов, и ожидание делало его крайне раздражительным. Кроме того, он почти не надеялся на какие-нибудь результаты.

– Это, конечно, прекрасно, что переодетые полицейские следят за квартирой миссис Форрест, – язвительно заметил он утром в понедельник, поглощая яичницу с беконом, – только смею вам напомнить, у нас по-прежнему нет доказательств того, что произошло убийство. Ни в одном из всех случаев...

– Я это знаю, – мирно произнес Паркер.

– И говорите об этом так спокойно! У меня же просто кровь закипает в жилах!

– Видите ли, – ответил Паркер, – такое случается довольно часто. Если бы моя кровь закипала всякий раз, когда полиции недостает доказательств, я бы, наверное, уже давно сварился. Стоит ли так переживать? Вполне возможно, что это то самое идеальное преступление, о котором вы так любите рассуждать. Это должно вас радовать!

– Да уж... О, преступленья, где былая прелесть, что мудрецы усматривали в вас? Пора призвать преступников к ответу, но наш колодезь доказательств пуст... Уимзи, Собрание сочинений, с комментариями Тингемма. Честно говоря, мне кажется, что убийство мисс Доусон могло стать идеальным преступлением – если бы только мисс Уиттакер остановилась, а не начала уничтожать

свидетелей. Обратите внимание, каждое последующее убийство было все более жестоким и менее продуманным. Опять телефон! Если в этом году телефонная компания не получит рекордных прибылей, вашей вины в этом точно не будет.

– Новости про шляпу и ботинки, – мягко сказал Паркер. – Их заказали в магазине готового платья в Степни, просили отправить пресвятому Доусону в «Певерил-отель», Блумсберри, для получения по прибытии.

– Снова «Певерил»!

– Да. Узнаю почерк таинственной чаровницы, завладевшей воображением мистера Тригга. На следующий день за свертком пришел курьер с карточкой Аллилуйи Доусона, на которой было написано «Прошу передать пакет предъявителю сего». Курьер объяснил, что вышеупомянутый джентльмен решил не приезжать в Лондон. Задание было передано ему по телефону: он получил пакет, а затем отдал его даме в одежде медсестры, с которой встретился на платформе вокзала Чаринг-кросс. Курьер сказал, что это была высокая девушка в темных очках, форменном плаще и шапочке. Это все.

– А как были оплачены покупки?

– Почтовым переводом из отделения Вест-Централ.

– И когда?

– Вот это самое любопытное. В прошлом месяце, незадолго до того, как мисс Уиттакер и мисс Файндлейтер вернулись из Кента. Она все продумала заранее!

– Ага... Видимо, и тут действовала миссис Форрест. Похоже на подготовку к преступлению, но на доказательство убийства точно не тянет...

– Ей нужно было, чтобы подозрение пало на отца Аллилуйю. Кстати, надо найти машинку, на которой печатались эти сообщения, и опросить всех, кто принимал участие в истории с покупкой. Боже! Кто там еще? Ах, это вы, доктор? Входите!

– Простите, что врываюсь к вам вот так, во время завтрака, – сказал доктор Фолкнер, – но сегодня рано утром, когда я еще лежал в постели, меня посетила любопытная мысль. Я решил как можно скорее обсудить ее с вами. Это касается ран и царапин на руках – ну, вы помните. По-моему, у них могло быть двойное предназначение. Во-первых, создать впечатление, что там поработала банда. Во-вторых – скрыть другую, совсем крошечную отметину. Как вам такой вариант? Ей, например, могли ввести яд, а след от укола скрыть под царапинами, нанесенными после смерти.

– Честно говоря, – сказал Паркер, – я жалею, что сам не додумался до этого. Звучит весьма здраво – вполне вероятно, так оно и было. Проблема в том, что в двух предыдущих случаях, которые мы также расследуем и считаем, что они связаны с этим последним, патологоанатомы не смогли обнаружить никаких следов яда. Вообще никаких признаков насильственной смерти.

Он подробно изложил врачу результаты вскрытий.

– Странно, – удивился доктор Фолкнер. – Значит, вы предполагаете, что и здесь будет то же самое. Однако в данном случае смерть вряд ли была естественной – иначе зачем прилагать такие усилия, чтобы скрыть ее?

– Не была, – подтвердил Паркер, – и у нас есть тому доказательство: убийца начала подготавливать почву еще два месяца назад.

– Но способ! – вскричал Уимзи. – Способ! Только подумайте – здесь собрались люди с отличными мозгами и отличной профессиональной репутацией, а их водит за нос какая-то недоучка-медсестра. Как такое возможно?!

– А вдруг способ столь прост и очевиден, что мы и не вспомнили о нем? – спросил Паркер. – Вроде знаний, которые получаешь в начальной школе и которые тебе никогда потом не пригодятся. Вспомните того дурачка-мотоциклиста в Крофтоне, который торчал под дождем, дожидаясь помощи, потому что никогда не слышал про воздушные пробки в бензонасосе. Думаю, теперь он навсегда запомнил... Питер, что с вами?

– Боже ты мой! – заорал Уимзи, ударяя кулаком по столу, отчего кофе выплеснулся у него из чашки. – Ну конечно! Как же мы раньше не догадались? Ведь это очевидно! Господи Всемогущий – и никакой доктор не нужен. Любой автомеханик скажет... Такое случается сплошь и рядом... Ну да – воздушная пробка в бензонасосе!

– Вы уж простите, доктор, – улыбнулся Паркер, – он всегда так себя ведет, когда ему приходит в

голову ценная мысль. Сейчас все будет в порядке. Может, объясните нам в чем дело, дружище?

Бледное лицо Уимзи сразу порозовело. Он повернулся к доктору.

– Человеческое сердце, – заявил Питер, – это тот же мотор, не так ли? Оно закачивает в артерии кровь, которая затем возвращается к нему по венам, и так далее, правильно? По всему кругу примерно за две минуты, если я не ошибаюсь.

– Все верно.

– Небольшой клапан, чтобы выталкивать кровь наружу, еще один – чтобы подавать ее внутрь – в точности как в двигателе внутреннего сгорания?

– Ну да.

– А что, если процесс прервется?

– Тогда вы умрете.

– Точно! Теперь так. Предположим, мы берем большой шприц, пустой, вводим иглу в один из крупных сосудов и нажимаем на поршень... Что случится дальше? Что, доктор? В насос попадет воздух. И что произойдет с кровообращением?

– Оно остановится, – не колеблясь ответил доктор. – Вот почему медсестер всегда учат быть внимательными, когда они набирают лекарство в шприц, особенно для внутривенной инъекции.

– Думаю, для медика эти сведения именно из начальной школы. Давайте продолжим наш разговор. Итак, кровообращение остановится – произойдет что-то вроде эмболии, да?

– Только если попасть в магистральный сосуд. В небольшой вене кровь найдет себе дорогу. Поэтому (доктор явно сел на своего конька) так важно как можно раньше заметить симптомы эмболии – тромба в крови и не дать ему блуждать по всей кровеносной системе.

– Да-да, но пузырек воздуха в крупной артерии – скажем, бедренной... Он же остановит кровообращение, верно? Как скоро?

– Практически сразу же. Сердце перестанет биться.

– И что дальше?

– Человек умирает.

– Будут какие-нибудь симптомы?

– Да никаких. Пара вдохов – и все. Легкие попытаются работать, а потом прекратят. Похоже на остановку сердца. Собственно, это и будет остановка сердца.

– Я так и знал! Пара вдохов: все равно что карбюратор – он чихает, и машина глохнет. И каково будет заключение патологоанатома?

– Естественная смерть. Признаки остановки сердца. Найдется разве что след от укола – если, конечно, его вообще будут искать.

– Вы в этом уверены, доктор? – спросил Паркер.

– Абсолютно. Это же простая механика. Все именно так и произойдет.

– А это можно доказать? – продолжал Паркер.

– Весьма трудно.

– Но нам все же придется попытаться, – сказал Чарльз. – Ваша версия многое объясняет. Доктор, не могли бы вы снова отправиться в морг и проверить, не найдется ли на теле след от укола. Думаю, вы нашли правильное объяснение, Питер. Ну вот, опять этот телефон! Да! Кто говорит? Что? Что? Черт побери! Все пропало! Конечно, она не вернется. Предупредите все участки. Надо следить за железной дорогой. Блумсберри прочешите мелким гребнем – этот район она знает лучше всего. Я прямо сейчас выезжаю в Лондон – да, немедленно. Вы совершенно правы. – Он повесил трубку, выдал несколько кратких, но емких нецензурных выражений и пояснил: – Этот недоумок, Пиллингтон, все разболтал журналистам. Информация уже в утренних газетах. Нам здесь больше делать нечего. Мэри Уиттакер узнает, что игра проиграна, и немедленно сбежит из страны – если уже не сбежала. Вы едете в Лондон, Уимзи?

– Само собой. Поедем в моей машине. Чтобы не терять время. Вызовите-ка Бантера, будьте так добры. Бантер, нам надо вернуться в город. Как скоро мы сможем отправиться?

– Немедленно, милорд. Я держал вещи вашей светлости и мистера Паркера наготове, на случай неожиданного отъезда.

– Вы просто молодец!

– И еще... Вам письмо, сэр. – И дворецкий протянул конверт Паркеру.

– Благодарю вас. Ах, да! Отпечатки пальцев на чеке. Хм... Кассира, кузена Аллилуйи и женские – вероятно, Мэри Уиттакер. Да, вот здесь – четыре пальца. Она прижимала ими край чека, когда ставила подпись.

– Простите, сэр, не позволите ли мне взглянуть на эти снимки?

– Конечно. Возьмите себе один экземпляр. Знаю, вас это интересует с точки зрения фотографа. Что ж, доктор, нам пора. Увидимся в Лондоне. Поехали, Питер.

Джентльмены уехали. Письмо мисс Климпсон так и не застало их – когда его доставили из полицейского участка, в отеле оставался только доктор Фолкнер.

В полдень они уже были в Лондоне – благодаря лихой манере езды Уимзи – и напрямик отправились в Скотленд-Ярд, высадив Бантера, по его просьбе, у дома милорда. Комиссара они нашли в самом мрачном настроении – он злился на журналистов и на Паркера, который не смог заставить Пиллингтона хранить молчание.

– Одному богу известно, где она сейчас. Наверняка вот-вот покинет страну.

– Если уже не покинула, – вздохнул Уимзи. – Она вполне могла выехать из Англии в понедельник-вторник. Если бы она решила, что горизонт чист, то вернулась бы назад и снова наложила бы лапу на свое имущество. Теперь же она останется за границей. Вот и все.

– Боюсь, что вы правы, – с мрачным видом кивнул Паркер.

– А что подельывает миссис Форрест?

– Ведет себя как обычно. Мы держим ее под наблюдением, но пока ничего не предпринимаем. Там находятся трое наших сотрудников: один переодет в торговца фруктами, второй прикидывается приятелем консьержа, с которым они вместе играют на тотализаторе, и еще один под видом рабочего копается на заднем дворе. Они сообщают, что она периодически выходит из дома за покупками и просто прогуляться, ест обычно у себя. Гостей у нее не было. Во время выходов наши люди внимательно следят, не переговаривается ли она с кем-нибудь и не передает ли деньги. Можно с уверенностью утверждать, что пока наши две подозреваемые не встречались.

– Извините, сэр. – В двери возник дежурный офицер. – Пришел дворецкий лорда Уимзи, у него для вас срочная информация.

Вошел Бантер – он был сдержан, как всегда, но глаза его хитро блеснули – и выложил на стол два фотоснимка.

– Простите меня, милорд, джентльмены, но не могли бы вы взглянуть на эти две фотографии?

– Отпечатки пальцев? – спросил комиссар.

– Одни из них – выполненный полицейским снимок отпечатков на чеке в 10 тысяч фунтов, – сказал Паркер. – Второй... Откуда он у вас, Бантер? Похоже, это те же самые отпечатки, но снимок не наш.

– Моему непрофессиональному глазу они также показались одинаковыми, сэр. Поэтому я и решил обратить на них ваше внимание.

– Пришлите сюда Дьюсби, – приказал комиссар. Дьюсби, возглавлявший отдел криминалистики, немедленно подтвердил, что отпечатки идентичны.

– Те же самые, – сказал он.

Уимзи начал прозревать.

– Бантер, это отпечатки с того бокала?

– Да, милорд.

– Но они же принадлежат миссис Форрест! – воскликнул Паркер.

– Именно так вы и сказали, сэр, поэтому я занес их в картотеку под этим именем.

– Тогда, если подпись на чеке подлинная...

– То наша птичка находится от нас на расстоянии вытянутой руки, – сурово произнес Паркер. – Двойная личность! Чертовка, заставила нас потерять столько времени! Надо немедленно арестовать ее – как минимум за убийство Веры Файндлейтер, а по возможности – и по делу Гоутубед.

– Но мне казалось, у нее есть алиби, – вмешался комиссар.

– Было, – отрезал Паркер, – но свидетельницу, которая могла его подтвердить, недавно убили. Похоже, она кое-что узнала, и ее быстренько убрали с дороги.

– Эта участь грозила и еще нескольким людям, – сказал Уимзи.

– Включая вас. Значит, желтые волосы – это парик?

– Скорее всего. Она всегда выглядела как-то неестественно. В тот вечер у нее на голове был

намотан какой-то тюрбан – она могла вообще быть лысой, никто бы не заметил.

– А вы не обратили внимания, есть ли у нее шрам на правой руке?

– Не обратил – по той простой причине, что ее пальцы были унизаны кольцами чуть ли не до ногтей. Оказывается, плохой вкус миссис Форрест объясняется выдающейся предусмотрительностью. Думаю, она собиралась одурманить меня снотворным, а если не выйдет – так заласкать до полусмерти, и потом, так сказать, отключить мотор... Весьма прискорбный инцидент. Волокита-аристократ умирает в постели любовницы. Родственники прилагают все усилия, чтобы обстоятельства смерти не получили огласки. Все потому, что она увидела меня в Ливерпуле вместе с миссис Кроппер. Держу пари, Берта Гоутубед получила дозу того же лекарства. Случайная встреча со старой хозяйкой по выходе с работы – пятифунтовая банкнота, ужин в приятной компании – шампанское – бедняжка здорово опьянела с непривычки, села в машину – там ее прикончили, отвезли в Эппингский лес и бросили, вместе с сэндвичем и бутылкой «Басса». Все оказалось довольно просто...

– Чем скорее мы ее схватим, тем лучше, – сказал комиссар. – Отправляйтесь немедленно, инспектор; возьмите ордер на фамилию Уиттакер – или Форрест – и столько людей, сколько сочтете необходимым.

– А можно и мне поехать? – спросил Уимзи, когда они выходили из здания.

– Почему бы и нет? Вы можете пригодиться. С людьми, которые уже ждут нас там, дополнительная помощь не потребуется.

На машине они пронеслись по Пэлл-Мэлл, потом по Сент-Джон-стрит и Пикадилли. Поворачивая на Южную Одли-стрит, они проехали мимо торговца фруктами, с которым Паркер обменялся почти неуловимыми жестами. Машина остановилась у подъезда; к ним тут же подошел азартный приятель консьержа.

– Я как раз собирался вам звонить, – сказал он. – Она только что пришла.

– Кто, Уиттакер?

– Да. Поднялась наверх две минуты назад.

– А Форрест тоже там?

– Да. Вернулась незадолго до нее.

– Странно, – удивился Паркер. – Еще одна отличная версия не подтвердилась. А вы уверены, что эта женщина – мисс Уиттакер?

– Ну, на ней были какие-то обноски, волосы с сединой, но она того же роста и все такое. И потом, она снова была в солнцезащитных очках. Думаю, это та самая женщина – хотя, конечно, близко я не подходил, следуя вашим инструкциям.

– В любом случае мы должны подняться и посмотреть. Пошли!

К ним присоединился и «торговец» – все вместе они вошли в подъезд.

– Дама, которая поднялась к миссис Форрест, все еще там? – спросил инспектор у консьержа.

– Да. Я проводил ее до двери – она говорила что-то про пожертвования. Миссис Форрест втащила ее в квартиру и захлопнула дверь. Пока никто оттуда не спускался.

– Ясно. Мы сейчас поднимемся к ней – будьте добры, проследите, чтобы никто больше туда не входил. Так, Уимзи! Она знает вас как Темплтона, однако, думаю, у нее нет уверенности, что вы с нами заодно. Позвоните в дверь, а когда она откроет, просуньте ногу вовнутрь. Мы будем стоять поблизости и сразу придем к вам на помощь.

Лорд Уимзи приступил к выполнению маневра. В глубине квартиры громко зазвонил колокольчик.

Никто не открывал. Уимзи позвонил еще раз, потом приложил ухо к двери.

– Чарльз, – внезапно закричал он, – там что-то происходит. – Лицо его побелело. – Скорее! Мы не можем допустить еще одного...

Паркер бросился к нему и тоже стал прислушиваться. Потом выхватил у Уимзи его трость и заколотил в дверь – удары эхом отзывались в шахте лифта.

– Откройте! Полиция!

Из квартиры доносились леденящие кровь приглушенные звуки борьбы и какое-то странное бульканье, потом шорох, как будто по полу тащили что-то тяжелое, и шарканье ног. Послышался страшный грохот – похоже, на пол упал тяжелый шкаф – и громкий крик, похожий на лошадиное ржание, внезапно оборвавшийся.

– Немедленно взломайте дверь, – скомандовал Уимзи. Пот стекал у него по лицу.

Паркер подозвал самого крепкого из полицейских. Тот налег на филенку плечом – дверь затрещала и подалась вперед. Паркер навалился вместе с ним, оттеснив худощавого Уимзи в угол. Они толкались и пыхтели в узком пространстве лестничной площадки.

Дверь наконец-то рухнула, и все трое ввалились в тесную прихожую. В квартире стояла странная тишина.

– Скорее! – взмолился лорд Уимзи.

В комнате справа никого не было. Убедившись в этом, они бросились в гостиную, но дверь открылась лишь на несколько сантиметров. Что-то тяжелое мешало с той стороны. Они изо всех сил налегли на нее – и препятствие сдвинулось. За дверью лежал громоздкий буфет, по всему полу валялись осколки фарфора. Уимзи перебрался через него и увидел, что комната находится в страшном беспорядке – столики опрокинуты, стул сломан, люстра разбита. Он кинулся в спальню, Паркер последовал за ним.

Тело женщины лежало на кровати. Ее длинные, с проседью волосы толстым канатом свисали с подушки, по голове и шее стекала кровь. Однако Уимзи счел это хорошим знаком – у покойников кровь не течет.

Паркер лишь мельком взглянул на раненую и направился прямо к небольшой гардеробной. Какой-то предмет просвистел прямо у него над ухом, раздался возглас досады, потом ругательство – и все было кончено. Констебль стоял, потирая ушибленную руку, Паркер цепко схватил злоумышленницу в тиски объятий. Теперь ее нельзя было не узнать – парик с обесцвеченными волосами упал на пол, ее синие глаза пылали яростью и отчаянием.

– Возьмите себя в руки, – приказал инспектор, – игра окончена. Спротивляться бесполезно. Ну же, успокойтесь. Вы ведь не хотите, чтобы на вас надели наручники? Мэри Уиттакер, она же Форрест, я арестую вас по обвинению... – Паркер заколебался, и она тут же это заметила.

– По какому обвинению? – усмехнулась она криво. – Что у вас есть против меня?

– По обвинению в попытке убийства вот этой дамы – для начала, – сказал он.

– Какая-то сумасшедшая, – презрительно фыркнула она, – ворвалась в квартиру и напала на меня. И это все?

– По всей видимости, нет, – сказал Паркер. – Предупреждаю: все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде.

Третий офицер уже вытащил блокнот и сейчас невозмутимо записывал: «По оглашении обвинения арестованная спросила «и это все?». Ее замечание явно показалось полицейскому крайне опрометчивым; с удовлетворенным выражением лица он облизнул химический карандаш.

– Что же с ней? Да, и кто это? – спросил Паркер, подходя к кровати.

– Мисс Климпсон – одному богу известно, как она тут очутилась. Кажется, она в порядке, хотя ей и пришлось нелегко.

Уимзи бережно стирал кровь с лица сыщицы носовым платком. Внезапно мисс Климпсон открыла глаза.

– Помогите! – вскрикнула она. – Шприц – не смейте!.. О! – Она попыталась отбиваться, потом увидела над собой встревоженное лицо лорда Уимзи. – Боже мой! Милорд, прошу прощения. Вы получили мое письмо? Что тут произошло? О, в каком я виде! Я... эта женщина...

– Не волнуйтесь, мисс Климпсон, – с облегчением произнес Уимзи, – все уже позади, и вам сейчас вредно разговаривать. Вы все расскажете нам после.

– А что насчет шприца? – спросил верный делу Паркер.

– Она схватила его, – начала сбивчиво объяснять мисс Климпсон, пытаясь опереться руками на кровать, чтобы сесть. – Я совсем выбилась из сил – еще бы, такая борьба... И она ударила меня чем-то тяжелым по голове. Потом я увидела, что она подходит к мне со шприцем. Я выбила его у нее из рук, но что случилось дальше – не помню. Однако я вообще очень живучая, – жизнерадостно добавила мисс Климпсон. – Мой дорогой отец всегда говорил: «Климпсонов так просто не убьешь!»

Паркер наклонился и что-то поднял с пола – это и был шприц.

– Она сумасшедшая, только и всего, – объявила арестованная. – Этим шприцем я делаю себе уколы от невралгии. Посмотрите, в нем же ничего нет.

– Совершенно верно, – сказал Паркер, многозначительно кивнув Уимзи. – В нем ничего нет, кроме

воздуха...

Вечером во вторник, после того как арестованной Мэри Уиттакер были официально предъявлены обвинения в убийстве Берты Гоутубед и Веры Файндлейтер, а также в покушении на убийство Александры Климпсон, Паркер обедал у Уимзи. Питер пребывал в состоянии апатии и подавленности.

– До чего же грязное оказалось дело, – ворчал он. Время перевалило за полночь, а они все обсуждали только что завершённое расследование.

– Но довольно любопытное, – ответил на это Паркер. – Кстати, я проиграл пари – получите ваши деньги. Нам надо было раньше догадаться, кто такая миссис Форрест, но кто бы мог подумать, что Вера Файндлейтер лгала, чтобы обеспечить подруге алиби. С этими лжесвидетельствами вечно такая морока...

– Думаю, все дело в том, что она заблаговременно начала свою двойную жизнь. Скорее всего, сразу после той истории с Триггом. Мэри Уиттакер сильно рисковала, забираясь в пустой коттедж, кроме того, она не могла быть уверена, что подходящие пустые коттеджи будут попадаться ей всякий раз, когда понадобится кого-нибудь убрать с дороги. Двойная личина нужна была ей на случай, если Мэри Уиттакер в чем-то заподозрят: она бы потихоньку исчезла, превратившись в довольно противную, но ни к чему не причастную миссис Форрест.

Свой первый большой промах она допустила, забыв забрать пятифунтовый билет у Берты Гоутубед. Если бы не он, мы никогда бы не узнали о миссис Форрест. Наверняка она страшно испугалась, когда мы явились к ней домой. Получалось, что теперь полиция знает обе ее ипостаси. Убийство Веры Файндлейтер было отчаянной попыткой замести следы – попыткой, обреченной на провал, потому что тут она явно перемудрила.

– Да уж. Но убийство ее тетушки – мисс Агаты Доусон было прекрасно в своей простоте и легкости. Если бы она остановилась на нем, мы, скорее всего, никогда бы ничего не доказали. Мы и так не сможем этого доказать, потому-то я и не включил это преступление в список обвинений. – По-моему, это самая бессердечная и алчная из всех преступниц, с которыми я когда-либо сталкивался, – сказал Питер. – Похоже, она считала, что каждый, кто чем-то не угодил ей, заслуживает смерти.

– Алчная и жестокая. Пыталась все свалить на бедного старого Аллилуйю. Наверняка сочла, что тот совершил страшный грех, рискнув попросить у нее денег... – Паркер улыбнулся, добавив: – Кстати, хорошая новость – теперь он их получит. Яма, которую она выкопала для кузена Аллилуйи, обернулась золотой жилой. Чек на 10 тысяч фунтов приняли к оплате. Я сам убедился в этом – хотел проверить, не остановила ли она выплату по нему. Собственно, она и не могла этого сделать – чек был легальным образом предъявлен в банк в прошлую субботу.

– А деньги по закону все равно принадлежат ей? – спросил Уимзи.

– Кому же еще... Мы знаем, что она получила их преступным путем, однако по этому делу обвинение не выдвигалось, так что с точки зрения закона преступления не было. Я не стал сообщать об этом кузену Аллилуйе, не то он может заартачиться и не принять деньги. Он считает, что она выписала чек в порыве раскаяния.

– Значит, кузен Аллилуйя и его маленькие аллилуйчики теперь богаты... Великолепно! – потер руки Питер. – А как насчет остальных денег? Отойдут Короне?

– Нет. Если только она не завещает их кому-нибудь другому, они отправятся к следующему по степени родства наследнику из семейства Уиттакер – кажется, ее кузену. Кстати, его зовут Аллок – достойный муж, проживающий в Бирмингеме. Конечно, – добавил он, внезапно заколебавшись, – если кузен внучатой племянницы мисс Доусон имеет право наследования по этому дурацкому акту.

– О, я думаю, что этим кузенам и кузинам наследников ничего не угрожает, – рассмеялся Уимзи, – хотя в наши дни уже ни в чем нельзя быть уверенным. Но все равно – кто-то же должен иметь право на денежки предков, иначе зачем вообще нужна семья? Хотя порой из-за этого совершаются преступления... Да, вот еще – я позвонил доктору Карру, рассказал, чем все закончилось. Однако он не проявил никакого интереса или признательности. Равнодушно сказал, что всегда подозревал нечто в этом роде. И выразил надежду, что мы не станем снова поднимать шум вокруг этого дела: он сам как раз недавно получил наследство, о котором тогда упоминал, и сейчас как раз устраивается на Харли-стрит, поэтому новый скандал ему совсем не нужен.

– Знаете, Питер, – признался Чарльз, – он мне никогда не нравился. Сочувствую сестре Филлитер...

– Не стоит. Этим вопросом я тоже поинтересовался: так вот, помолвка расторгнута. Думаю, доктор Карр теперь слишком важная птица, чтобы жениться на простой медсестре. Я уверен, что Провидение еще пошлет ей достойного молодого человека, – патетически добавил Уимзи.

– Оно и к лучшему. Ну вот, снова телефон! Кто это может быть? Наверняка из Скотленд-Ярда. В три часа утра! Алло! Из тюрьмы? Да... О! Да, я сейчас приеду. Наша обвиняемая только что скончалась, Питер.

– Что произошло?

– Самоубийство. Повесилась на простыне. Мне надо ехать в тюрьму.

– Я с вами.

– Дьявол в женском обличье. – Паркер с ужасом глядел на застывшее тело с раздутым лицом и глубокой красной бороздой вокруг шеи.

Уимзи молчал. Его бил озноб, к горлу подступала тошнота. Пока Паркер и начальник тюрьмы занимались необходимыми формальностями и обсуждали случившееся, Питер сидел, тоскливо сгорбившись на своем стуле. Они всё говорили и говорили. Часы пробили шесть – их удары напомнили ему выстрелы пушки, предвещавшие поднятие черного флага.

Ворота тюрьмы отворились с металлическим лязгом, и наконец-то Уимзи с Паркером вышли наружу. Лондон погрузился в тусклый, зловещий сумрак, фонари уже были потушены. Июньское солнце вроде бы уже должно было взойти, однако пустынные улицы заливало лишь призрачное желтоватое свечение. С Темзы дул пронизывающий ветер, моросил дождь.

– Странный какой-то день, – сказал Уимзи. – Сегодня что, конец света?

– Нет, – ответил Паркер. – Просто солнечное затмение.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

УИМЗИ, Питер Диз Бредон, кавалер ордена «За боевые заслуги»; 1890 г.р., 2-й сын Мортимера Джеральда Бредона Уимзи, 15-го герцога Денверского, и Гонории Лукасты, дочери Фрэнсиса Де ла Гарди из Беллингем-Мэнор в Хемпшире.

Образование: Итон, колледж Бейллиол, Оксфорд (почетный диплом первой степени, курс современной истории, 1912); служба в войсках, 1914/1918 (майор, бригада Райфл).

Автор книг: «Записки о коллекционировании инкунабул», «Краткий справочник убийцы» и пр.

Увлечения: криминология, чтение, музыка, крикет. Клубы: Мальборо, Эгоисты.

Проживает: 110А Пикадилли, Зап.; Бредон-холл, герцогство Денверское, Норфолк.

Герб: соболев, три бегущих мыши (серебряного цвета), плюмаж, кошка, выгнувшаяся перед прыжком (естественного окраса); девиз: «Слушай только себя».

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Составлена Полом Остином Де ла Гарди

По просьбе мисс Сэйерс я составил справку с целью заполнить некоторые пробелы в описании жизни и деятельности моего племянника Питера Уимзи. Для любого человека иметь печатный труд – весьма заманчивая цель, поэтому я с большим удовольствием согласился выступить в скромной роли биографа моего знаменитого племянника, каковая приличествует моим весьма зрелым годам.

Семья Уимзи довольно древняя – по-моему, так даже слишком. Единственное более или менее значительное достижение отца Питера заключается в том, что он умудрился укрепить свой близившийся к упадку род, влив в него свежую кровь франко-английского семейства Де ла Гарди. Несмотря на это, мой племянник Джеральд (нынешний герцог Денверский) – это самый обыкновенный, туповатый английский сквайр, а моя племянница Мэри была ветреной и взбалмошной, до тех пор пока не вышла за полицейского и не остепенилась. Питер – конечно, человек нервного склада – но это лучше, чем быть безмозглой тушей вроде его отца и брата или нытиком, таким как сын Джеральда Сент-Джордж. По крайней мере он унаследовал мозги Де ла Гарди, которые помогают ему держать в узде злосчастный темперамент Уимзи.

Питер родился в 1890 году. Его мать в то время была весьма обеспокоена поведением своего мужа (Денвер всегда доставлял нам кучу хлопот, однако настоящий скандал разразился только в год их юбилея), и эти тревожения, похоже, отразились на мальчике. Он рос хилым, беспокойным и непослушным, но всегда отличался сообразительностью.

У него не было и следа той мощной стати, которая присуща Джеральду, однако постепенно, в отсутствие физической силы, он развил в себе неплохую ловкость, сделав тело, как я говорю, «послушным». Питер хорошо владел мячом и умело управлялся с лошастью. Он был дьявольски отважным, но при этом всегда трезво оценивал риск, на который идет. В детстве его часто мучили ночные кошмары. К большой озабоченности отца, он с ранних лет увлекся книгами и музыкой.

Первые годы в школе стали для мальчика настоящим испытанием. Одноклассники прозвали его «задохликом», превратив в предмет насмешек. Таким Питер навсегда и остался бы, хотя бы из чувства самосохранения, однако кто-то из итонских спортивных тренеров заметил, что Питер – прирожденный и блестящий игрок в крикет. После этого его эксцентричность стала считаться остроумием, а Джеральд пережил страшное потрясение, поняв, что его младший брат теперь гораздо больше популярен, нежели он сам. К тринадцати годам Питер стал объектом всеобщего поклонения – спортивный, умный, элегантный. Этому способствовал крикет: выпускники Итона до сих пор вспоминают «великого Уйма», обеспечившего им победу над командой Харроу. Однако я также внес свою лепту, познакомив его с лучшими портными, введя в лондонский свет и научив

отличать хорошее вино от плохого. Денвер беспокоился о сыне куда меньше – у него своих забот было по горло, не считая Джеральда, который влип в крупные неприятности в Оксфорде. Говоря по правде, Питер вообще с трудом уживался с отцом и вечно критиковал его, а любовь к матери негативно сказывалась на его чувстве юмора.

Денвер отнюдь не был склонен терпеть попреки собственного отпрыска. С трудом погасив последствия оксфордского скандала, в котором был замешан Джеральд, он изъявил желание передать своего второго сына на мое попечение. Таким образом, в возрасте семнадцати лет Питер переехал ко мне. Он был уже вполне зрелым для своего возраста и весьма благоразумным, так что я обращался с ним как со взрослым человеком. Я отправил его в Париж, передал в надежные руки, наказав завязывать отношения на исключительно деловой основе и следить за тем, чтобы они оканчивались по взаимному соглашению сторон и со щедрым вознаграждением от его лица. И племянник полностью оправдал мое доверие. Думаю, ни одна из женщин не могла бы пожаловаться на Питера; две из них впоследствии удачно вышли замуж за членов королевских семей (боковой ветви, но все-таки). В этом я также усматриваю свое благотворное влияние; как бы ни был хорош материал, важно, в какие руки он попадет.

В ту пору Питер был очаровательным молодым человеком: искренним, скромным, обладавшим изысканными манерами и блестящим живым умом. В 1909 году он начал изучать историю в колледже Бейллиол, и тут, надо признать, стал немного заносчив. Весь мир лежал у его ног, вот он и возомнил о себе. В нем появилась претенциозность, какая-то преувеличенная оксфордская манера, он стал носить монокль и выражаться очень напыщенно – как на занятиях, так и в жизни. Справедливости ради надо заметить, что со мной и со своей матерью он никогда не говорил свысока. На следующий год Денвер свернул себе шею на охоте, и его титул перешел к Джеральду. Джеральд показал себя человеком гораздо более ответственным, чем я ожидал, в том, что касалось управления их владениями; но женитьба на их кузине Элен, костлявой, манерной ханже, провинциалке до мозга костей, была, пожалуй, ошибкой. Они с Питером сразу же невзлюбили друг друга; но он всегда мог укрыться в поместье у своей матери.

Потом, в свой последний год в Оксфорде, Питер влюбился в семнадцатилетнюю девчонку, позабыв все, чему я его учил. Он обращался с ней так, словно она была из сахарной ваты, а меня провозгласил чуть ли не чудовищем за то, что мои уроки лишили его чистоты и сделали тем самым недостойным этого нежного цветка. Не буду отрицать – они были великолепной парой, а в обществе их называли «принцем и принцессой лунного света». Только что, позвольте спросить, Питер стал бы делать с такой женой лет через двадцать? У нее не было ни ума, ни характера. Но он был влюблен до безумия, и мы с его матерью предпочли держать язык за зубами. К счастью, родители Барбары решили, что она слишком молода для замужества; Питер набросился на учебу с рвением сказочного рыцаря, охотящегося за своим первым драконом, и положил почетный диплом первой степени к ногам прекрасной дамы, словно голову этого самого дракона. Влюбленным предстояло пережить своего рода испытательный срок.

Но тут началась Первая мировая война. Конечно, юный идиот захотел жениться, прежде чем идти на фронт. Однако упоминание о долге и чести превратило его в послушный воск в чужих руках. Ему сказали, что, если он вернется с войны искалеченным, это будет несправедливо по отношению к девушке. Самому ему это в голову не приходило – и Питер немедленно освободил ее от всех обязательств. Я тут был совершенно ни при чем; пусть даже результат меня порадовал, средства казались мне не самыми достойными.

Он отлично проявил себя во Франции; оказался отличным офицером, и солдаты искренне любили его. Питер получил звание капитана и короткий отпуск – но его возлюбленная вдруг объявила, что выходит замуж за майора Такого-то, за которым она ухаживала в военном госпитале и который придерживался девиза «Бери женщин с наскока и крепко держи в узде».

Для Питера их внезапное обручение стало тяжким ударом. Девушка даже не побеспокоилась о том, чтобы предупредить его заранее. Они поженились в спешке, когда Питер уже летел домой; приземлившись, он получил письмо, в котором его ставили в известность об уже свершившемся факте. Она же еще и упрекнула его в том, что он ведь сам разорвал их помолвку.

Питер пришел прямо ко мне и признал, что совершил ошибку. «Ничего, – сказал я, – зато ты получил урок. Больше никогда не веди себя с женщинами так по-дурацки». Он вернулся на фронт,

по-моему, с единственной целью – быть убитым, однако добился совсем другого – звания майора и ордена «За боевые заслуги». В 1918-м он был контужен взрывом снаряда близ Кодри, в результате чего у него случилось тяжелое нервное расстройство, продолжавшееся в общей сложности более двух лет. Вернувшись в Англию, он поселился в квартире на Пикадилли вместе с Бантером (своим бывшим сержантом, весьма ему преданным) и начал постепенно приходить в себя.

На тот момент я не знал, чего от него ожидать. Питер утратил былую открытость, замкнулся в себе, ни с кем, включая свою мать и меня, не общался; у него появилась склонность к непредсказуемым поступкам. В общем, вел он себя очень странно. Благодаря своему богатству он мог заниматься тем, чем ему хотелось. Меня весьма позабавили усилия женской половины послевоенного Лондона по покорению этого неприступного бастиона. «Мне кажется, – сказала как-то одна почтенная матрона, – что лорду Питеру не стоит жить таким отшельником». «Мадам, – ответил я, – будь оно так, это было бы гораздо лучше». Нет, с этой точки зрения он меня не беспокоил. Меня настораживало то, что у Питера нет никакого занятия, которое немного отвлекло бы его.

В 1921 году случился известный инцидент с изумрудами Аттенборо. О нем почти ничего не писали, однако слухов ходило немало – и это в столь непростое время!

Самой большой сенсацией на судебном процессе по этому делу стало появление лорда Питера Уимзи в качестве главного свидетеля обвинения.

Защита оказалась разбита в пух и прах. Не думаю, что расследование было особенно сложным, но сыщик-аристократ привлек к себе всеобщее внимание. Денвер был в ярости; а я в общем-то не имел ничего против. Мне показалось, что Питер доволен проделанной работой, и еще мне понравился инспектор из Скотленд-Ярда, с которым он подружился, когда разбирал это дело. Чарльз Паркер – уравновешенный, внимательный, прекрасно воспитанный человек – стал Питеру хорошим другом и образцовым зятем. У него есть одно великолепное качество: он способен искренне симпатизировать людям, не влезая при этом к ним в душу.

Единственная проблема с новым хобби Питера заключалась в том, что оно стало для него больше чем хобби – если подобное занятие вообще может считаться подходящим для джентльмена. Нельзя же привлекать преступников к суду просто ради развлечения. Интеллектуальный голод заставлял Питера браться за расследования, но ему мешали расшатанные нервы. По завершении каждого дела у него снова появлялись ночные кошмары, обострялись последствия контузии. Но тут Денвер – именно Денвер, этот болван, так яростно выступавший против увлечения Питера, попал под подозрение по обвинению в убийстве и должен был предстать перед палатой лордов, причем его позор был предан широкой огласке.

Питеру удалось доказать его невиновность; как я, к своему облегчению, узнал некоторое время спустя, по окончании расследования он напился до положения риз. В настоящий момент «хобби» превратилось для него в основной вид деятельности.

Постепенно он снова начал проявлять интерес к общественной жизни и даже стал выполнять небольшие поручения по дипломатической линии в Министерстве иностранных дел. Он уже не так боялся проявлять собственные чувства – в общем, потихоньку оттаивал.

Его последней выходкой стала новая любовь – со своей избранницей он познакомился в ходе расследования, когда снял с нее подозрения в отравлении любовника. Она отказалась выйти за него замуж. Благодарность и комплекс неполноценности – не лучшие основания для вступления в брак; это было ясно с самого начала. На сей раз Питеру хватило ума прислушаться к моему совету. «Мальчик мой, – сказал я, – ты снова совершаешь ту же ошибку, что и двадцать лет назад. Ты же видишь, девушка находится в страшном замешательстве. Начни сначала – только на сей раз старайся держать себя в руках».

Что ж, он начал стараться. Никогда раньше я не видел, чтобы мужчина проявлял столько терпения по отношению к женщине. Девушка была с характером, честная, сообразительная – но ей предстояло научиться получать любовь, что гораздо труднее, чем ее дарить. Думаю, они еще найдут общий язык, если, конечно, все эти перипетии не потушат их страсть. Надеюсь, он понимает, что в данном случае обе стороны ни в коем случае не должны оказывать давление друг на друга.

Сейчас Питеру сорок пять, пришло время ему остепениться. Как вы теперь знаете, я оказал большое влияние на формирование его личности, и поэтому он мне очень доверяет. Питер – настоящий Де ла Гарди, от Уимзи же (приходится признать) он унаследовал обостренное чувство

ответственности, которое по сей день держит английскую аристократию на плаву – в переносном смысле, конечно. Сыщик или нет, в любом случае он – образованный человек и настоящий джентльмен; весьма любопытно будет посмотреть, каким он окажется мужем и отцом.

Я старею, сыновей у меня нет (по крайней мере я о них ничего не знаю), так что мне приятно было бы видеть Питера счастливым. Его мать как-то раз сказала: «У Питера всегда было все, за исключением того, чего ему действительно хотелось»... Надеюсь, что, несмотря на это, ему повезет.

Пол Остин Де ла Гарди